

Уильям
ТЕККЕРЕЙ

*Записки
Барри Линдона*

Уильям Мейкпис Теккерей

Книга снобов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606375
Записки Барри Линдона: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-45742-7

Содержание

Предварительные замечания	6
Глава I	12
Глава II	19
Глава III	25
Глава IV	31
Мисс Снобки	33
Леди Снобки	34
Глава V	39
Глава VI	45
Глава VII	51
Глава VIII	59
Глава IX	66
Глава X	72
Глава XI	78
Глава XII	83
Глава XIII	90
Глава XIV	95
Глава XV	102
Глава XVI	107
Глава XVII	113
Глава XVIII	120
Глава XIX	126
Глава XX	131

Глава XXI	137
Глава XXII	142
Глава XXIII	150
Глава XXIV	155
Глава XXV	160
Глава XXVI	167
Глава XXVII	173
Глава XXVIII	180
Глава XXIX	188
Глава XXX	194
Глава XXXI	201
Глава XXXII	207
Глава XXXIII	215
Глава XXXIV	221
Глава XXXV	226
Большой зал	232
Южную галерею	233
Глава XXXVI	236
Поручику Уэлсли Понто, Сто двадцатого полка Пегих Ее Величества гусар от Кнопфа и Штекнаделя Кондит-стрит. Лондон	241
Глава XXXVII	244
Глава XXXVIII	250
Глава XXXIX	256
Глава XL	264
Глава XLI	270

Глава XLII	278
Глава XLIII	287
Глава XLIV	294
Глава XLV	301
Глава XLVI	306
Глава XLVII	311
Глава XLVIII	319
Глава XLIX	323
Глава L	330
Глава LI	337
Глава последняя	343

Уильям Теккерей

Книга снобов,

написанная одним из них

Предварительные замечания

(Необходимость книги о Снобах, явствующая из Истории и обоснованная удачными примерами: автор и есть тот, кому суждено написать данную книгу. Его призвание излагается в самых красноречивых выражениях. Он доказывает, что свет издавна готовился к появлению этой книги и ее Автора. Снобов надлежит изучать так же, как и прочие предметы естественной истории, к тому же они составляют неотъемлемую часть Прекрасного (с прописной буквы). Они встречаются во всех классах общества. Разительный образец снобизма – полковник Снобли.)

Все мы не раз читали утверждение, достоверность коего я позволю себе отрицать в корне, ибо на каких таких расчетах оно основано, хотел бы я знать? – все мы, говорю я, имели честь познакомиться с изречением: когда назревает время и является потребность в Человеке, то этот Человек всегда находится. Так, в эпоху Французской революции (читателю будет приятно, что она упоминается уже на первой страни-

це), когда потребовалось дать народу успокоительное лекарство, то самым гнусным и омерзительным из таких лекарств оказался Робеспьер и был безропотно принят пациентом, к вящей пользе этого последнего; так, когда понадобилось выкинуть Джона Буля из Америки, на сцену выступил мистер Вашингтон и весьма успешно проделал эту работу; так, когда занемог граф Олдборо, явился профессор Голловэй со своими пилюлями и вылечил его милость согласно объявлению; и т. д. и т. д. Можно привести бесчисленное множество примеров в доказательство того, что когда народ терпит бедствие, то помощь ему близка, совершенно так же, как в пантомиме (этом микрокосме), где, как только клоуну что-нибудь понадобится – грелка, ручка от насоса, гусь или же дамский палантин, – из-за кулис выскакивает актер с тем самым предметом, который требуется клоуну. И тут я не могу не заметить, сколь странно и исключительно, судя по всему, положение нашей горячо любимой Англии и Ирландии. Нетрудно представить себе, что великую нацию возглавляет Моисей, либо освобождает Вашингтон, либо вызволяет из беды Леонид или Альфред Великий; а вот героями, коим суждено в настоящее время спасать *нас*, оказывается пара известных шарлатанов, в чем со мной, несомненно, согласятся сэр Роберт и мистер О'Коннел. Это я отметил только так, в скобках, теперь же возвращаюсь к прежним своим доводам, которые каждый волен признать правильными или ложными.

Итак, продолжаю. Когда люди затевают какое-нибудь

предприятие, они всегда готовы доказывать, что первейшие потребности человечества требуют его завершения. Скажем, это железная дорога: для начала директора уверяют, будто «более удобное сообщение между Бетершинз и Дерринен-Бег необходимо для прогресса цивилизации и диктуется единодушными требованиями великого ирландского народа». Или предположим, что это газета: проспект гласит, что «в наше время, когда Церковь находится в опасности и ей угрожают извне дикий фанатизм и еретическое неверие, а изнутри ее подтачивают опасный иезуитизм и убийственная схизма, повсюду чувствуется нужда (страждущий народ уже обращался ко многим за помощью) в защитнике и покровителе Церкви. И потому группа прелатов и дворян выступила с предложением издавать газету «Церковнослужитель», и т. д. и т. д. Но один или два довода здесь неоспоримы: публика нуждается в чем-либо, и потому ей это доставляют, или: публике доставляют что-либо, а значит, она в этом нуждается.

У меня давно сложилось убеждение, что мне предстоит совершить некий труд – если хотите, Труд с прописной буквы, достигнуть некой цели; броситься в пропасть вместе с конем, подобно Курцию; открыть величайшее общественное зло и уничтожить его. Это убеждение преследовало меня долгие годы. Оно шло за мною по пятам на шумных улицах; сидело рядом со мной в уединении кабинета; толкало меня под локоть, когда я поднимал чашу за пиршественным сто-

лом; преследовало меня по зигзагам Роттен-роу, бежало за мной в дальние страны. На гальке брайтонского пляжа, на маргетских песках его голос заглушал самый рев моря; он шептал, угнездившись в моем ночном колпаке: «Не спи, лентяй, твой Труд еще не завершен». Прошлым летом в освещенном луной Колизее донесся до меня этот тихий, искушающий голос: «Смит, или Джонс (имя писателя здесь не имеет значения), Смит, или Джонс, любезный мой, все это прекрасно, но тебе надо засесть дома и писать твой великий труд о Снобах».

Когда у человека есть такого рода призвание, всякая попытка уклониться от него просто бессмысленна. Он должен выступить перед народом; должен «выболтаться», отвести душу, а не то он задохнется и умрет. «Заметь себе, – нередко восклицал я, мысленно обращаясь к вашему покорному слуге, – тебя постепенно готовили к этому подвигу, и ныне тебя влечет неодолимая сила необходимости, требуя, чтобы ты начал свой великий труд. Вначале был сотворен мир, потом, само собой разумеется, Снобы; они существовали долгие и долгие годы, причем о них было известно не больше, чем об Америке. Однако же в наше время, – когда *ingens patebat tellus*¹, – стали смутно подозревать, что такая порода существует. Никак не более двадцати пяти лет тому назад появилось и название для нее – звучное односложное слово, коим стали обозначать эту породу. Название впоследствии

---

¹ Кругом простерлись обширные (новые) земли (*лат.*).

распространилось по всей Англии, наподобие железных дорог; Снобы стали известны и получили признание во всей империи, где, как мне говорили, никогда не заходит солнце. «Панч» появляется как раз вовремя, чтобы летописать их историю; и так же вовремя является нужный человек, чтобы напечатать эту историю в «Панче».

У меня наметан глаз на Снобов, и за этот дар судьбы я питаю глубокую и неиссякаемую признательность. Если Истинное есть Прекрасное, то прекрасно изучать и Снобов; разыскивать следы Снобов в веках, наподобие того как маленькие гэмпширские собачки отыскивают в земле трюфели; проходить шахты в общественных слоях и обнаруживать там богатые залежи снобизма. Снобизм, подобно Смерти в цитате из Горация, – которую вы, надеюсь, не знаете, – «равной ногой стучится в дверь бедной хижины и в ворота императорского дворца». Большая ошибка судить о Снобах поверхностно и думать, что они водятся только в низших слоях общества. Огромный процент Снобов можно, как я полагаю, найти на любой ступени общественной лестницы. Не следует судить о них поспешно или пошло – это только доказывает, что вы тоже Сноб. Меня и самого принимали за Сноба.

Когда я пил воды в Бэгниг-Уэлз и жил там в отеле «Империаль», за столом напротив меня завтракал очень недолгое время такой невыносимый Сноб, что, как я чувствовал, воды мне несколько не помогут, если он тут останется. Это был полковник Снобли из какого-то драгунского полка. Он но-

сил лакированные сапоги и усы, пришепетывал, растягивал слова и картавил; вечно размахивал огненного цвета шелковым платком, приглаживая им напомаженные баки, отчего по всей комнате распространялся удушающий запах мускуса, – и я решил бороться с этим Снобом до тех пор, пока либо ему, либо мне не придется выехать из этой гостиницы. Я начал с того, что обратился к нему с самым невинным разговором и страшно его этим напугал, – он не знал, что надо делать, когда тебя атакуют подобным образом, и даже вообразить не мог, чтобы кто-нибудь осмелился заговорить с ним *первый*; потом я передал ему газету; потом, так как он не обращал внимания на мои авансы, я, не спуская с него взгляда, стал ковырять вилкой в зубах. Два утра он терпел мое поведение, а потом не выдержал, съехал из гостиницы.

Ежели полковник увидит эти строки, то не вспомнит ли он того господина, который спрашивал, нравится ли ему писатель Публикола, и прогнал его из отеля «Империаль» четырехзубой вилкой?

Глава I

О снобах – в тоне веселой шутки

Бывают снобы относительные и снобы абсолютные.

Под абсолютными снобами я разумею таких, которые, будучи наделены снобизмом от природы, остаются снобами где угодно, в любом обществе, с утра до ночи, с молодых лет до могилы, – а есть и другие, которые бывают снобами только в особых обстоятельствах и в особых жизненных условиях.

Например: я знал человека, который при мне совершил такой же ужасный поступок, как и тот, о каком я рассказал в предыдущей главе, – чтобы разозлить полковника Снобли, я воспользовался тогда вилкой вместо зубочистки.

Так вот, когда-то я знал человека, который, обедая вместе со мной в кофейне «Европа» (что напротив Оперы – единственное место в Неаполе, где можно прилично пообедать), ел горошек с ножа. Это был человек, чьим обществом я очень дорожил вначале (мы с ним познакомились в кратере Везувия, а потом были ограблены и задержаны до выкупа калабрийскими бандитами, – но это к делу не относится) – человек с большими способностями, прекрасного сердца, разносторонне образованный, но до тех пор мне еще не приходилось видеть, как он ест горошек, и его образ действий в этом случае глубоко меня огорчил.

После такого его поведения в публичном месте мне не оставалось ничего другого, как порвать с ним. Я поручил одному общему знакомому (высокородному Поли Антусу) сообщить об этом нашему джентльмену возможно деликатнее и сказать, что одно весьма тягостное обстоятельство, нимало не затрагивающее чести мистера Горошка и ничуть не умаляющее моего уважения к нему, вынуждает меня прекратить наши дружеские отношения; мы встретились, как полагается, в тот же вечер на балу у герцогини Монте Фиаско – и не узнали друг друга.

Весь Неаполь заметил разрыв между Дамоном и Финтием, – в самом деле, мистер Горошек не один раз спасал мне жизнь, – но что же мне, как английскому джентльмену, оставалось делать?

Мой любезный друг был в этом случае *относительным* снобом. Для особ высокого ранга других национальностей есть горошек с ножа отнюдь не считается снобизмом. Я видел, как Монте Фиаско подбирал горошек с тарелки ножом, и все прочие князья в его обществе делали то же. Я видел за гостеприимным столом Е. И. В., великой княгини Стефании Баденской (и если эти скромные строки будут прочтены ее царственными очами, то я смиренно прошу не поминать лихом самого преданного из ее слуг), – я видел, повторяю, как наследная принцесса Потцтаузенд-Доннерветтер пользовалась ножом вместо ложки и вилки. Я видел, как она чуть не проглотила этот самый нож, честное слово, не ху-

же индийского факира Рамо-Сами. И разве я побледнел при этом? Разве перестал преклоняться перед принцессой Амалией? Нет, прелестная Амалия! Именно она пробудила в моем сердце самую верную любовь, какую только внушала человеку женщина. Очаровательница! Пускай еще долго-долго подносит этот нож пищу к этим губкам, самым розовым и самым прелестным на свете.

О причине моей ссоры с Горошком я целых четыре года не заикался ни единой живой душе. Мы встречались в чертогах аристократов, наших друзей и родственников. Мы толкали друг друга локтями во время танцев и за столом; но наше взаимное отчуждение не прекращалось и казалось бесповоротным до четвертого июня прошлого года.

Мы повстречались в доме сэра Джорджа Голлопера. Нас посадили – его по правую, а меня по левую руку очаровательной леди Г. На банкете подавали также и зеленый горошек – жареную утку с горошком. Я вздрогнул, увидев, что мистеру Горошку подали это блюдо, и отвернулся, мне стало чуть не дурно при мысли о том, что сейчас лезвие ножа погрузится в его разверстый зев.

Каково же было мое изумление, мой восторг, когда он взял вилку и стал есть, как подобает христианину! Он ни разу не пустил в ход холодную сталь. Старое время вспомнилось мне – вспомнились его прежние услуги, вспомнилось, как он спасал меня от бандитов, как галантно он вел себя в деле с графиней деи Шпинати, как он дал мне займы тыся-

чу семьсот фунтов. Я чуть не прослезился от радости, и голос мой дрогнул от волнения.

– Джордж, мой мальчик! – воскликнул я. – Джордж, дорогой мой, стакан вина?

Весь покраснев, глубоко взволнованный, и тоже дрожащим голосом Джордж отвечал мне:

– Какого, Фрэнк? Рейнвейна или мадеры?

Я бы тут же прижал его к сердцу, если бы при этом не было посторонних. Леди Голлопер и не подозревала, из-за чего я так взволновался, что жареная утка, которую я разрезал, попала на розовое атласное колено ее милости. Добрейшая из женщин простила мне мою оплошность, а дворецкий убрал утку с ее колен.

С тех пор мы с Джорджем стали самыми близкими друзьями, и, разумеется, Джордж больше не возвращался к своей отвратительной привычке. Оказалось, что он обзавелся ею в провинциальной школе, где к столу часто подавали горошек, а вилки были двузубые, и только на континенте, где повсеместно в ходу четырехзубые вилки, он бросил свою ужасную привычку.

В этом отношении, и в одном только этом, я признаю себя сторонником великосветской «Школы серебряной вилки», и, если этот рассказ заставит моего читателя задуматься, заглянуть поглубже к себе в душу и, торжественно спросив: «Ем я горошек с ножа или не ем?» – увидеть, что такая привычка может не только привести к гибели его самого, но и

подать дурной пример его семейству, – то эти строки были написаны недаром. И ныне, какие бы другие авторы ни сотрудничали в нашем журнале, я льщу себя мыслью, что я, по крайней мере, буду всеми признан за человека нравственно-го.

Кстати, поскольку некоторые читатели не отличаются сообразительностью, я могу тут же сказать, в чем заключается мораль данного повествования. Мораль вот в чем: раз общество установило некоторые обычаи, то люди обязаны подчиняться общественному закону и выполнять его безобидные предписания.

Если бы я отправился в Британский и Международный институт (сохрани меня боже пойти туда под каким бы то ни было предлогом и в каком бы то ни было костюме), – если б я отправился на званый чай в халате и шлепанцах, а не в обычном одеянии джентльмена, то есть в бальных туфлях, вышитом жилете, жабо, белом галстуке и с шапокляком, – то я оскорбил бы общество, иными словами, *ел бы горошек с ножа*. Пускай швейцары выведут человека, который так оскорбляет общество. Такой обидчик по отношению к обществу есть самый закоренелый и упрямый сноб. Общество, как и правительство, имеет свой кодекс, свою полицию, и тот, кто хочет пользоваться преимуществами обычаев, принятых для общего блага, должен их соблюдать.

По природе я не склонен к самомнению и терпеть не могу похвальбы, однако здесь мне хочется рассказать один эпи-

зод, который служит пояснением предыдущего и в котором я, как мне кажется, вел себя довольно благоразумно.

Несколько лет тому назад, когда я был в Константинополе с весьма деликатной миссией (русские, говоря между нами, вели тогда двойную игру, и нам потребовался еще один посредник), Лекербис-паша из Румелии, в то время главный галеонджи Порты, давал дипломатический обед в своем летнем дворце в Буюк-Дере. Я сидел по правую руку от галеонджи, а русский представитель, граф Дидлов, – по левую. Дидлов был денди, который умер бы в мучениях от аромата розы: он трижды покушался на мою жизнь в течение переговоров, но при публике мы встречались как друзья и раскланивались самым сердечным и приветливым образом.

Галеонджи является, или являлся – увы! шелковая удавка покончила с ним – стойким приверженцем старой школы в турецкой политике. За обедом мы ели пальцами, а вместо тарелок нам служили плоские лепешки; единственным нововведением были европейские напитки, к которым галеонджи усердно прикладывался. Это был сущий обжора. Среди других блюд перед ним поставили одно очень большое: ягненка, запеченного целиком, в шерсти, и начиненного черносливом, чесноком, асафетидой, каперсами и другими приправами, – самая отвратительная смесь, какую только смертному доводилось обонять или пробовать. Галеонджи набросился на это кушанье и, следуя восточному обычаю, усердно угощал им своих друзей справа и слева; а когда ему попалал-

ся особо лакомый кусочек, он запихивал его гостю прямо в рот собственными руками.

Я в жизни не забуду, какой вид был у бедняги Дидлова, когда его превосходительство, скатав порядочный ком этого лакомства и восклицая «бук-бук!» (это очень вкусно!), сунул этот ужасный шар Дидлову. Глаза у русского выкатились на лоб; он проглотил кусок с гримасой, за которой, как мне показалось, должна была следовать конвульсия; он схватил стоявшую рядом бутылку, в которой был не сотерн, как он думал, а французский коньяк, и, только выпив ее почти до дна, понял свою ошибку. Это его доконало: его вынесли из-за стола за мертво и положили охладиться в беседке над Босфором.

Когда дошла очередь до меня, я с улыбкой принял угощение, сказал: «Бисмилла» – и с аппетитом облизнулся, а как только подали следующее блюдо, я сам скатал шар очень умело и так ловко сунул его в рот старому галеонджи, что покорило его сердце. Россия сразу оказалась скомпрометирована, и *Кабобанопольский договор был подписан*. Что же касается Дидлова, то его карьера на этом кончилась: он был отозван в Санкт-Петербург, и сэр Родерик Мерчисон потом видел его в уральских рудниках, где он работал под № 3967.

Стоит ли говорить, в чем заключается мораль этой истории? Жизнь в обществе богата неприятностями, которые необходимо терпеть и еще улыбаться при этом.

Глава II

Царственный сноб

Давным-давно, еще в начале царствования ее величества, «в один прекрасный летний вечер», как сказал бы мистер Джеймс, трое или четверо молодых дворян, пообедав, пили вино в гостинице миссис Андерсон «Королевский Герб», в королевских угодьях Кенсингтона. Вечер был благоуханный, и глазам путников представлялась мирная картина. Высокие вязы старинного парка уже раскинули густолиственную тень, и бесчисленные коляски английской знати проносились мимо, направляясь к дворцу Сассекса Великолепного (доходы которого впоследствии позволяли ему устраивать разве только званые чаи) – он давал парадный банкет в честь своей племянницы-королевы. Когда кареты знатных господ высадили своих владельцев у банкетного зала, их кучера и лакеи отправились по соседству распить кувшин-другой темного эля в саду «Королевского Герба». Мы наблюдали за ними из нашей беседки. Клянусь святым Бонифацием, зрелище было поразительное!

Тюльпаны в садах мингера Ван Донка не поражают такой пестротой красок, как ливреи этих разношерстных прислужников. Все полевые цветы рдели на их гофрированной груди, все переливы радуги сверкали на плюшевых штанах, а

лакеи с длинными жезлами расхаживали взад и вперед по саду с той очаровательной важностью, с тем восхитительным подрагиванием ляжек, которые всегда таят для нас какую-то неизъяснимую прелесть. Эти аксельбанты церемонно прогуливались взад и вперед в канареечном, алом и ярко-голубом, и дорожка парка была для них недостаточно широка.

Вдруг среди всего этого важничанья негромко прозвонил колокольчик, открылась боковая дверь, и собственные лакеи ее величества (высадив из кареты свою царственную госпожу) появились в парке в алых ливреях с эполетами и в черных плюшевых штанах.

Жалко было смотреть, как все прочие бедняги Джоны разбежались кто куда при их появлении! Ни один честный слуга простого смертного не мог устоять перед королевским лакеем. Все они ушли с аллеи, забились в темные углы и молча допивали там свое пиво. Королевские лакеи владели садом, пока не было объявлено, что для них готов обед: тогда они удалились, и мы слышали, как они произносили консервативные речи, предлагали тосты и аплодировали друг другу. Простых лакеев мы больше не видали.

Любезные мои лакеи, такие надменные сейчас и такие униженные в следующую минуту, всего лишь копия своих хозяев в этом мире. *Тот, кто низкопоклонничает перед низостью, есть Сноб*, – пожалуй, так можно определить эту разновидность человека.

Именно поэтому я и отважился, с величайшим уважени-

ем, поместить царственного сноба во главе списка, заставив всех прочих снобов уступить ему дорогу, как простые лакеи в Кенсингтонских садах уступили ее королевским. Сказать о таком-то и таком-то всемилостивом монархе, что он – сноб, не значит ли это сказать, что его величество – человек. Короли – тоже люди и снобы. В стране, где снобы составляют большинство, первейший сноб не может не годиться в правители. У нас они преуспели как нельзя более.

Например, Иаков I был снобом, да еще шотландским снобом, хуже которого не существует твари на свете. У него, по видимому, не было ни одного из добрых свойств человека: ни отваги, ни великодушия, ни честности, ни ума; однако прочтите, что о нем говорили великие прелаты и ученые Англии! Карл II, его внук, был мошенник, но не сноб, в то время как Людовик XIV, его лощеный современник – большой поклонник важных господ, – всегда казался мне самым несомненным из королевских снобов.

Я не стану, однако, приводить в пример наших отечественных коронованных снобов, а сошлюсь на соседнее королевство Brentford и на его монарха, покойного и незабвенного Горгия IV. С тем же смирением, какое проявили лакеи в «Королевском Гербе», стушевавшись перед королевским плюшем, аристократия Brentford унижалась и раболепствовала перед Горгием, да еще объявила его первым джентльменом Европы. И любопытно было бы знать, что такое джентльмен, по мнению тех дворян, которые дали Гор-

гию этот титул.

Что значит быть джентльменом? Значит ли это быть честным, кротким, великодушным, храбрым, мудрым и, обладая всеми этими качествами, проявлять их внешне в самой изящной манере? Следует ли джентльмену быть преданным сыном, верным супругом и хорошим отцом? Должен ли он жить как порядочный человек, платить по счетам, обладать изящными и возвышенными вкусами, высокими и благородными целями в жизни? Словом, разве не должна «биография первого джентльмена Европы» быть такого рода, чтобы ее можно было с успехом читать в пансионах для молодых девиц и с пользой изучать в школах для молодых джентльменов? Я задаю этот вопрос всем наставникам молодежи – задаю его миссис Эллис и «Английским женщинам», всем школьным учителям, от доктора Хотри до мистера Сквирса. В воображении я вызываю грозный трибунал юности и невинности в сопровождении их почтенных наставников (подобно десяти тысячам краснощеких приютских детей в соборе Св. Павла), и пусть он судит Горгия, а тот пусть стоит среди них и защищается как умеет. Вон, вон из залы суда, толстый старый Флоризель! Пристав, гони отсюда этого обрюзгшего толстяка с угреватой физиономией! Если Горгию непременно полагается поставить статую в том Новом дворце, который возводит народ Brentforda, то пусть ее поставят в лакейской. Его следует изобразить за кройкой – искусство, в котором, как говорят, он не знал себе равных.

Кроме того, он изобрел мараскиновый пунш, пряжки для туфель – это было в самом расцвете его юности и изобретательского таланта – и Китайский павильон, самое безобразное строение на свете. Он правил четверкой почти так же хорошо, как кучер брайтонского дилижанса, фехтовал с грацией и, как говорят, недурно играл на скрипке. А улыбался он так неотразимо, что люди, удостоившиеся королевской аудиенции, становились его рабами телом и душой, как кролик становится добычей большого толстого боа-констриктора.

Я готов держать пари, что если бы революция посадила на брентфордский престол мистера Виддикомба, люди точно так же очаровывались бы его неотразимой, полной величия улыбкой и дрожали бы, становясь на колени, чтобы поцеловать его руку. Если б он поехал в Дублин, на том месте, где он высадился, поставили бы обелиск, как это и проделали ирландцы, когда их посетил Горгий. Все мы с восторгом читали о путешествии этого короля в страну хаггиса, где его появление вызвало такой взрыв верноподданнических чувств и где самый известный в стране человек, барон Брэдвардайн, взойдя на борт королевской яхты, схватил стакан, из которого пил король, положил его в карман, как бесценную реликвию, и вернулся на берег в своей лодке. Но барон сел на этот стакан, он разбился, изрезав бароновы фалды, и бесценная реликвия навсегда пропала для мира. О благородный Брэдвардайн! Какой замшелый предрассудок мог поставить тебя на колени перед таким кумиром?

Если вам желательно пофилософствовать насчет изменчивости всего земного, ступайте и посмотрите на Горгия в его подлинной королевской мантии – в музее восковых фигур. За вход – один шиллинг. С детей и лакеев – шесть пенсов. Ступайте – и заплатите шесть пенсов.

Глава III

Влияние аристократии на снобов

В воскресенье на прошлой неделе я был в церкви и, как только кончилась служба, услышал разговор двух снобов о пасторе. Один спрашивал другого, кто такой этот священник.

– Это мистер такой-то, домашний капеллан графа Как-его-там, – отвечал второй сноб.

– Ах, вот как? – отозвался первый сноб тоном глубочайшего удовлетворения. Он сразу решил, что пастор – человек благонамеренный и достойный. О графе он знал не больше, чем об его капеллане, однако принял на веру репутацию пастора, положившись на авторитет этого графа, и пошел домой вполне довольный его преподобием, как и полагается ничтожному, раболепствующему снобу.

Этот случай дал мне больше пищи для размышлений, чем сама проповедь, и я изумился, до какой степени доходит лордопоклонство у нас в Англии. Почему для сноба так важно, служит его преподобие капелланом у его милости или нет? Что за преклонение перед пэрами в нашей свободной стране! Все мы в нем участвуем, более или менее, и все становимся на колени. А что касается основной нашей темы, мне кажется, что из всех институтов, влиявших на снобизм, ари-

стократия стоит на первом месте. В число бесценных услуг (по выражению сэра Джона Рассела), оказанных нам знатью, можно смело включить поощрение, поддержку и умножение числа снобов.

Иначе и быть не может. Человек наживает несметное богатство, или удачно оказывает поддержку министру, или выигрывает крупное сражение, или заключает договор, или, как ловкий юрист, получает огромные гонорары и добивается места судьи, – и страна награждает его, на вечные времена, золотой коронкой (с большим или меньшим числом листьев или жемчужин), а также званием законодателя. «Ваши заслуги так велики, – говорит нация, – что вашим детям дозволяется некоторым образом править нами. Не имеет ни малейшего значения, что ваш старший сын дурак: мы считаем ваши заслуги настолько ценными, что к нему перейдут все ваши почести, как только смерть освободит ваше место. Если вы бедны, мы дадим вам столько денег, что и вы сами, и старший в вашем роде вечно будете кататься, как сыр в масле. Мы желаем, чтобы в этой счастливой стране создалась особая порода, которая будет занимать первые места и получать первые награды и вакансии, протекцию и субсидии от правительства. Мы не можем сделать всех ваших милых деток пэрами – тогда титул пэра стал бы слишком заурядным, и в палате пэров стало бы слишком тесно, – но у вашей молодежи должно быть все, что может дать правительство: они получают самые лучшие должности, они станут в девят-

надцать лет капитанами и подполковниками, тогда как седые старики тридцать лет тянут ляжку до поручика; в двадцать один год они будут командовать кораблями и ветеранами, которые сражались, когда этих юнцов еще на свете не было. А поскольку мы, как известно, свободный народ, то мы и говорим всякому человеку любого звания, дабы он лучше исполнял свой долг: наживай несметное богатство, получай огромные гонорары как адвокат, произноси возвышенные речи или отличайся в боях и одерживай победы, и тогда ты, даже ты, войдешь в ряды привилегированного класса, а твои дети уже по праву рождения станут править нашими».

Как же мы можем избежать снобизма, когда у нас имеется такой удивительный национальный институт, учрежденный для поклонения ему? Как можем мы не раболепствовать перед лордами? Это выше человеческих сил. Возможно ли противиться такому искушению? Движимые тем, что именуется благородным соревнованием, одни люди стремятся к почестям и добиваются их; другие, более слабые и низкие, слепо восхищаются и пресмыкаются перед теми, кто их добился; третьи, ничего не добившись, бешено ненавидят, клеветают и завидуют. Лишь немногие философы, невозмутимые и отнюдь не самоуверенные, могут хладнокровно смотреть на такой общественный порядок, то есть на организованное раболепство – на гнусный, утвержденный законом культ Человека и Мамоны, словом – на увековеченный снобизм. Однако желал бы я знать, найдется ли среди этих

невозмутимых моралистов хоть один, у кого не забилося бы от волнения сердце, если б его увидели на Пэл-Мэл с герцогом под ручку? Нет: при наших общественных порядках невозможно не быть иногда снобом.

Такие порядки воспитывают в простом человеке подлого сноба, а в знатном – высокомерного сноба. Когда некая благородная маркиза пишет в своих путевых заметках, как тяжело пассажиру на пароходе по необходимости сталкиваться «со всякого рода и состояния людьми», давая этим понять, что общение с божьими созданиями неприятно ее милости, которая выше их; когда, говорю я, маркиза Лондондерри пишет в этом духе, мы бы должны принять во внимание, что по натуре ни одной женщине это чувство не свойственно, однако привычка всех окружающих раболепствовать и заискивать перед этой прекрасной и величественной дамой – обладательницей такого множества черных и всяких других брильянтов – и в самом деле заставила ее поверить, что она выше всех на свете и что люди не вправе с ней общаться, разве только с почтительного расстояния.

Помню, однажды мне пришлось быть в Каире, когда через этот город проезжал европейский принц крови, направляясь в Индию. Как-то ночью в гостинице поднялся переполох: человек утонул в соседнем колодце. Все постояльцы сбегались во двор, – и среди прочих ваш покорный слуга, который спросил у одного молодого человека, что случилось. Почему же я мог знать, что этот молодой человек – принц? При нем

не было ни короны, ни скипетра, он был в белой куртке и фетровой шляпе; однако же он изумился, что кто-то с ним заговорил, и, пробормотав что-то невнятное, подозвал своего адъютанта, *чтобы тот подошел и ответил*. Это мы, а не лорды, виноваты, что они вообразили себя настолько выше нас. Если вы сами броситесь под колеса, можете быть уверены, Джаггернаут вас переедет; а если б мы с вами, любезный друг, привыкли ежедневно видеть перед собой раболепствующих, – если б, где бы мы ни появились, люди пресмыкались в рабском унижении, мы тоже, вполне естественно, впали бы в тон превосходства и приняли бы всерьез то величие, которое нам упорно навязывают.

Вот пример той спокойной, добродушной, убежденной манеры, с какой великий человек принимает почести от низостоящих, взятый из путевых записок лорда Лондондерри. Сделав несколько глубоких и остроумных замечаний о городе Брюсселе, его милость говорит: «Пробыв несколько дней в «Отеле Бель-Вю», который гораздо ниже своей репутации и не так комфортабелен, как «Отель де Франс», я познакомился с доктором Л., врачом при нашей миссии. Он пожелал угостить меня и заказал для нас обед у первого здешнего ресторатора, утверждая, будто бы там лучше, чем в парижском «Роше». Шесть или восемь человек приняло приглашение, и все мы согласились, что обед куда хуже парижского и много дороже. И довольно об этом жалком подражании».

Довольно и о том джентльмене, который давал обед. Док-

тор Л., желая принять его милость, угощает его самыми лучшими яствами, какие только можно достать за деньги, а милорд находит, что угощение и плохо и дорого. Дорого! Ему-то оно ничего не стоило. Плохо! Мистер Л. постарался, как мог, чтобы эти благородные челюсти остались довольны, а милорд принимает угощение и делает хозяину выговор. Это похоже на ворчанье трехбунчужного паши, недовольного бакшишем.

Но может ли быть иначе в стране, где лордопочтение вошло в символ веры, а наших детей смолodu учат почитать «Книгу пэров», как вторую Библию англичанина!

Глава IV

«Придворные известия» и их влияние на снобов

Пример – самое лучшее доказательство, а потому начнем с правдивой и подлинной истории, показывающей, как взращиваются молодые аристократы-снобы и как рано можно добиться цветов от снобизма. Одна светская красавица (простите, милостивая государыня, что ваш рассказ будет предан гласности, но он настолько поучителен, что должен стать известным всему миру) рассказывала мне, что в ранней юности у нее была подруга, которая теперь тоже стала светской красавицей. Упомянем, что мисс Снобки, дочь сэра Снобби Снобки, была в прошлый четверг представлена ко двору, что произвело настоящую сенсацию, – и все будет понятно.

Когда мисс Снобки была настолько молода, что ее держали в детской и выводили на прогулку в Сент-Джеймс-парк рано утром под присмотром гувернантки и в сопровождении огромного косматого лакея в канареечной ливрее дома Снобки, она иногда встречалась в парке с юным лордом Клодом Лоллипоп, младшим сыном маркиза Силлабаба. В самом разгаре сезона, неизвестно по какой причине, семейство Снобки неожиданно решило уехать из города. Мисс Снобки сообщила об этом своей подруге и наперснице.

– Что скажет бедный Клод Лоллипоп, когда узнает о моем отъезде? – спросило это чувствительное дитя.

– Может быть, он и не узнает об этом, – ответила наперсница.

– *Милочка, он прочтет об этом в газетах,* – возразила светская плутовка семи лет от роду.

Она уже сознавала свое значение и то, что вся Англия, то есть все претендующие на «благородство», все поклонники серебряной вилки, все сплетники, все жены лавочников, жены портных, жены адвокатов и купцов, а также обитатели Клепема и Брунсвик-сквер, у которых не больше шансов общаться с кем-либо из Снобки, чем у моего любезного читателя пообедать с китайским императором, все же с интересом следят за каждым движением семейства Снобки и бывают рады узнать, когда оно приехало в Лондон или уехало оттуда.

Вот описание туалетов мисс Снобки и ее матушки, извлеченное из газет за прошлую пятницу:

Мисс Снобки

«Habit de cour², состоящий из прозрачного платья желтой нанки на чехле горохового плиса, отделанный букетами брюссельской капусты; корсаж и рукава богато отделаны коломьянкой; розовый шлейф с гирляндами белой редиски. Головной убор из морковок с лентами».

---

² Придворный туалет (*франц.*).

Леди Снобки

«*Costume de cour*³: шлейф из великолепных носовых платков китайского шелка, элегантно отделанных блестками, фольгой и красной тесьмой. Корсаж и юбка небесно-голубого вельвета, отделанные буфами и бантами из шнуров для сонетки. Корсаж украшен плюшкой. Головной убор – гнездо с райской птицей, вместо фероньерки богатый дверной молоток чистой меди. Этот роскошный костюм от мадам Кринолин с Риджент-стрит вызвал всеобщее восхищение».

Вот что вы читаете. О миссис Эллис! О английские матери, дочери, тетушки, бабушки, вот какого рода писания помещают для вас в газетах! Как же вам не быть матушками, дочками и т. д. снобов, когда эта чепуха все время у вас перед глазами?

Вы засовываете розовую ножку китайской светской девушки в туфельку размером чуть побольше солонки и держите бедные пальчики заключенными и стиснутыми в ней до тех пор, пока миниатюрность не станет неисправимой. После этого нога уже не может расправиться и вырасти до нормального размера, хотя бы вы надели на нее корыто вместо башмака, и крошечные ноги остаются у девушки на всю жизнь, она становится калекой. О дорогая моя мисс Уиггинс, благодарите судьбу за ваши красивые ноги, – хотя, по-моему,

---

³ Придворный костюм (франц.).

они так малы, что почти невидимы при ходьбе, – благодарите судьбу, что общество их не изуродовало, но оглянитесь вокруг и посмотрите, у скольких ваших подруг в самом высшем кругу преждевременно и безнадежно повреждены и засушены мозги.

Как можно ожидать, чтобы эти бедные создания вели себя естественно, когда и свет и родители покалечили их так жестоко? Пока существуют «Придворные известия», как могут люди, чьи фамилии попадают в печать, поверить, что они равны тем подхалимам, которые ежедневно читают этот отвратительный вздор? Мне кажется, что наша страна – единственная во всем мире, где «Придворные известия» все еще процветают, где вы читаете:

«Сегодня его высочество принц Паттипан выезжал подышать воздухом в своей колясочке». «Принцессу Пимини вывозили на прогулку в сопровождении ее фрейлин и в обществе ее куклы». Мы смеемся над тем, как торжественно Сен-Симон сообщает, что «*Sa Majesté se médicamente aujourdhui*»⁴. Но под самым нашим носом та же глупость повторяется ежедневно и в наше время. Этот изумительный и загадочный человек, автор «Придворных известий», каждый вечер заходит в редакции газет со своим материалом. Я как-то попросил редактора одной газеты, чтобы мне позволили спрятаться за шкафом и взглянуть на него.

Мне рассказывали, что в одном королевстве, где имеется

---

⁴ Сегодня его величество принимает слабительное (*франц.*).

немецкий принц-супруг (должно быть, в Португалии, потому что там королева вышла за немецкого принца, которого очень любят и уважают туземцы), каждый раз, когда принц-супруг развлекается охотой в кроличьих садках Синтры или в фазаньих заповедниках Мафры, при нем, само собой, имеется лесник, чтобы заряжать ему ружья, а затем эти ружья передаются его шталмейстеру, дворянину, а дворянин передает их принцу; тот палит и отдает разряженное ружье дворянину, дворянин – леснику, и т. д. Но принц *не возьмет ружья из рук заряжающего*.

Пока держится этот противоестественный и нелепый этикет, должны существовать и снобы. Все три человека, упомянутые выше, становятся на время снобами.

1. Лесник – сноб в наименьшей мере, ибо он выполняет свои обязанности; но здесь он все-таки оказывается снобом, поскольку унижен перед другим человеком (перед принцем), с которым ему дозволено общаться только через третье лицо. Свободный португалец лесник, который признает себя недостойным общаться с кем бы то ни было непосредственно, тем самым признает себя снобом.

2. Дворянин-шталмейстер тоже сноб. Если для принца унизительно получить ружье из рук лесника, то для шталмейстера унизительно оказывать принцу эту услугу. Он ведет себя как сноб с лесником, которому препятствует общаться с принцем, и как сноб – с принцем, перед которым унижается.

3. Португальский принц-супруг – сноб, ибо оскорбляет таким образом ближних своих. Не беда, если б он принимал услуги непосредственно от лесника; но при посредничестве третьего лица становится оскорбительна самая услуга и унижены оба служителя, которые в этом участвуют; поэтому я почтительно утверждаю, что он самый несомненный, хотя и царственный сноб.

А после этого вы читаете в «Диарио де гоберно»:

«Вчера его величество король развлекался охотою в лесах Синтры в сопровождении полковника, высокородного Вискерандо Сомбреро. Его величество возвратился к завтраку в Несессидадес в таком-то часу», и т. д., и т. д.

Ох, уж эти «Придворные известия»! – опять восклицаю я. Долой «Придворные известия», это орудие и рассадник Снобизма! Я обещаю подписаться на год на любую ежедневную газету, которая будет выходить без «Придворных известий», – хотя бы даже на «Морнинг гералд». Когда я читаю этот вздор, во мне поднимается гнев; я чувствую себя предателем, цареубийцей, членом клуба «Телячья Голова». За все время мне понравилась только одна заметка в «Придворных известиях»; там рассказывалось про испанского короля, который изжарился почти целиком, потому что первый министр не успел приказать лорду-камергеру, чтобы церемониймейстер соблаговолил приказать дежурному камер-пажу, чтобы тот передал старшему придворному лакею просьбу послать за старшей горничной, чтобы та принесла ведро во-

ды – тушить его величество.

Я похож на трехбунчужного пашу, которому султан посылает *свои* «Придворные известия». Иначе говоря – шелковый шнурок.

Они меня *душат*. Поскорее бы их упразднили раз и навсегда.

Глава V

Чем восхищаются снобы

Теперь подумаем о том, как трудно даже знатым особам не стать снобами. Хорошо говорить читателю, оскорбленному в своих лучших чувствах утверждением, что все короли, принцы и лорды – снобы: «Ты и сам – отъявленный сноб. Прикидываясь, будто изображаешь снобов, ты копируешь только собственную безобразную рожу, любуясь ею тщеславно и тупо, наподобие Нарцисса». Но я прощу этот взрыв негодования моему верному читателю, когда вспомню, где и кем он имел несчастье родиться. Надо полагать, что для англичанина вообще невозможно не быть в известной мере снобом. Если бы люди в этом убедились, было бы достигнуто, конечно, очень многое. Если я указал на болезнь, то будем надеяться, что другие ученые найдут лекарство.

Если и вы, человек среднего общественного слоя, тоже сноб, – вы, кому никто особенно не льстит; вы, у кого нет приживалов, кого не провожают с поклонами до дверей лакеи и приказчики, кому полисмен велит проходить не задерживаясь, кого затирают в светской толпе и среди братьев наших снобов, – то судите сами, насколько труднее избежать снобизма человеку, который не имеет ваших преимуществ и всю жизнь окружен поклонением, перед кем все унижают-

ся, – судите сами, как трудно кумиру снобов не сделаться снобом самому.

В то время как я рассуждал таким убедительным образом с моим другом Евгением, нас обогнал лорд Бакрам, сын маркиза Бэгуига, и постучался в дверь семейного особняка на Ред-Лайон-сквер. Его высокородные батюшка и матушка занимали, как всем известно, почетные должности при дворе покойных государей. Маркиз был лордом – хранителем буфетной, а ее милость ведала Пудреной комнатой королевы Шарлотты. Бак (я его зову этим именем, потому что мы с ним очень близки) кивнул мне, проходя мимо, и я стал доказывать Евгению, что для этого вельможи немислимо не быть одним из нас, поскольку снобы всю жизнь морочили ему голову.

Родители решили дать ему привилегированное воспитание и как можно раньше отослали его в школу. Его преподавание Отто Роз, Д. Б., директор Ричмонд-лодж – подготовительной Академии для молодых вельмож и дворян, взяв на свое попечение маленького лорда, пал ниц и преклонился перед ним. Он неизменно представлял его папашам и мамашам, приезжавшим в школу навестить своих детей. Он с гордостью и удовольствием поминал высокородного маркиза Бэгуига, как одного из добрых друзей и покровителей своей Академии. Из лорда Бакрама он сделал приманку для такого множества учеников, что к Ричмонд-лодж понадобилось пристроить новый флигель, и в заведении прибавилось трид-

цать пять новых кроваток под белым пологом. Миссис Роз, делая визиты в одноконном фаэтоне, обычно брала с собой маленького лорда, так что супруга пастора и докторша чуть не умерли от зависти. Когда родной сын доктора Роза вместе с лордом Бакрамом были пойманы на краже яблок в чужом саду, доктор, не жалея собственной плоти и крови, отстегал сына за то, что тот ввел в соблазн молодого лорда. Расставаясь с ним, он плакал. Когда доктор принимал посетителей, на его письменном столе всегда лежало письмо, адресованное высокородному маркизу Бэгуигу.

В Итоне из лорда Бакрама выколотили немалую долю снобизма, там его секли совершенно беспристрастно. Однако даже и там избранная стайка сосунков-подхалимов искала его общества. Молодой Крез дал ему займы двадцать три новехоньких соверена из банка своего папаши. Молодой Снейли делал за него переводы и пытался сойтись с ним поближе; зато юный Булл одолел его в драке, длившейся пятьдесят пять минут, и Бакрам неоднократно и с большой пользой для себя бывал бит тростью за плохо вычищенные сапоги старшего ученика Смита. На заре жизни далеко не все мальчики бывают подхалимами.

Но как только он поступил в университет, приживалы облепили его со всех сторон. Наставники пресмыкались перед ним. В столовой колледжа члены ученого совета отпускали ему тяжеловесные комплименты. Декан никогда не замечал его отсутствия в часовне и не слышал шума, доносившего-

ся из его комнаты. Многие молодые люди из почтенных семейств (а снобизм процветает среди почтенных семейств, населяющих Бейкер-стрит, как нигде в Англии) – многие из них пристали к нему как пиявки. Крез без конца давал Бакраму в долг, и он не мог выехать на охоту с гончими без того, чтобы Снейли (юноша робкого характера) не увязался за ним в поле и не брал все те препятствия, какие хотелось брать его другу. Молодой Роз поступил в тот же колледж, будучи нарочно придержан на год отцом для этой цели. Он тратил все свои карманные деньги за четверть года на единственный обед в честь лорда Бакрама, зная, однако же, что ему всегда простят такое расточительство, и, если он упоминал в письме имя лорда Бакрама, из дому всегда присылали десятифунтовый билет. Не знаю, какие несбыточные мечты лелеяли миссис Подж и мисс Подж, жена и дочка главы колледжа, где учился лорд Бакрам, но у самого почтенного профессора была до такой степени лакейская душонка, что он ни одной минуты не думал, будто его дочь может выйти замуж за вельможу, и потому поспешил выдать ее за профессора Краба.

Всем вам известно, каким опасностям подвергнулся лорд Бакрам, когда, получив почетный диплом (ибо Альма Матер тоже сноб и раболепствует перед лордами не хуже иных прочих), он отправился за границу оканчивать свое образование, и сколько дам расставляло ему сети. Леди Лич с дочками преследовала его от Парижа до Рима и от Рима до Ба-

ден-Бадена. Мисс Леггит разразилась при нем слезами, когда он объявил о своем решении покинуть Неаполь, и в обмороке склонилась на грудь своей мамы; капитан Макдракон, из Макдраконтауна, графство Типперэри, потребовал, чтобы он «изъяснил свои намерения относительно его сестры, мисс Амалии Макдракон из Макдраконтауна», и грозился застрелить его, ежели он не женится на этом непорочном и прелестном юном создании, которое впоследствии повел к алтарю в Челтенеме мистер Мафф. Если бы постоянство и сорок тысяч фунтов могли его соблазнить, то мисс Лидия Крез, конечно, сделалась бы леди Бакрам. Как известно всему светскому обществу, граф Товровский был рад взять ее и с половиной этих денег.

А теперь читателю, быть может, не терпится узнать, что за человек тот, кто ранил столько женских сердец и был непревзойденным любимцем мужчин. Если бы мы стали его описывать, это была бы уже личность, а «Панч» никогда не унижается до личностей. Кроме того, не имеет ни малейшего значения, какого рода он человек и каковы свойства его характера.

Предположим, что это молодой вельможа литературной складки и что он выпустил в свет весьма слабые и глупые стишки: снобы расхватили бы тысячи его томиков; издатели (которые наотрез отказались от моих «Страстоцветов» и от большой эпической поэмы) воздали бы ему должное. Предположим, что это вельможа веселого нрава, имеющий склон-

ность отвинчивать дверные молотки, таскаться по кабакам и до полусмерти избивать полисменов: публика будет добродушно сочувствовать его развлечениям и говорить, что он весельчак и славный малый. Предположим, он любит картеж и скачки, не прочь смошенничать, а иной раз удостаивает обобрать новичка за карточным столом: публика простит его, и много честных людей станет заискивать перед ним, как стало бы заискивать перед громилой, если б тот родился лордом. Предположим, что это идиот: и все же, в силу нашей славной конституции, он достаточно хорош, чтобы править нами. Предположим, что это честный, благородный человек – тем лучше для него. Однако он может быть ослом – и все же пользоваться уважением; или негодяем – и все же пользоваться общей любовью; или мошенником – и все же для него найдутся оправдания. Снобы все-таки станут преклоняться перед ним. Мужчины-снобы будут оказывать ему почести, а женщины – взирать на него с лаской, даже если он дурен как смертный грех.

Глава VI

О респектабельных снобах

Выслушав немало нареканий за то, что к категории снобов я причислил государей, принцев и всеми почитаемую знать, я льщу себя надеждой угодить всем и каждому в настоящей главе, высказав твердое убеждение, что особенное изобилие снобов наблюдается в *респектабельных* слоях нашей обширной и процветающей Империи. Я прохожу по любимой мной Бейкер-стрит (сейчас я занимаюсь жизнеописанием Бейкера, основателя этой знаменитой улицы), гуляю по Харли-стрит (где на каждом втором доме красуется герб), по Уимпол-стрит, которая не жизнерадостнее катакомб, – мрачный мавзолей дворянства, – я блуждаю по Риджент-парку, где штукатурка осыпается со стен; где методисты-проповедники ораторствуют перед тремя детишками на зеленой лужайке, где тучные старички галопируют по уединенной грязной дорожке; я прохожу сомнительным лабиринтом Мэйфэра, где у двух соседних подъездов можно увидеть коляску миссис Китти Лоример и фамильную, украшенную гербами карету старой леди Лоллипоп; я брожу по Белгрэвии, этому блеклому и изысканному кварталу, где все обитатели держатся чопорно и корректно, а особняки выкрашены в тускло-коричневую краску; я плутаю среди новых скве-

ров и аллея блестящей, только что отстроеной линии Бэйсуотер-Тайберн – и во всех этих кварталах мне приходит в голову одна и та же истина. Я останавливаюсь наудачу перед одним из домов и говорю: «О дом, в тебе живут снобы! О дверной молоток, тобой стучат снобы! О лакей в домашнем платье, греющий свои жирные ляжки на солнце, тебе платят снобы!» Это страшная мысль, от нее и самому здравому рассудку легко повредиться, как только подумаешь, что из каждых десяти домов едва ли сыщется один, где в гостиной на столике не лежит «Книга пэров». Приняв во внимание, сколько вреда приносит эта глупая, лживая книга, я бы сжег весь ее тираж до последнего экземпляра, как цирюльник сжег все книги Дон-Кихота о рыцарстве, затуманивающие людям мозги.

Взгляните на этот величественный дом посреди сквера. В нем живет граф Лафкориб, у него пятьдесят тысяч годового дохода. Кто знает, сколько стоит *déjeuner dansant*⁵, который он давал на прошлой неделе? Одни цветы в залах и букеты для дам обошлись в четыреста фунтов. Этот человек в коричневых штанах, который, плача, сходит с крыльца, – один из его кредиторов: лорд Лафкориб разорил его и не хочет больше видеть, то есть его милость смотрит сейчас на него, укрывшись за шторой своего кабинета. Продолжай в том же духе, Лафкориб, ты – сноб, бессердечный притворщик, гостеприимный лицемер, мошенник, выдающий обще-

---

⁵ Чай с танцами (франц.).

ству фальшивые векселя... но я становлюсь что-то слишком красноречив.

Видите ли вы тот красивый дом, № 23, где мальчишка из мясной звонит у черного хода? На лотке у него лежат три бараньих котлетки. Они пойдут на обед для совсем другого, весьма респектабельного семейства: для леди Сьюзен Скряггинс и ее дочерей – мисс Скряггинс и мисс Эмили Скряггинс. Слуги, к счастью для них, получают на стол деньгами – два огромных лакея в светло-голубом и канареечном, толстяк-кучер, методист трезвого поведения, и дворецкий, который ни за что не остался бы в этой семье, если бы не был вестовым генерала Скряггинса в то время, когда генерал отличился на Вальхерене. Вдова генерала подарила его портрет офицерскому клубу, а там его повесили в одной из задних туалетных комнат. Он изображен у окна гостиной, на фоне красной драпировки; вдали клубится вихрь, палят пушки; генерал указывает перстом на свиток, на коем начертаны слова: «Вальхерен, Тобаго».

Леди Сьюзен, как известно всякому, кто справлялся в «Британской библии», – дочь того великого и славного графа Бэгуига, который упоминался выше. Все, что ей принадлежит, она считает достойнейшим и лучшим в мире. Первые среди людей, разумеется, Бакрамы, ее собственный род; ниже рангом следуют Скряггинсы. Ее генерал был достойнейшим из генералов; в настоящее время ее старший сын, Скряггинс Бакрам Скряггинс, – достойнейший и лучший из

людей, второй сын – достойнейший и лучший после него; а сама она – совершенство среди женщин.

И в самом деле, это весьма респектабельная и почтенная дама. Она, разумеется, ходит в церковь, а если бы не ходила, то считала бы, что церковь в опасности. Она жертвует на церковь и на приходскую благотворительность, состоит директрисой многих заслуженных благотворительных учреждений: родильного приюта имени королевы Шарлотты, Убежища для прачек, Богадельни для дочерей британских барабанщиков, и т. д., и т. д. Она образцовая матрона.

Не родился еще на свет такой торговец, который мог бы сказать, что ему не уплатили по счету в платежный день. Нищие в ее квартале боятся леди Скряггинс как чумы, ибо, когда она выходит на прогулку под охраной лакея Джона, у него всегда имеется в запасе два-три свидетельства о нищенстве для тех, кто их заслужил. Десять гиней в год покрывают все ее расходы на благотворительность. Во всем Лондоне не найдется почтенной дамы, имя которой чаще попадало бы в печать за такую сумму.

Эти три бараньих котлетки, которые у вас на глазах вносят в дом с черного хода, будут поданы к столу на фамильном серебре нынче в семь часов вечера, в присутствии великана-лакея, дворецкого в черном, в блеске герба с девизом Скряггинсов, сияющего повсюду. Мне жаль мисс Эмили Скряггинс, она еще такая молоденькая – молоденькая и голодная. Правда ли, что она тратит все свои карманные день-

ги на булочки? Злые языки говорят, что да, но на булочки у нее, голодной бедняжки, остается очень мало. Суть в том, что после уплаты лакеям, горничным, за наем толстых выездных лошадей, за аренду большого дома, за шесть званых обедов в течение сезона, за два больших торжественных званых вечера, за осеннюю поездку на английский или заграничный курорт доходы миледи сокращаются до самой ничтожной суммы, и она оказывается так же бедна, как мы с вами.

Вы бы никак этого не подумали, если б видели, как ее большая карета, громохая, катится на прием во дворце, и если б перед вами мелькнули перья, ленты и алмазы над рыжеватыми волосами и величественным орлиным носом ее милости; вы не подумали бы этого, услышав, как выкликают в полночь: «Карету леди Сьюзен Скряггинс!» – будя всю Белгрэвию; вы не подумали бы этого, когда она вплывает в церковь, шурша шелками, в сопровождении раболепного Джона с мешочком молитвенников. Возможно ли, сказали бы вы, чтобы такой внушительной и грозной особе не хватало денег? Увы! Это так.

Я поручусь, что в нашем безнравственном и вульгарном мире она и не слыхивала такого слова, как «сноб». И, о звезды и подвязки! Как бы она возмутилась, если б услышала, что она, она, величественная, как Минерва, она, непорочная, как Диана (без склонности этой языческой богини к охоте, неприличной для знатной дамы), – что она тоже сноб!

Она и останется снобом, пока так непомерно высоко ценит себя, свое имя, свою внешность и наслаждается этим нестерпимым высокомерием; пока, бывая на людях, чванится, подобно Соломону во всей славе его, пока (добавлю предположительно) отходит ко сну в тюрбане с райской птицей и в ночной рубашке с придворным шлейфом, пока она так невыносимо добродетельна и надменна; пока не изрубит хоть одного из этих лакеев на бараньи котлеты для своих молоденьких дочерей.

Все сведения о ней я получил от старого школьного товарища, ее сына, Сидни Скряггинса, адвоката Канцлерского суда без практики, самого мирного, самого любезного и благовоспитанного из снобов, который никогда не тратит больше своих двухсот фунтов в год и которого ежевечерне можно видеть в клубе «Оксфорд и Кембридж», где он с загадочной улыбкой читает «Куортерли ревью», невинно услаждая себя полубутылкой портвейна.

Глава VII

О респектабельных снобах

Взгляните на дом рядом с домом леди Сьюзен Скряггинс. Это красивый особняк с навесом над дверями: сей балдахин будет спущен нынче вечером ради удобства друзей сэра Элюреда и леди С. де Могинс, чьими вечерами так восхищаются и публика и сами хозяева.

Лакеи де Могинсов в персиковых ливреях с серебряным галуном и в нежно-зеленых плюшевых невыразимых составляют гордость всей круговой дороги в Хайд-парке, где леди де Могинс, сидя на атласных подушках с крохотным спаниелем на руках, раскланивается только с самой избранной светской публикой. Времена переменялись нынче для Мэри Энн, или, как она себя теперь именует, для Мэриэн де Могинс.

Она была дочерью капитана Рэтдрамских ополченцев Флека, который много лет тому назад переправился со своим полком из Ирландии в Кермартеншир и защитил Уэльс от корсиканского завоевателя. Его ополченцы были расквартированы в Понтидвдлме, где Мэриэн и покорила сердце своего де Могинса, сына местного банкира. Он так усиленно ухаживал за мисс Флек на балу по случаю скачек, что ее отец сказал: либо де Могинс падет на поле чести, либо женится на

его дочери. Тот предпочел жениться. В то время его фамилия была просто Маггинс, и его отец – процветающий банкир, поставщик армии, контрабандист и вообще делец на все руки – чуть было не лишил его наследства за такую партию. Ходят слухи, будто Маггинса-старшего сделали баронетом за то, что он дал сколько-то в долг члену королевской фамилии. Я этому не верю.

Королевская фамилия всегда платила свои долги, начиная с принца Уэльского и далее, в нисходящем порядке.

Как бы то ни было, до конца своей жизни он оставался просто сэром Томасом Маггинсом и в течение многих лет после войны представлял Понтидвдлм в парламенте. Со временем старый банкир умер, «оставив громадное состояние», если пользоваться излюбленным выражением, принятым в таких случаях. Его сын, Альфред Смит Могинс, унаследовал большую часть его богатства, его титулы и кровавую руку в его гербе. Спустя всего несколько лет он вынырнул уже как сэр Элюред Могинс Смит де Могинс, с генеалогией, изысканной для него издателем «Книги пэров» Флюком, которая в этом сочинении выглядит таким образом:

«Де Могинс, сэр Элюред Могинс Смит, второй баронет. Представитель одной из самых старинных фамилий Уэльса, происхождение коей теряется во мгле веков. Род де Могинсов обладает генеалогическим древом, начало коему положено Симом, и, как утверждает легенда, родословная сия была начертана на папирусе внуком самого патриарха. Как бы

то ни было, не может быть ни малейшего сомнения в неизмеримой древности рода Могинсов.

Во времена Боадицеи претендентом на руку этой принцессы и соперником Карактакуса был Хогин-Могин из округа Быков. Это был человек огромного роста, убитый Светонием в той битве, которая положила конец британским вольностям. От него по прямой линии произошли князья Понтидвдлма: Могин с золотой арфой (см. «Мабиногион» леди Шарлотты Гэст), Богин – Меродакап-Могин (изверг – сын Могина) и длинный ряд бардов и героев, прославленных и в Уэльсе и в Арморике. Независимые князья Могины долго сопротивлялись жестоким королям Англии, но в конце концов Гэм Могин покорился принцу Генри, сыну Генриха IV, и под именем сэра Дэвида Гэма де Могинса отличился в битве при Азенкуре. От него произошел нынешний баронет. И далее поколение следует на поколением, пока не доходит до Томаса Могинса, первого баронета Понтидвдлм-Кастла, в течение двадцати трех лет члена парламента от этого города, имевшего потомство: Элюред Могинс Смит, нынешний баронет, женатый на Мэриэн, дочери покойного генерала П. Флека, из Баллифлека, в королевстве Ирландия, из рода графов Флек, Священной Римской империи. Сэр Элюред имеет потомство: Элюред Карадок, родился в 1819 году, Мэриан – в 1811, Бланш Аделаида, Эмили Дориа, Аделаида Орлеан, Катинька Ростопчина, Патрик Флек – скончался в 1809 году. Герб – косая полоса на червленом поле, на второй поло-

вине поля – полоса перевернутая.

Эмблема – синица на задних лапах, смотрящая назад.

Девиз – «Und Roy und Mogyns».⁶

Леди де Могинс далеко не сразу воссияла звездой на горизонте светского общества. Сначала беднягой Маггинсом завладели нищие ирландские родственники его жены: Флеки, Кленси, Тули, Шенаханы, и, покуда он был всего только законным наследником, в его доме, ублажая ирландскую родню, рекой текли кларет и национальный нектар. Том Тафто даже переехал с той улицы, где они поселились в Лондоне, ибо, по его словам, «от дома этих проклятых ирландцев разлило водкой на всю улицу».

Только побывав за границей, они обучились благородным манерам. Они пробились ко всем иноземным дворам, протолкались на приемы к посланникам. Они набрасывались на отбившихся от стада вельмож, захватывали в плен юных лордов, путешествующих со своими поводырями. Они давали званые вечера в Неаполе, в Риме, в Париже. Там, в Париже, они залучили на свои вечера принца крови и там же впервые выступили под фамилией де Могинс, которую носят с таким блеском до сих пор.

Ходит много всяких сплетен насчет того, с какими отчаянными усилиями неукротимая леди де Могинс добивалась положения в свете, которое она занимает ныне, и те из мо-

---

⁶ «Един король, один Могинс» (ст. франц.).

их любезных читателей, кои принадлежат к средним кругам и не знакомы с ожесточенной борьбой, свирепыми междоусобицами, интригами, кознями и поражениями, царящими в высшем свете, могут благословить судьбу за то, что они, по крайней мере, не принадлежат к *великосветским* снобам. Сам Талейран пришел бы в восторг от интриги, которая была пущена в ход этой самой леди де Могинс, для того чтобы заманить на свои вечера герцогиню Бакскин. Она заболела горячкой, не получив приглашения на «*thé dansant*»⁷ к леди Олдерменбери, и покончила бы с собой, ежели бы ей не предстоял бал в Виндзоре. Вот какой рассказ я слышал от моего благородного друга, от самой леди Клапперкло, бывшей Кэтлин О'Шонесси, дочери графа Тарфэнтандера:

– Когда эта противная ряженая ирландка леди Могинс дралась из-за места в обществе и вывозила свою ужасную дочку Бланш (Мэриэн горбатая и не выезжает, но это единственная настоящая леди во всей семье), – говорила старуха Клапперкло, – когда эта несчастная Полли Маггинс вывозила в свет свою Бланш, у которой нос редиской, морковные кудряшки и лицо репой, она всячески заискивала перед нами и добивалась нашего покровительства, – ведь ее отец пас коров на землях моего отца, – и на обеде у французского посла, графа Волована, напрямик спросила меня среди общего молчания, почему я не прислала ей приглашения на мой бал.

---

⁷ Чай с танцами (*франц.*).

– Потому что у меня в залах и без того полно народа, и вашу милость затолкают в тесноте, – говорю я; и в самом деле, места ей нужно не меньше, чем слону, а кроме того, я не желаю – и дело с концом. Я думала, что после таких моих слов она отстанет, однако на следующий день она является и со слезами бросается ко мне на шею:

– Дорогая леди Клапперкло, – говорит, – ведь это не для меня, ведь я прошу для моей обожаемой Бланш! Каково молодой девушке выезжать первый сезон и не быть на вашем бале! Мое нежное дитя зачахнет и умрет с тоски. Мне самой вовсе не хочется на бал. Я останусь дома ухаживать за сэром Элюредом – у него подагра. Я знаю, миссис Болстер поедет к вам на бал, она и возьмет Бланш под свое покровительство.

– А вы не пожертвуете что-нибудь на одеяла и на картофель для бедных прихожан Рэтдрама? – говорю я. – Ведь вы сами родом из этого прихода, а ваш дедушка, честнейший старик, пас там коров.

– Довольно ли будет двадцати гиней, дражайшая леди Клапперкло?

– Двадцати гиней хватит, – говорю я, она отдает деньги, а я прибавляю: – Бланш может приехать, но вы – нет, запомните это. – И она уезжает, рассыпаясь в благодарностях. Поверите ли? В вечер бала эта ужасная женщина явилась вместе с дочкой!

– Ведь я же не велела вам приезжать! – говорю ей. Я прямо вышла из себя.

– Но что сказал бы свет? – восклицает миледи Маггинс. – Моя карета уехала в клуб за сэром Элюредом, позвольте мне остаться всего на десять минут, дорогая леди Клапперкло!

– Ну, раз вы уже здесь, сударыня, можете остаться и даже поужинать, – говорю я и отхожу в сторону, и больше за весь вечер я не сказала ей ни слова.

– А теперь, – взвизгивает старуха Клапперкло, всплеснув руками и с сильнейшим ирландским акцентом, – как бы вы думали, что она сделала после всей моей доброты к ней, эта дрянь, эта бесстыдница, эта вульгарная, противная выскочка, эта пастухова внучка? Вчера, в Хайд-парке, она не ответила мне на поклон и не прислала мне приглашения на свой сегодняшний бал, а говорят, там будет принц Георг.

Да, в самом деле! В погоне за светскими успехами решительная и деятельная де Могинс обогнала бедную старуху Клапперкло. Ее путь в светское общество отмечен десятками друзей, которых она обхаживала, завоевывала, бросала и обгоняла. Она так доблестно сражалась за свою репутацию в свете, что добилась цели, поднимаясь со ступеньки на ступеньку и без всякой жалости пиная тех, кто оказывался ниже.

Ирландская родня была принесена в жертву первой: леди де Могинс заставила отца обедать в людской, к великой его радости; она отправила бы туда и сэра де Могинса, если бы не рассчитывала добиться через него дальнейших почестей; и ведь, в конце концов, состояние дочери тоже в его руках.

Он кроток и всем доволен. Джентльменом он стал так давно, что уже привык к этому, и роль главы семейства играет очень прилично. Днем он переходит из клуба «Юнион» к «Артуру» и от «Артура» в «Юнион». В пикет играет мастерски, а в вист проигрывает весьма значительные суммы некоторым молодым людям у «Путешественников».

Его сын занял в парламенте отцовское место и, само собой разумеется, вступил в ряды «Молодой Англии». Он единственный во всей стране верует в величие рода де Могинсов и вздыхает о тех временах, когда некий де Могинс вел войска в сражение. Он написал томик плохоньких чувствительных стишков. Носит в медальоне прядь волос Лода, исповедника и мученика, однако в Риме упал в обморок, приложившись к папской тувле. Спит в белых лайковых перчатках и с опасностью для здоровья налегает на зеленый чай.

Глава VIII

Великие снобы из Сити

Нельзя умолчать о том, что эти очерки производят громадное впечатление во всех общественных кругах нашей империи. В почтовый ящик «Панча» стекаются письма, выражающие восторг (с восклицательными знаками), изумление (с вопросительными), протест, одобрение и порицание. Нам сделали выговор за то, что мы выдали тайны трех разных семейств де Могинс; объявилось не более и не менее как четыре леди Сьюзен Скряггинс, а молодые люди стесняются заказывать полбутылки портвейна в клубе и загадочно улыбаться, читая «Куортерли ревью», из опасения, как бы их не приняли за Сидни Скряггинса, эсквайра. «Почему вы так не любите Бейкер-стрит?» – спрашивает некая дама, по-видимому, обитающая на этой улице. «Зачем нападать только на снобов-аристократов? – говорит один почтенный корреспондент. – Разве не пришел черед снобов низкого происхождения?» – «Возьмитесь-ка за университетских снобов!» – внушает негодующий джентльмен (который пишет «элегантный» через два «л»). «Разоблачите снобов-клерикалов», – предлагает третий. «Не так давно, будучи в Париже, в «Отеле Мерис», я видел, как лорд Б. высунулся из окна, держа в

руке сапоги, и закричал: «Garçon, cirez-moi ces bottes»⁸. Разве не следует причислить его к снобам?» – подсказывает какой-то шутник.

Нет, ни в коем случае. Если сапоги лорда Б. в грязи, то это потому, что его милость ходит пешком, хотя он и лорд. Иметь одну пару сапог или носить одну любимую пару вовсе не значит быть снобом; и, уж конечно, в желании, чтобы ваши сапоги были вычищены, нет никакого снобизма. В данном случае лорд Б. вел себя вполне естественно и достойно джентльмена, и я так им доволен, что нарисовал его в самой изящной и выигрышной позе и поместил на почетном месте, перед этой главой. Нет, в этих беспристрастных заметках мы далеки от личностей. Подобно тому как Фидий перебрал не один десяток красавиц, прежде чем завершить свою Венеру, так и мы рассмотрим, быть может, тысячу снобов, прежде чем перенести одного из них на бумагу.

По порядку старшинства далее следуют великие снобы Сити; их нам и полагается рассматривать. Но тут возникает препятствие. Доступ к великим снобам Сити обычно крайне затруднен. Если вы сами не капиталист, вы не можете навестить такого сноба в недрах его банкирской конторы на Ломбард-стрит. Если вы не отпрыск знатной фамилии, то у вас мало надежды повидать его и дома. В крупных фирмах Сити обычно один из компаньонов ведает делами благотворительности и бывает на собраниях в Эксетер-Холле; мельком вы

---

⁸ Человек, почистите мне сапоги (*франц.*).

можете увидеть другого (ученого сноба из Сити) на вечерах лорда Н. или на лекциях в Лондонском институте; а третьего (сноба с тонким вкусом) – на распродаже картин, на осмотре частной коллекции, на выставке, в Опере или в филармонии. Но близко познакомиться с этим важным, надменным и внушительным существом, как правило, невозможно.

Просто джентльмен может пообедать у кого угодно, даже у герцога в его поместье, может протанцевать кадрили хоть в Букингемском дворце (дорогая леди Вильгельмина Вогл-Вигл! Помните ли, какую мы с вами произвели сенсацию на балу у обожаемой нашей государыни, ныне покойной королевы Каролины в Бранденбург-хаусе, в Хэммерсмите?), но двери снобов Сити большей частью для нас закрыты, и потому все, что мы о них знаем, стало нам известно главным образом понаслышке.

В других странах Европы банковский сноб гораздо радушнее и общительней, чем у нас, и принимает в свой круг кого угодно. Всем известно, например, княжеское гостеприимство семейства Шарлахшильд в Париже, Неаполе, Франкфурте и т. д. На своих празднествах они принимают кого угодно, даже бедняков. Князь Полония в Риме и его брат, герцог Стракино, тоже славятся своим гостеприимством. Мне очень нравится характер первого из названных вельмож. Титулы в Римской области стоят недорого, поэтому он купил для старшего клерка своей банкирской конторы титул маркиза, и теперь его светлость при обмене денег сумеет

вытянуть из вас лишний байокко не хуже простого смертного. Утешительно, что имеешь возможность наградить такую особу двумя-тремя фартингами; тут даже самый последний бедняк почувствует, что и он может творить добро. Господа Полония заключали браки с самыми знатными и древними фамилиями Рима, и по всему городу вы видите их геральдические знаки (золотой гриб на лазурном поле) в одной из четвертей щита на гербах князей Колонна и Дория.

Наши снобы из Сити совершенно так же помешаны на аристократических браках. Мне приятно это видеть. По натуре я зол и завистлив – мне приятно видеть, как два обманщика, которые, деля между собою власть над обществом в нашем королевстве, естественно, ненавидят друг друга, заключают перемирие и объединяются – ради корыстных интересов того и другого. Мне приятно видеть, как старый аристократ, гордящийся своим родом, потомок славных норманнских завоевателей, чья кровь была чиста на протяжении веков, взирающий на простолюдина сверху вниз, как свободнорожденный американец на негра, – мне приятно видеть, как старый Стифнек бывает принужден, склонив голову, пересилить свою сатанинскую гордость и выпить чашу унижения, налитую дворецким Пампа-и-Олдгета. «Олдгет, – говорит он, – твой дедушка был каменщиком, его носилки и до сих пор хранятся у вас в банке. Твоя родословная начинается с работного дома; мою же можно вести от всех королевских дворцов Европы. Я пришел в Англию с Вильгельмом

Завоевателем; я родной брат Карлу Мартеллу, Неистовому Роланду, Филиппу Августу, Педро Злому и Фридриху Барбароссе. – На моем щите начертан королевский герб Брентфорда. Я презираю тебя, но мне нужны деньги, и я продам тебе мою дочь Бланш за сто тысяч фунтов, чтобы выкупить мои закладные. Пускай твой сын женится на ней, и да станет она леди Памп-и-Олдгет».

Старик Памп-и-Олдгет обеими руками хватается за эту сделку. И как утешительно думать, что знатность происхождения можно купить за деньги. Именно таким образом научаешься ее ценить. Почему мы, у которых ее нет, должны придавать ей больше значения, чем те, у кого она есть? Быть может, лучшее применение «Книги пэров» заключается в том, чтобы, просмотрев весь список с начала до конца, убедиться, сколько раз продавалась и покупалась знатность происхождения, как нищие отпрыски знати продают себя дочерям богатых снобов из Сити, а богатые снобы из Сити покупают благородных девиц, – и полюбоваться двойной подлостью такой сделки.

Старик Памп-и-Олдгет покупает товар и платит деньги. Продажу девушки благословляет епископ в церкви Св. Георга на Ганновер-сквер, а через год вы читаете: «В субботу леди Бланш Памп в Роугэмптоне разрешилась от бремени сыном и наследником».

После этого интересного события какой-нибудь старый знакомый фамильярно спрашивает молодого Пампа-и-Ол-

дгета, встретившись с ним в банкирской конторе в Сити:

– Памп, любезный, как здоровье вашей жены?

Памп смотрит на него с брезгливым недоумением и после некоторого молчания отвечает:

– Благодарю вас, *леди Блани Памп* совершенно здорова.

– Ох, а ведь я думал, что это ваша жена! – говорит фамильярная скотина Снукс и откланивается, а через десять минут этот анекдот известен всей бирже; да и до сих пор его там рассказывают, как только завидят молодого Пампа.

Можно себе представить, как нелегко живется бедняге Пампу, этому страстотерпцу Мамоны. Вообразите семейные радости этого человека: жена презирает его; он не может пригласить своих друзей в свой же дом; он дезертировал из среднего слоя общества и еще не допущен в высший, но покоряется и терпит отказы, проволоочки и унижения, утешая себя мыслью, что его сын будет счастливее.

В некоторых, самых старомодных, клубах Лондона существовал обычай приносить сдачу *мытым серебром*, если джентльмен требовал разменять гинею: то, что переходило к джентльмену прямо из рук вульгарного лакея, считалось «слишком грубым и грязным для пальцев дворянина». Точно так же, если деньги снобов из Сити омывались в течение поколения или около того и, омывшись, превратились в поместья, леса, замки и городские особняки, они уже допущены к хождению, как истинно аристократическая монета. Старик Памп метет лавку, бегаёт на посылках, становится до-

веренным приказчиком и компаньоном; Памп-второй становится главой фирмы, нагребает все больше и больше денег, женит сына на графской дочке. Памп-третий не бросает банка, но главное дело его жизни – стать отцом Пампа-четвертого, который уже является аристократом в полном смысле слова и занимает место в палате лордов как барон Памп, а его потомство уже по праву наследования властвует над нашей нацией снобов.

Глава IX

О военных снобах

Нет на свете общества приятнее, чем общество хорошо воспитанных и образованных военных, но точно так же не сыщется ничего более невыносимого, чем общество военных снобов. Их можно встретить во всех рангах, от старика генерала, чья подложенная ватой грудь блистает десятками звезд, пряжек и орденов, до подающего надежды корнета, который бреется в чайнии бороды и только что получил назначение в Саксенкобургский уланский полк.

Я всегда восхищался таким распределением чинов и должностей в нашей стране, которое ставит этого юного мозгляка (еще на прошлой неделе выдержавшего порку за орфографические ошибки) командиром над усатыми великанами, закаленными в битвах с врагом и стихиями; которое ставит его выше людей, в тысячу раз превосходящих его по опыту и заслугам, только потому, что у него есть деньги в банке, и которое со временем принесет ему все почести его профессии, тогда как старый солдат, служивший под его командой, за свою храбрость не получит другой награды, кроме койки в Челсийском инвалидном доме, а старый офицер, чье место он занял, покорно удалится в отставку и будет доживать свои дни в бедности, на половинном окладе.

Когда я читаю в «Газете» такого рода объявления: «Поручик Григ, гвардейской артиллерии, производится в капитаны, на место Гриззла, который уходит в отставку», – то я знаю, что станется с ветераном Пиренейской кампании Гриззлом. Мысленно я следую за ним в скромный, провинциальный городок, где он поселяется и проводит время в отчаянных усилиях жить как подобает джентльмену на пенсию, равную половине заработка портновского подмастерья; я представляю себе, как маленький Григ получает повышение за повышением, переводясь из одного полка в другой, каждый раз чином выше, избегая неприятностей заморской службы и к тридцати годам становясь полковником, – а все потому, что у него есть деньги и что отец его – лорд Григсби, которому в свое время везло точно так же. Должно быть, Григ на первых порах краснеет, отдавая приказы старикам, которые во всех отношениях лучше него. Избалованному ребенку очень трудно не дерзить старшим и не быть эгоистом, точно так же и этому балованному дитяти Фортуны в самом деле очень и очень трудно не быть снобом.

Неискушенному читателю, должно быть, часто казалось удивительным, что армия, самое продажное из всех наших политических установлений, тем не менее отличается на поле брани; и мы с радостью воздадим должное Григу и ему подобным за доблесть, которую они проявляют, когда этого требуют обстоятельства. Аристократические полки герцога Веллингтона сражались не хуже других (говорят, даже луч-

ше других, но это чепуха). Сам великий герцог был когда-то денди и пользовался протекцией, так же как и Мальборо до него. Но это доказывает только то, что денди так же храбры, как и другие британцы – как все британцы. Будем считать, что высокородный Григ брал укрепления Собраона не менее храбро, чем капрал Уоллоп, бывший пахарь.

Время войны более благоприятствует ему, чем мирное время. Подумайте о том, каково живет Григу в Артиллерийском гвардейском полку, или в гвардейской пехоте, подумайте о походах из Виндзора в Лондон, из Лондона в Виндзор, из Найтсбриджа в Риджент-парк, об идиотской службе, которую приходится ему нести: следить за выправкой своей роты, за состоянием лошадей в конюшне, командовать: «На пле-ечо! Шагом ма-арш!» – это все такие обязанности, с какими в состоянии справиться даже самый ограниченный ум, когда-либо достававшийся смертному. Профессиональные обязанности лакея и то более сложны и разнообразны. Красные куртки, которые сторожат господских лошадей на Сент-Джеймс-стрит, могли бы выполнять эту работу ничуть не хуже пустоголовых, добродушных и рахитичных поручиков, которые фланируют по Пэл-Мэл в сапожках на высоком каблуке или собираются к одиннадцати часам под звуки оркестра вокруг полкового знамени на площади перед дворцом. Приходилось ли любезному читателю видеть, как один из этих молодых людей шатается под тяжестью древка или, самое главное, как он салютует знамени? Стоит прогуляться

до дворца, чтобы видеть своими глазами это великолепное шутовство.

Я имел честь раза два встретиться с пожилым джентльменом, в котором вижу образец армейской муштры и который всю свою жизнь служил в самых аристократических полках или командовал ими. Я имею в виду генерал-лейтенанта сэра Джорджа Тафто, К. О. В., К. Б. М., К. Г., К. С. В., и т. д. и т. д. Его манеры во всех отношениях безупречны; в обществе это совершенный джентльмен и законченный сноб.

Человек не может уйти от собственной глупости, как бы ни был он стар, и сэр Джордж в шестьдесят восемь лет является ослом в большей степени, чем в пятнадцать, когда он впервые вступил в ряды армии. Где он только не отличался: его имя упоминается с похвалой в десятках бюллетеней; да что там, ведь он – тот самый человек, грудь которого, подложенная ватой и блистающая множеством орденов, была уже представлена читателю. Какими добродетелями обладает сей удачливый джентльмен – это я затрудняюсь сказать. За всю свою жизнь он не прочел ни одной книги, и до сих пор его багровые подагрические пальцы пишут ученическим почерком. Он дожил до старости и до седых волос, однако никому не внушает почтения. Одевается он и до сего времени, как самый бесшабашный юнец, шнурует и обкладывает подушечками свой дряхлый остов, как будто он и сейчас все тот же красавец Джордж Тафто 1800 года. Он эгоист, грубиян, ругатель и обжора. Любопытно видеть его за столом,

следить, как он задыхается, стянутый корсетом, и взирает на свой обед жадными, налитыми кровью глазками. В разговоре он часто бранится, а после обеда рассказывает непристойные казарменные анекдоты. Во внимание к его чинам и заслугам люди оказывают этой звездоносной, титулованной старой скотине некоторое уважение, а он смотрит на нас с вами сверху вниз и выражает свое презрение к нам с дурацкой и бесхитростной прямоотой, что бывает весьма забавно наблюдать. Может быть, если б его готовили для какой-либо другой профессии, из него не вышло бы такой малопочтенной старой развалины. Но для какой же другой профессии? Ни на что иное он не годился: неисправимый лентяй и тупица во всяком ремесле, кроме этого, он отличался по службе как хороший, доблестный офицер, а в частной жизни – как наездник, собутыльник, дуэлянт и оболститель женщин. Он считает себя одним из самых достойных и заслуженных людей на свете. После полудня где-нибудь около площади Ватерлоо вы можете видеть, как он ковыляет в своих лакированных сапожках, с вожделением заглядывая под шляпки встречных женщин. Когда он умрет от апоплексии, «Таймс» напечатает четверть столбца о его боевых заслугах – ведь только перечисление его титулов и орденов займет четыре строки – и земля укроет одного из самых дрянных и глупых старикашек, какие только по ней ходили.

Для того чтобы меня не сочли закоренелым мизантропом, которому ничем не угодишь, я позволю себе высказать уве-

ренность в том, что отнюдь не вся армия состоит из таких экземпляров, как вышеописанный. Он был выбран единственно как образец удачливого и чванного армейского сноба, к которому не мешает приглядеться и штатским, и военным. Нет, когда эполетами перестанут торговать, когда отменят телесные наказания и у капрала Смита будет столько же шансов получить награду за доблесть, сколько у поручика Грига; когда не будет больше таких чинов, как «прапорщик» и «поручик» (наличие коих является нелепой аномалией и оскорблением для всей остальной армии), то, ежели не будет войны, я и сам не прочь сделаться генерал-майором.

В моем портфеле имеется еще целая пачка армейских снобов, но я отложу наступление на военных до следующей недели.

Глава X

Военные снобы

Вчера, в то самое время, когда мы прогуливались в Парке с моим молодым другом Тэгом и обсуждали с ним очередного сноба, нам как раз повстречались два отличных экземпляра военных снобов: военный сноб спортсмен, капитан Рэг, и «кутила», или веселящийся военный сноб, прапорщик Фэмиш. Да и вы наверняка повстречаете их на верховой прогулке около пяти часов дня под деревьями на берегу Серпентайна, где они критическим оком разглядывают обладательниц нарядных колясок, катающихся взад и вперед по «Дамской аллее».

Тэг и Рэг очень хорошо знакомы, и потому Тэг с прямой, неотделимой от близкой дружбы, рассказал мне историю своего дорогого друга. Капитан Рэг – маленький, быстрый в движениях северянин. Совсем еще мальчиком он поступил в один из прославленных кавалерийских полков и к тому времени, как ему дали взвод, успел ободрать всех своих собратьев-офицеров, продавая им хромых лошадей за здоровых и обыгрывая их всякими необыкновенными и хитроумными способами, так что сам полковник посоветовал ему уйти в отставку, что он и сделал довольно охотно, подсунув одному юнцу, только-только поступившему в полк, больного

сапом коня за непомерно высокую цену.

С тех пор он целиком посвятил себя бильярду, ипподрому и скачкам с препятствиями. Его штаб-квартира – в «Кубке», на Кондит-стрит, где он держит свои пожитки, сам же он находится вечно в движении, отдаваясь своему призванию, как джентльмен-наездник и джентльмен-мошенник.

Как утверждает «Беллова жизнь», он неизменно присутствует на всех скачках и почти всегда является в них действующим лицом. В Лемингтоне он скакал на победителе; две недели назад в Харроу его оставили валяться в канаве, сочтя убитым; и все же на прошлой неделе он появился в Круа-де-Берни, бледный, как всегда решительный, и изумил парижских зевак элегантностью посадки и изяществом костюма, когда делал проминку перед началом «Французских больших национальных скачек» на норовистом и злом Отступнике.

Он завсегда тай «Угла», где составляет для себя краткое, но содержательное руководство к действию. Во время сезона он часто катается в Парке верхом на умной, отлично выезженной лошадке. Его видят либо сопровождающим знаменитую наездницу Фанни Хайфлайер, либо в доверительной беседе с лордом Тимблригом, известным мастером гандикапа.

Он старательно избегает порядочного общества и скорее предпочтет пообедать бифштексом в компании жокея Сэма Снафла, капитана О'Рурка и еще двух-трех заведомых скако-

вых мошенников, чем в самом избранном лондонском кругу. Он с удовольствием сообщает в «Кубке», что собирается по-дружески съездить на субботу и воскресенье к жучку Фокусу в его домик под Эпсомом, где, если верить слухам, обстрипывается немало темных дел.

На бильярде он играет редко и только без свидетелей, но если уж играет, то всегда ухитряется подцепить хорошего простака и не выпускает его из рук, пока не оберет до нитки. Последнее время он много играл с Фэмишем.

Когда он появляется в гостиной, что случается иногда на охотничьих собраниях или на балах по случаю скачек, то веселится как нельзя более.

Его юный друг – прапорщик Фэмиш, которому очень лестно показываться публике с таким молодчагой, как Рэг, – ведь тот раскланивается в Парке с лучшим обществом скачек. Рэг позволяет Фэмишу сопровождать его к Тэттерсолу, продает ему лошадей по дешевке и пользуется его кебом. Полк этого молодого джентльмена находится в Индии, а сам он – дома, в отпуске по болезни. Он восстанавливает свое здоровье, напиваясь каждый вечер в лоск, и укрепляет слабые легкие, целыми днями не выпуская изо рта сигары. Полисмены возле Хэймаркета знают этого мозгляка, и ранние извозчики всегда приветствуют его. Закрытые двери рыбных и устричных лавок распахиваются после церковной службы и извергают маленького Фэмиша, который либо пьян и настроен воинственно – и тогда он порывается колотить из-

возчиков, – либо пьян и беспомощен, и тогда какая-нибудь приятельница в желтом атласе заботится о нем. Вся округа, извозчики, полиция, продавцы картофеля, приятельницы в желтом атласе знают этого юнца, и кое-кто из самых отъявленных распутников Европы зовет его «маленький Бобби».

Его матушка, леди Фанни Фэмиш, свято верит, что Роберт живет в Лондоне единственно ради возможности посоветоваться с врачом; она хочет перевести его в драгунский полк, который не отправят в эту противную Индию; она думает, что у него слабая грудь и что он каждый вечер питается кашницей, поставив ноги в горячую воду. Ее милость обитает в Челтнеме, и направление мыслей у нее самое благочестивое.

Разумеется, Бобби частенько заглядывает в клуб «Английский Флаг», где в три часа дня завтракает жареными почками, запивая их светлым элем, где безусые молодые герои, подобные ему, собираются, бражничают и угощают друг друга обедами, где вы можете видеть, как человек десять молодых повес четвертого и пятого сорта прохлаждаются и курят на ступеньках подъезда; где вы созерцаете длиннохвостую и голенастую кобылу Слаппера под охраной рассыльного в красной куртке, в то время как сам капитан подкрепляется рюмочкой кюрасо перед прогулкой в Парке, и где на ваших глазах Хобби, из Шотландского гвардейского полка, вместе с Добби, из полка Мадрасских мушкетеров, подкатывают к клубу в высоком громыхающем кебе, который Добби нанимает у Рамбла на Бонд-стрит.

В сущности, военных снобов, и самых разнообразных, такое множество, что «Панч» и за сто недель не смог бы уделить внимание каждому из них. Кроме малопочтенного старого вояки-сноба, закаленного в боях, существует весьма почтенный военный сноб, который и не нюхал пороху, зато держится как заправский вояка. Существует и сноб – военный лекарь, который в разговоре более грозен и воинствен, чем первейший рубака во всей армии. Существует и сноб-драгун, которым восхищаются девицы, драгун с широким и бессмысленным розовым лицом и желтыми усами – пустой, чванный, глупый, но храбрый и доблестный сноб. Есть и военный сноб-любитель, который пишет на визитных карточках «Капитан», ибо состоит поручиком ополчения в Бангэе. Есть и военный сноб-сердцеед, и другие, которых нет нужды называть.

Повторяем, однако: пусть никто не обвиняет нас в неуважении к армии вообще, к этой доблестной и здравомыслящей армии, все воины которой, начиная с фельдмаршала герцога Веллингтона и далее, в нисходящем порядке (за исключением Е. К. В. фельдмаршала принца Альберта, которого, впрочем, едва ли можно считать военным), читают «Панч» во всех концах света.

Пусть те штатские, что издеваются над подвигами армии, прочтут отчет сэра Гарри Смита о битве при Аливале. Никогда благородное дело не описывалось более благородным языком. А вы все, кто сомневается, существует ли

еще рыцарство, или же век героизма давно миновал, вспомните сэра Генри Хардинга вместе с его сыном, «милым маленьким Артуром», которые скакали посреди войск под Ферозшахом. Надеюсь, ни один английский художник не отважится изобразить эту сцену, ибо кто у нас смог бы воздать ей должное? Во всей истории мира нет более героической и блестящей картины. Нет-нет, люди, которые совершают такие подвиги с таким блеском и отвагой и описывают их так скромно и мужественно, – эти люди не снобы. Родина восхищается ими, король награждает их, а «Панч», всесветный насмешник, снимает перед ними шляпу и говорит: «Боже, храни их!»

Глава XI

О снобах-клерикалах

После снобов-военных совершенно естественно возникает мысль о снобах-клерикалах, и ясно, что при всем нашем почтении к духовному сану, однако же памятуя о нашем долге перед истиной, человечеством и английской публикой, мы никак не можем опустить такое обширное и влиятельное со-словие в наших заметках о необъятном мире снобов.

Среди духовных лиц имеются такие, чье притязание на снобизм бесспорно, но здесь обсуждаться не может, по той же причине, по какой «Панч» не дает представлений в соборе из уважения к совершающейся в нем торжественной службе. Есть такие места, где он, по собственному признанию, не вправе поднимать шум, и потому он убирает свою ширму, заглушает барабан и умолкает, сняв шляпу.

И я знаю, что если найдутся такие духовные лица, которые согрешат, то сразу же найдется и тысяча газет, чтобы изобличить этих несчастных с криком: позор им! позор! – в то время как та же печать, будучи всегда готова шуметь и вопить, требуя отлучения немногих заблудших преступников, почему-то обращает очень мало внимания на множество добрых пастырей, на десятки тысяч честных людей, которые ведут

христианский образ жизни, щедро жертвуют на бедных, сурово отказывая себе во всем, и живут и умирают на своем посту, не дождавшись ни единой хвалебной заметки в газетах. Мой любезный друг и читатель, хорошо бы и мы с вами могли сказать то же о себе; и позвольте шепнуть вам по секрету, *entre nous*⁹: я убежден, что из всех тех знаменитых философов, которые громче других осуждают пасторов, весьма немного сыщется таких, которые знали бы церковь потому, что часто туда ходят.

Но вы, кому доводилось слушать звон сельских колоколов, кто в детстве ходил в церковь солнечным воскресным утром; кому доводилось видеть, как жена пастора ухаживает за больным бедняком; как городской священник взбирается по грязным лестницам зловонных трущоб, делая свое святое дело, – не поднимайте крика, когда один из них оступится, не вопите вместе с чернью, которая улюлюкает ему вслед.

Это может сделать всякий. Когда старик Ной упился и сыновья застали его, то лишь один из них отважился посмеяться над отцовским позором, и это был далеко не самый лучший из его детей. Давайте и мы отвернемся молча, не крича «ура», наподобие кучки школьников, из-за того, что какой-то юный бунтовщик ни с того ни с сего вскочил и ударил учителя.

Признаюсь, однако, что, если бы я помнил имена тех се-

---

⁹ Между нами (*франц.*).

ми или восьми ирландских епископов, утвержденные завещания которых упоминались в прошлогодних газетах и которые скончались, оставив каждый около двухсот тысяч фунтов, – то я именно их с удовольствием поставил бы во главе моих снобов-клерикалов и произвел бы над ними некую операцию не менее успешно, чем, как я вижу из газет, мольный оператор Эйзенберг – над его светлостью, высокопреподобным епископом Тапиокским.

И признаюсь, когда эти высокопреподобные прелаты подойдут к воротам рая с заверенными завещаниями в руках, признаюсь, мне кажется, что их шансы попасть... Но райские ворота далеко, следовать туда за их светлостями несподручно, так спустимся же снова на землю, чтобы и нас, чего доброго, не обеспокоили там щекотливыми вопросами о наших собственных излюбленных пороках.

И не будем потакать вульгарному предрассудку, будто духовенство – это такое сословие, которое получает слишком много денег и живет в роскоши. Когда этот известный аскет, покойный Сидней Смит (кстати сказать, почему столько Смитов на этом свете зовут *Сидней* Смит?) восхвалял систему больших денежных поощрений в Церкви, без чего, по его словам, джентльменов трудно склонить к духовной профессии, он весьма сочувственно признавал, что благосостояние большей части духовенства отнюдь не внушает зависти. Читая произведения некоторых известных современных авто-

ров, можно вообразить, будто жизнь пастора проходит в том, что он ублажает себя плум-пудингом и портвейном и что жирные брылы его преподобия всегда засалены шкварками от десятинных свиней. Карикатуристы любят изображать его в таком виде: круглым, короткошеим, угреватым, апоплектическим, выпирающим из своего жилета, словно кровяной пудинг, эдаким Силеном в широкополой шляпе и кудрявом парике. Тогда как на самом деле котлы этого горемыки отнюдь не переполнены мясом. Обычно он трудится за такое жалованье, каким пренебрег бы портновский подмастерье; кроме того, к его ничтожным доходам предъявляют такие требования, какие очень немногие философы выполняли бы без ропота; нередко и десятину взимают из его же кармана как раз те лица, которые урезают ему средства к существованию. Ему приходится обедать у сквайра, а его жена должна прилично одеваться, и сам он должен «иметь вид джентльмена» и воспитывать джентльменами шестерых рослых и вечно голодных сыновей. Прибавьте к этому, что, если он выполняет свой долг, у него бывают такие искушения истратить деньги, против каких ни одному смертному не устоять. Да, вы не можете устоять и покупаете ящик сигар, потому что они очень хороши, или золоченые часы у Хоуэла и Джеймса, потому что они очень дешевы; или ложу в Опере, потому что Лаблаш и Гризи божественно поют в «Пуританах». Вообразите же, как трудно пастору устоять и не истратить полкроны, когда семейство Джона Брекстоупа сидит без хлеба, или не

«выставить» бутылку портвейна бедной Полли Кроль, которая родила тринадцатого младенца; или не подарить плисовый костюмчик маленькому Бобу Скэркроу, чьи штанишки совсем проносились на коленках. Подумайте об этих искушениях, братья моралисты и философы, и не слишком придирайтесь к пастору.

Но что же это? Вместо того чтобы «обличать» пасторов, мы рассыпаемся в слезливых похвалах этой ужасной породе в черном облачении? О Святой Франциск, покоящийся под зеленым дерном, о Джимми, и Джонни, и Вилли, друзья моей юности! О благородный и милый сердцу старик Элиас! Как может тот, кто вас знает, не уважать ваше призвание и вас самих? Пускай это перо не напишет больше ни на пенни, если оно когда-нибудь вздумает осмеять вас или ваше призвание!

Глава XII

Снобы-клерикалы и клерикальный снобизм

«Уважаемый мистер Сноб, – пишет любезный молодой корреспондент, который подписывается Сноблинг, – следует или нет считать снобом священника, который, по просьбе высокородного герцога, недавно воспрепятствовал браку между двумя лицами, имевшими полное право обвенчаться?»»

Это, мой милый юный друг, не совсем честный вопрос. Один иллюстрированный еженедельник уже настиг этого священника и самым беспощадным образом очернил его, изобразив в сутане, совершающим обряд бракосочетания. Сочтем это достаточной карой и, с вашего позволения, прекратим расспросы.

Очень возможно, что, ежели бы мисс Смит предъявила разрешение на брак с Джонсом, то пастор, о котором идет речь, не видя в церкви старика Смита, послал бы церковного сторожа в кебе, чтобы сообщить старику об этом событии, и стал бы оттягивать службу до появления Смита-старшего. Очень возможно, он считает своим долгом спрашивать у *всех* невест, которые являются к нему без папы, почему их родителя нет в церкви, и, без сомнения, *всегда* посылает сторожа

за отсутствующим отцом семейства.

А может быть, пастор Как-его-там состоял самым близким другом герцога Кердельона, и тот нередко говаривал ему:

– Друг мой, Как-вас-там, не желаю, чтобы моя дочь вышла замуж за капитана. Если они сунутся к вам в церковь, то заклинаю вас нашей дружбой, сейчас же пошлите за мной Рэттена в наемном кебе.

Видите ли, дорогой Сноблинг, хотя у пастора и нет таких полномочий, однако и в том и в другом случае для него найдутся оправдания. У него не больше прав препятствовать моему браку, чем препятствовать моему обеду, я же, как свободнорожденный британец, имею по закону право и на то и на другое, ежели у меня есть чем заплатить. Но примите во внимание пасторскую заботливость, глубокое сознание обязанностей, возложенных на него саном, и простим ему неуместное, но искреннее усердие.

Но если священник в случае с герцогом сделал то, чего не пожелал сделать для Смита, если он знаком с семейством Кердельон не ближе, чем я – с королевским и светлейшим домом Саксен-Кобург-Гота, *тогда*, признаюсь, на ваш вопрос, уважаемый Сноблинг, должен последовать малоприятный ответ, такой, от которого я почтительно уклоняюсь. Хотелось бы мне знать, что сказал бы сэр Джордж Тафто, если бы часовой оставил свой пост из-за того, что некий благородный лорд (не имеющий никакого отношения к военной службе) попросил его пренебречь своим долгом.

Увы! Жаль, что церковный сторож, раздающий тычки мальчишкам и изгоняющий их тростью из церкви, не может изгнать оттуда и суетность; а что такое суетность, как не снобизм? Когда, например, я читаю в газетах, что его преподобие лорд Чарльз Джеймс совершил обряд конфирмации над *несколькими отпрысками знатных семейств* в Королевской капелле, как будто Королевская капелла нечто вроде церковного Олмэка, и молодежь надо готовить к переходу в лучший мир маленькими, избранными аристократическими группами, и на пути туда общество черни не должно их беспокоить, – когда я читаю такую заметку (а в течение великосветского сезона их непременно появятся две или три), мне она представляется самой ненавистной, подлой и отвратительной частью этого ненавистного, подлого и отвратительного раздела – «Придворных известий», в которой снобизм доведен до предела. Как, господа, неужели и в Церкви мы не можем признать республику? По крайней мере, там сама Геральдическая коллегия могла бы допустить, что у всех нас одна родословная и все мы прямые потомки Евы и Адама, чье наследие поделено между нами.

Я призываю всех герцогов, графов, баронетов и других сильных мира сего не поддаваться этому постыдному и позорному заблуждению и прошу всех епископов, которые читают наше издание, пересмотреть этот вопрос, протестовать против такой практики на будущее время и заявить: «Мы *не будем* конфирмовать или крестить лорда Томнодди или сэ-

ра Карнаби Дженкса в ущерб всяким другим юным христи-анам». Это заявление, если их милости согласятся его сде-лать, устранил большой lapis offensionis¹⁰, и заметки о снобах будут написаны не зря.

Ходит рассказ об одном известном nouveau riche¹¹, кото-рый, оказав однажды услугу выдающемуся прелату, еписко-пу Буллоксмитскому, попросил его светлость в воздаяние за это подтвердить его детей частным образом в собствен-ной капелле его светлости, каковую церемонию благодарный прелат и совершил надлежащим образом. Может ли сатира зайти дальше? Найдется ли даже в этом, самом забавном из журналов более наивная нелепость? Как будто человек не желает отправиться в рай, если ему не подадут специального поезда, или как будто он полагает, что конфирмация из пер-вых рук более действенна (как некоторые полагают и об ос-попрививании). Когда скончалась эта знатная особа, бегум Самру, уверяли, что она оставила десять тысяч фунтов па-пе и десять тысяч архиепископу Кентерберийскому, чтобы не промахнуться и чтобы церковные власти оказались навер-няка на ее стороне. Это всего лишь немногим более явное и неприкрытое проявление снобизма, чем те случаи, о ко-торых говорилось выше. Хорошо воспитанный сноб втайне гордится своим богатством и почестями совершенно так же, как сноб-выскачка, который самым смехотворным образом

---

¹⁰ Камень преткновения (*лат.*).

¹¹ Выскачке (*франц.*).

выставляет их напоказ, и высокогородная маркиза или герцогиня так же кичится собой и своими бриллиантами, как королева Квашибу, которая совершает свой парадный выход в треуголке с перьями, нашив на юбку эполеты.

Отнюдь не из презрения к знати, которую я люблю и уважаю (в самом деле, разве я не говорил выше, что был бы вне себя от радости, если бы два герцога прошли со мной по Пэл-Мэл), – отнюдь не из презрения к отдельным лицам я желал бы, чтобы этих титулов вовсе не было; но, рассудите сами, если б не было дерева, то не было бы и тени от него; и насколько честнее было бы общество, и насколько больше пользы было бы от служителей церкви (о чем сейчас и идет у нас речь), если б не существовало этих искушений высокого ранга и вечных приманок суетности, которые то и дело сбивают их с прямого пути.

Я видел много примеров того, как они оступаются. Когда, например, Том Снифл впервые попал в сельскую местность, под начало пастора Фадлстона (брата сэра Хадлстона Фадлстона), который жил в другом приходе, то не могло быть человека добрее, старательнее и лучше Тома. Он взял к себе жить свою тетушку. К беднякам он относился как нельзя лучше. Ежегодно списывал целые стопы бумаги очень благонамеренными и очень скучными проповедями. Когда семейство лорда Брэндиболла приехало в свое поместье и пригласило его отобедать в Брэндиболл-парке, Снифл так разволновался, что чуть не позабыл слова предобеденной мо-

литвы и опрокинул соусник со смородиновым желе на колени леди Фанни Гоффи.

И каковы же были последствия его близкого знакомства с этим благородным семейством? Он поссорился с тетушкой из-за того, что никогда не обедал дома. Несчастный совсем забыл своих бедных и насмерть загнал свою старую клячу, то и дело скача на ней в Брэндиболл, где упивался своей сумасбродной страстью к леди Фанни. Он выписывал из Лондона изящнейшие костюмы и духовного покроя жилеты, щеголял в модных сорочках и лакированных сапогах, тратился на духи; купил у Боба Гоффи кровного скакуна; бывал на сборах стрелков из лука, на общественных завтраках, даже на охоте; мне совестно в этом признаться, но я видел его в креслах Оперы, а после того на верховой прогулке на Роттен-роу бок о бок с леди Фанни. Он удвоил свою фамилию (что делают многие бедняги-снобы), и вместо прежнего «Т. Снифл» на изящной карточке появилось: «Преп. Т. Д'Арси Снифл, Бэрлингтон-отель».

Чем все это кончилось, можно себе представить: когда граф Брэндиболл узнал о любви пастора к леди Фанни, с ним случился тот самый приступ подагры, который чуть было не убил его (к неизъяснимому горю его сына, лорда Аликомпейна), и он обратился к Снифлу с незабываемыми словами, положившими конец всем его притязаниям:

– Сэр, если бы не мое уважение к Церкви, я бы, черт возьми, спустил вас с лестницы! – после чего милорда снова при-

хватила подагра, а леди Фанни, как все мы знаем, вышла замуж за генерала Подаджера.

Что касается бедного Тома, то он был не только по уши влюблен, но и по уши в долгах; кредиторы на него набросились. Мистер Гемп с Португал-стрит объявил недавно, что его преподобие разыскивается за неуплату долгов, и теперь его можно увидеть где-нибудь на водах за границей; иногда он отправляет церковную службу; иногда натаскивает какого-нибудь отбившегося от стада дворянского сынка в Карлсруэ или Киссингене; иногда – стыдно сказать! – приклеив бородку, толчется украдкой около рулеточных столов.

Если бы на пути этого несчастного не встретилось искушение в образе лорда Брэндиболла, он бы и по сей день скромно и достойно следовал своей профессии. Он мог бы жениться на кузине с четырьмя тысячами приданого, дочери виноторговца (старик поссорился с племянником из-за того, что тот не уговорил лорда Б. заказывать у него вино); мог бы народить семерых детей, давал бы частные уроки, сводил бы как-нибудь концы с концами и жил бы и умер сельским пастором.

Мог ли он избрать лучшую долю? Если вам интересно узнать, каким прекрасным, добрым и благородным может быть такой человек, прочтите «Жизнь доктора Арнольда» Стэнли.

Глава XIII

О снобах-клерикалах

Среди множества разновидностей снобов-клерикалов не следует забывать об университетских снобах и школьных снобах: они образуют весьма сильный отряд в этой армии черных одеяний.

Мудрость наших предков (которой я с каждым днем восхищаюсь все более и более), по-видимому, решила, что воспитание детей дело настолько неважное и незначительное, что почти всякий, носящий рясу и духовный сан, может за него взяться, вооружившись розгой, и даже в наше время найдется не один честный джентльмен-помещик, который, нанимая дворецкого, очень заботится, чтобы у того была рекомендация, и лошадь ни за что не купит без надежного ручательства и самого тщательного осмотра, однако же посылает сына, юного Джона Томаса, в школу, не расспросив, что за человек там учитель, и отдает мальчика в Суичестер-колледж, под начало доктора Блока, потому что он и сам (добрый, старый английский джентльмен) сорок лет тому назад тоже учился в Суичестере под началом доктора Базуига.

Мы нежно любим всех школьников, ибо многие тысячи их читают и любят «Панч»: да не будет им написано ни одного слова, которое не было бы честным и не годилось для чте-

ния школьников. Он не хочет, чтобы его юные друзья стали в будущем снобами или же были отданы на воспитание снобам. Наши отношения с университетской молодежью самые тесные и теплые. Простодушный студент нам друг. Чванный профессор колледжа дрожит в своей трапезной, боясь, что мы нападём на него и разоблачим как сноба.

Когда железные дороги еще только грозили покорить те земли, которые они впоследствии завоевали, какой крик и шум подняли, если позволено будет вспомнить, власти Итона и Оксфорда, опасаясь, что эта чугунная дерзость пройдет слишком близко от очагов чистой науки, вводя в соблазн британскую молодежь. Тщетны были все мольбы; железная дорога наступает, и старинные учреждения обречены на гибель. На днях я с восхищением прочел в газете самое достоверное объявление-рекламу: «В университет и обратно за пять шиллингов». «Университетские сады (говорилось в объявлении) будут открыты по этому случаю; университетские юноши проведут регату; в часовне Королевского колледжа будет играть знаменитый орган» – и все это за пять шиллингов! Готы вошли в Рим, Наполеон Стефенсон стягивает свои республиканские войска вокруг священных старых городов, и церковные главари, составляющие в них гарнизон, должны готовиться к тому, чтобы положить свои ключи и посохи к ногам железного завоевателя.

Если вы, любезный читатель, подумаете о том, какой глубокий снобизм породила университетская система, то вы со-

гласитесь, что пришла пора атаковать кое-какие из этих феодальных средневековых суеверий. Если вы поедете за пять шиллингов посмотреть на «университетских юношей», то можете увидеть, как один из них крадется через двор в шапке без кисточки, у другого эта шапка с серебряной или золотой бахромой, третий, в профессорской шляпе и мантии, спокойно шагает по священным университетским газонам, где не смеет ступить нога простого смертного.

Ему это дозволено, потому что он вельможа. Потому что этот юноша – лорд, университет по прошествии двух лет дает ему степень, которой всякий другой добивается семь лет. Ему не нужно сдавать экзамен, потому что он лорд. Эти различия в учебном заведении кажутся настолько нелепыми и чудовищными, что тому, кто не съездил в университет и обратно за пять шиллингов, просто невозможно в них поверить.

Юноши с золотыми и серебряными галунами – сыновья богатых дворян, и их называют «студенты-сотрапезники»; им полагается питаться лучше, чем стипендиатам, и запивать еду вином, что последние могут проделывать только у себя в комнатах.

Несчастливцы, у которых нет кисточек на шапках, называются «стипендиатами», в Оксфорде – «служителями» (весьма красивое и благородное звание). Различие делается в одежде, ибо они бедны; по этой причине они носят значок бедности, и им не дозволяется обедать вместе с их товарища-

ми-студентами. В то время, когда это порочное и постыдное различие было введено, оно соответствовало всему остальному – оно было неотъемлемой частью грубой, нехристианской, варварской феодальной системы. Различия в рангах тогда соблюдались так строго, что усомниться в них было бы кощунством, таким же кощунством, как для негра в некоторых местах Соединенных Штатов притязать на равенство с белым. Такой злодей, как Генрих VIII, так важно утверждал, что он облечен божественной властью, словно был боговдохновенным пророком. Такой негодяй, как Иаков I, не только сам верил, что в нем есть какая-то особенная святость, но и другие ему верили. Правительство регулировало торговлю, цены, вывоз, оборудование, даже устанавливало длину башмаков у купца. Оно считало себя вправе поджаривать человека на костре за его веру, выдергивать зубы у еврея, если он не платил налогов, либо приказывало ему одеваться в желтый габардин и запирало его в особый квартал.

Теперь купец может носить какую ему угодно обувь и почти добился права продавать и покупать товар без того, чтобы правительство наложило свою лапу на каждую сделку. Нет более костра для еретиков, позорный столб скрыт, и находятся даже епископы, которые высказываются против религиозных преследований и готовы положить конец ограничениям в правах католиков. Сэру Роберту Пилю, как ему это ни обидно, не подвластны зубы мистера Бенджамина Дизраэли; у него нет никакой возможности повредить челюсть

этому джентльмену. Теперь от евреев не требуют, чтобы они носили значки: напротив того, они могут жить, где им вздумается, хотят – на Минорис, а хотят – на Пикадилли; они могут одеваться как христиане; а иногда и одеваются, весьма изящно и по моде.

Почему же бедный университетский «служитель» до сих пор обязан носить это имя и этот значок? Потому что университеты – последнее место, куда проникнет Реформа. Но теперь, когда она может съездить в университет и обратно за пять шиллингов, пускай отправляется туда.

Глава XIV

Университетские снобы

Все бывшие питомцы колледжа Святого Бонифация сразу узнают на этом двойном портрете Хагби и Крампа. В наше время оба они были наставниками, а Крамп с тех пор пошел в гору и стал ректором колледжа Святого Бонифация. В те времена он был, да и до сих пор остается, великолепным экземпляром университетского сноба.

В двадцать пять лет Крамп открыл три новых стихотворных размера и выпустил новое издание весьма непристойной греческой комедии, внося в текст не меньше двадцати исправлений сравнительно с немецкими изданиями Шнупфениуса и Шнапсиуса. Такие заслуги перед религией незамедлительно дали ему возможность подняться на высшую ступень университетской иерархии, так что ныне он состоит ректором колледжа и чуть было не попал в университетский совет.

Крамп считает колледж Святого Бонифация средоточием мира, а свой пост ректора – самым почетным во всей Англии. Он ожидает, что студенты и профессора будут оказывать ему того же рода почести, какие кардиналы оказывают папе. Я уверен, что на пути в часовню Подхалим не погнушался бы нести за ним его шапку, а Паж не менее охот-

но поддержал бы край его мантии. Он возглашает «аминь!» так оглушительно, словно оказывает господу богу большую честь, участвуя в церковной службе, а у себя дома и в своем колледже он дает понять, что выше его стоит разве только король.

Когда в университет прибыли союзные монархи для получения докторской степени, колледж Святого Бонифация дал для них завтрак – единственно ради такой okazji Крамп пропустил вперед себя императора Александра, зато сам опередил короля Прусского и князя Блюхера. Он собирался было посадить атамана Платова за боковой стол вместе с воспитателями, но его уговорили смириться, и он ограничился тем, что прочел знаменитому казаку лекцию на тему о его родном языке, в которой доказывал, что атаман ровно ничего не смыслит в этом предмете.

Что касается до нас, студентов, то мы знали о Крампе не больше, чем о Далай-ламе. Немногочисленных любимчиков он иногда приглашал к чаю, но они не смели рта раскрыть, пока к ним не обратится сам доктор, а если кто-нибудь из них отваживался сесть, то любимец и помощник Крампа подходил и говорил шепотом:

– Господа, будьте любезны встать. Ректор идет сюда! – Или: – Господа, ректор предпочитает, чтобы студенты в его присутствии стояли! – Или же еще что-нибудь в этом роде.

Следует отдать Крампу должное: теперь он не заискивает перед великими мира сего. Скорее он оказывает им по-

кровительство, чем напротив, и, бывая в Лондоне, снисходительно беседует с каким-нибудь герцогом, который воспитывался у него в колледже, или же протягивает один палец маркизу. Он отнюдь не скрывает своего происхождения, но весьма самодовольно похваляется им.

– Я воспитывался в приюте для бедных детей, – говорит он, – а посмотрите, чем я стал: лучшим знатоком Античности в лучшем из колледжей величайшего университета величайшей в мире империи.

Из этого, очевидно, следует, что наш мир создан для нищих – сумел же Крамп, будучи нищим, оседлать Фортуна.

Хагби обязан своим возвышением неизменному терпению и учтивому упорству. Это тихий, кроткий, безобидный человек, учености которого в обрез хватает на то, чтобы прочесть какую-нибудь лекцию или дать тему для сочинения на экзамене. Он сделал карьеру, оказывая услуги нашей аристократии. Поучительно было видеть, как этот бедняга унижается перед племянником какого-нибудь лорда или всего-навсего перед крикливым, сомнительной репутации студентом, приятелем какого-нибудь лорда. Нередко он угощал знатную молодежь самыми обильными и изысканными завтраками, напускал на себя аристократическую развязность и при самом серьезном направлении ума вел беседу об опере или о последней охоте с гончими. Любопытно было наблюдать Хагби в кругу юных вельмож – Хагби с его заискивающей улыбкой, с его назойливой и неуклюжей фамильярно-

стью. Он писал конфиденциальные письма родителям своих студентов, а бывая в Лондоне, почитал своим долгом сделать им визит, чтобы выразить соболезнование по поводу чьей-либо кончины или поздравить с бракосочетанием, рождением наследника и т. п., – либо приглашал на обед этих родителей, приехавших навестить сына в университете. Помню, одно письмо, которое начиналось с обращения «Ваша Светлость», целый семестр лежало у него на кафедре для того только, чтобы мы, студенты, знали, с какими вельможами он состоит в переписке.

Когда обучался в университете покойный лорд Гленливет, безвременно (всего лишь двадцати четырех лет от роду) сломавший себе шею на скачках с препятствиями, то этот милый юноша, проходя ранним утром мимо комнаты Хагби и увидев его сапоги, шутки ради наложил в них сапожного вара, что доставило невыразимые страдания достопочтенному мистеру Хагби, когда тот вздумал снять их вечером, собираясь на обед к ректору колледжа Святого Криспина.

Все единогласно приписали эту остроумнейшую шутку другу лорда Гленливета, Бобу Тиззи, который был известен такими выходками: он уже успел похитить колодезный насос нашего колледжа, спилить до основания нос у статуи Святого Бонифация, снять вывески с четырех табачных лавочек, выкрасить лошадь старшего надзирателя в светло-зеленую краску и т. д. и т. п.; и Бобу, который, разумеется, участвовал в деле и ни за что не стал бы доносить, грозило исключение

из университета (а следовательно – потеря прихода, где ему было обещано место пастора), когда Гленливет благородно выступил вперед, признался, что автор этой восхитительной *jeu d'esprit*¹² не кто иной, как он, принес извинения воспитателю и безропотно согласился на временное исключение.

Хагби плакал, когда Гленливет просил у него прощения: ежели бы сей знатный юноша стал пинками гонять его кругом двора, то его воспитатель, надо полагать, был бы счастлив, – лишь бы за этим воспоследовало покаяние и примирение.

– Милорд, – говорил он, – в этом случае, да и во всех других, вы вели себя как подобает джентльмену; вы оказали честь университету, так же как впоследствии, я уверен, окажете честь сословию пэров, когда юношеская живость вашего характера с годами несколько умерится и вы будете призваны участвовать в управлении страной.

И когда его милость прощался с университетом, Хагби подарил ему экземпляр «Проповедей Семейству Вельможи» (Хагби был когда-то воспитателем сыновей графа Мафборо), а Гленливет, в свою очередь, презентовал эти проповеди Уильяму Рамму, более известному спортсменам под прозвищем «Любимец Татбери», и ныне они красуются в будуаре миссис Рамм, позади распивочной, в увеселительном заведении «Бойцовый Петух и Шпоры» близ Вудстока, в графстве Оксфордшир.

---

¹² Шутки (*франц.*).

С началом летних вакаций Хагби прибывает в Лондон и поселяется в прекрасной квартире неподалеку от Сент-Джеймс-сквер; он совершает верховые прогулки в Хайд-парке и с радостью встречает свою фамилию в утренних газетах в списке лиц, присутствовавших на вечерах маркиза Фаринтоша и графа Мафборо. Он состоит членом того же клуба, что и Сидни Скряггинс, но, в отличие от последнего, выпивает там ежедневно бутылку кларета.

Иногда, по воскресеньям, вы можете видеть его в тот час, когда отпираются двери кабаков и из них выходят крохотные девочки с большими кружками портера; когда мальчики из сиротских приютов разносят по улицам блюда с дымящейся бараниной и печеным картофелем; когда Шийни и Мозес курят трубки перед закрытыми ставнями своих лавок в районе Севи-Дайэлс; когда улицу заполняют толпы улыбающихся, разряженных людей в нелепых чепцах и пестрых ситцевых платьях, в измятых лоснящихся сюртуках и шелковых жилетах, на которых видны складки, ибо всю неделю они пролежали в комодке, – иногда, повторяем, можно увидеть, как Хагби выходит из церкви Святого Джайлса под руку с немолодой полной дамой, которая окидывает окружающих счастливым и гордым взглядом: она бесстрашно раскланивается с самим помощником пастора и шествует по Холборн-хиллу, где останавливается и дергает за ручку звонка у дверей с вывеской: «Хагби, галантерейщик». Это – матушка его преподавателя Ф. Хагби, которая гордится сыном в белом галстуке

не меньше, чем римлянка Корнелия гордилась своими Гракхами. А вот и старик Хагби замыкает шествие с молитвенниками под мышкой и с дочерью Бетси Хагби, старой девой, — сам старик Хагби, галантерейщик и церковный староста.

Наверху, в парадной комнате, где стол уже накрыт к обеду, висит картинка, изображающая замок Мафборо; портрет графа Мафборо, наместника графства Дидлсекс; гравюра колледжа Святого Бонифация, вырезанная из какого-то альманаха, а также силуэт молодого Хагби в берете и мантии. Экземпляр «Проповедей Семейству Вельможи» стоит на полке рядом с «Долгом человека», отчетами миссионерских обществ и календарем Оксфордского университета. Старик Хагби знает половину этого календаря наизусть: все приходы, подведомственные колледжу Святого Бонифация, фамилии всех профессоров, членов университетского совета и студентов.

Бывало, он хаживал на молитвенные собрания, случалось даже, проповедовал и сам, до тех пор пока его сын не стал духовным лицом, но не так давно старика обвинили в ереси, и теперь он не знает пощады по отношению к диссидентам.

Глава XV

Университетские снобы

Мне бы хотелось заполнить целые тома описанием разнообразных университетских снобов – так их было много и с такой любовью я о них вспоминаю. Больше всего мне хотелось бы поговорить о женах и дочерях некоторых профессоров-снобов, об их развлечениях, привычках, об их завистливости; об их невинных ухищрениях при ловле женихов; об их пикниках, концертах и званых вечерах. Мне любопытно, что случилось с Эмили Блейдс, дочерью профессора Блейдса, преподавателя языка мандинго. Я и до сих пор помню ее плечи; помню, как она сидела в кругу молодых джентльменов из колледжей Тела Христова и Кэтрин-холла, одаряя их нежными взглядами и французскими романсами под гитару. Вышли ли вы замуж, прекрасная Эмили с прекрасными плечами? Какие прелестные локоны ниспадали на них в те времена! Какая у вас была талия! Какое обольстительное муровое платье цвета морской волны! Какая камея величиной с плюшку! Тогда в университете насчитывалось тридцать шесть молодых людей, влюбленных в Эмили, и никакими словами не описать то сострадание, ту печаль и то глубокое-глубокое сожаление, иными словами, ту злость, то бешенство и ту недоброжелательность, с которой глядела на

нее мисс Трампс (дочь Трампа, профессора флеботомии) за то, что Эмили не косила и лицо у нее не было попорчено оспой.

Что же до юных университетских снобов, то я становлюсь уже слишком стар, чтобы говорить о них как о близких знакомых. Мои воспоминания о них отошли в далекое прошлое, почти такое же далекое, как времена Пелэма.

В то время мы называли «снобами» грубоватых юнцов, которые никогда не пропускали службы в часовне, носили короткие сапоги и панталоны без штрипок; каждый божий день гуляли два часа по Трампингтон-роуд, добивались стипендий в колледже, а в столовой переоценивали свои силы. Мы слишком скоропалительно выносили приговор юношескому снобизму. Человек без штрипок выполнял свой долг и свое предназначение. Он покоил престарелого родителя, пастора в Уэстморленде, и помогал сестрам открыть школу для девиц. Он составлял словарь или писал трактат о конических сечениях, в зависимости от наклонов и таланта. Он получал звание стипендиата, а потом получал приход и женился. Теперь он первое лицо в приходе и полагает, что быть членом клуба «Оксфорд и Кембридж» – шикарная штука; прихожане любят его и храпят во время проповеди. Нет, нет, он не сноб. Не штрипки делают джентльмена, и не короткие сапоги, как бы ни были они грубы, низводят его в ряды простолюдинов. Сын мой, это ты сноб, если легкомысленно презираешь человека за то, что он выполняет свой долг, и отка-

зывается пожать руку честному малому, из-за того что на этой руке надета нитяная перчатка.

В то время мы отнюдь не считали предосудительным для кучки юнцов, которых еще секли всего три месяца назад и которым дома не давали больше трех рюмок портвейна, засиживаться допоздна друг у друга в комнатах, обедаясь ананасами и мороженым и наливаясь шампанским и кларетом.

Теперь оглядываешься с каким-то изумлением на то, что называлось тогда «студенческой пирушкой». Тридцать юнцов за столом, уставленным скверными сладостями, пьют скверное вино, рассказывают скверные анекдоты, поют без конца одну и ту же скверную песню. А наутро молочный пунш, курение, ужасная головная боль, отвратительное зрелище десертного стола, застоявшийся запах табака – и в это самое время ваш опекун-священник заглядывает с визитом, в чайнии найти вас погруженным в занятия алгеброй, и видит, как служитель отпаивает вас содовой водой.

Были и такие молодые люди, которые презирали мальчишек, злоупотреблявших грубым гостеприимством студенческих пирушек, и гордились тем, что давали изысканные обеды на французский лад. Но и те, кто устраивал пирушки, и те, кто давал обеды, были снобами.

Были у нас и такие снобы, которых звали «франтами». Джимми, который часов в пять появлялся на людях разряженный в пух и прах, с камелией в петлице, в лакированных сапогах и в свежих лайковых перчатках дважды в день;

Джессами, щеголявший своими «драгоценностями», – юный осел весь в сверкающих цепочках, перстнях и запонках; Джеки, который каждый день торжественно катался верхом по Бленгейм-роуд в бальных туфлях, белых шелковых чулках и с завитыми кудрями, – все трое льстили себя мыслью, что в университете они законодатели мод, – и все трое представляли собой самые противные разновидности снобов.

Разумеется, были и снобы-спортсмены, они имеются и по сей час – те счастливые создания, которых природа наделила любовью к жаргонным словечкам, которые шатаются по конюшням, правят почтовыми каретами перегон-другой и ранним утром расхаживают по двору в охотничьих камзолах, а ночи напролет играют в кости и в карты, и никогда не пропускают скачек или бокса, и сами участвуют в скачках без препятствий, и держат бультерьеров. Еще хуже их были те жалкие людишки, которые терпеть не могли охоты, да она им была и не по средствам, и которые смертельно боялись даже двухфутовой канавы и все же охотились, потому что не хотели отстать от Гленливета и Синкбарза. Снобы-бильярдисты и снобы-гребцы являются разновидностями снобов-спортсменов, и их можно найти не только в университетах.

Кроме того, были у нас и снобы-философы, которые ораторствовали в студенческих говорильнях, подражая государственным деятелям, и твердо верили, что правительство приглядывается к университету с намерением подобрать там ораторов для палаты общин. Были и дерзновенные молодые

вольнодумцы, которые не поклонялись ничему и никому, кроме разве Корана да Робеспьера, и вздыхали о тех днях, когда бледный образ священника увянет и исчезнет, не устояв перед возмущением просвещенного мира.

Но хуже всех университетских снобов те несчастные, которых доводит до гибели желание подражать высшим. Смит знакомится в колледже с аристократами и стыдится своего папаши-торговца. У Джонса много родовитых друзей, в образе жизни он подражает им, как и полагается такому веселому и беззаботному малому, зато он разоряет своего отца, лишает сестру приданого, ломает жизнь младшему брату ради удовольствия принять у себя милорда или проехаться рядом с сэром Джоном. И хотя Робинсону, быть может, очень нравится напиваться дома так же, как он напивался в колледже, и возвращаться домой под присмотром полисмена, которого он только что пытался сбить с ног, подумайте, каково это для бедной старухи, его матери, вдовы отставного капитана, которая всю жизнь урезывала себя ради того, чтобы этот веселый молодой человек мог получить университетское образование.

Глава XVI

Литературные снобы

Что-то он скажет о литературных снобах? Вот какой вопрос, я не сомневаюсь, часто задавала себе публика. Как же он может пощадить собственную профессию? Неужели это грубое и безжалостное чудовище, нападающее без разбора на аристократию, духовенство, армию и знатных дам, станет колебаться, когда придет время égorger¹³ собственную плоть и кровь?

Мой любезный и превосходный друг, скажите, кого сечет учитель так неукоснительно, как родного сына? Разве Брут не отрубил голову своему отпрыску? Хорошего же вы мнения о нынешнем положении литературы и о литераторах, ежели думаете, что кто-то из нас не решится заколоть ножом собрата по перу, если его смерть может оказаться хоть чем-то полезной для государства!

Однако суть в том, что в литературной профессии *снобов нет*. Оглянитесь на все сословие британских литераторов, и, ручаюсь, вам не найти среди них ни одного примера вульгарности, зависти или высокомерия.

Все они, и мужчины и женщины, насколько я их знаю, отличаются скромностью поведения и изяществом манер, все

---

¹³ Зарезать (франц.).

безупречны в личной жизни и честны по отношению к окружающему их обществу и друг к другу. Правда, вам иногда, быть может, случится услышать, как один литератор поносит другого, но почему? Отнюдь не по злобе; вовсе не из зависти, но единственно ради правды и из чувства долга перед обществом. Предположим, например, что я добродушно укажу на какой-либо внешний недостаток моего друга мистера Панча и замечу, что мистер П. горбат, что нос и подбородок у него более крючковаты, чем у Аполлона или у Антиноя, которых мы привыкли считать образцами красоты: разве это доказывает, что я питаю злобу к мистеру Панчу? Ни в коей мере. Обязанность критика – отмечать не одни достоинства, но также и недостатки, и он неизменно выполняет свой долг с величайшей мягкостью и прямоотой.

Всегда стоит выслушать мнение умного иностранца о наших нравах, и в этом отношении мне кажется особенно ценной и беспристрастной книга известного американца, мистера Н.-П. Уиллиса. В его «Жизнеописании Эрнеста Клея», видного журналиста, читатель найдет точное изображение жизни популярного литератора в Англии. Для общества это всегда лев.

Его ставят выше герцогов и графов; вся знать стекается, чтобы увидеть его; не помню уж, сколько баронесс и герцогинь в него влюбляется. Но об этом предмете нам лучше умолчать. Скромность не позволяет нам назвать имена безнадежно влюбленных герцогинь и милых маркиз, вздыхаю-

щих о всех без исключения сотрудниках нашего журнала.

Если кому-нибудь угодно узнать, как тесно авторы связаны с высшим светом, то надобно только прочесть модные романы. Какой утонченностью, какой деликатностью проникнуты творения миссис Барнаби! В какое прекрасное общество вводит нас миссис Армитедж! Она редко знакомит нас с кем-либо ниже маркиза! Я не знаю ничего восхитительнее картин светской жизни в «Десяти тысячах в год», кроме разве «Молодого герцога» и «Конингсби». В них есть какая-то скромная грация и светская непринужденность, свойственная только аристократии, уважаемый сэр, истинной аристократии.

А какие лингвисты многие из нынешних писателей! Леди Бульвер, леди Лондондерри, сам лорд Эдвард – они пишут на французском языке с тонким изяществом и непринужденностью, что ставит их неизмеримо выше их континентальных соперников, из коих ни один (кроме Поль де Кока) не знает по-английски ни слова.

И какой англичанин может читать без наслаждения романы Джеймса, столь восхитительные по гладкости слога, – а игривый юмор, блестящий и небрежный стиль Эйнсворта? Среди других юмористов можно перелистать некоего Джеррольда, рыцарственного защитника Ториев, Церкви и Государства; некоего А'Бекета, отличающегося легкостью пера, но беспощадной серьезностью мысли; некоего Джимса, чьим безупречным языком и остроумием, свободным от шутов-

ства, наслаждалась близкая ему по духу публика.

Если говорить о критике, то, быть может, еще никогда не было журнала, который столько сделал бы для литературы, как бесподобный «Куортерли ревью». У него, разумеется, есть свои предубеждения, но у кого из нас их нет? Он не жалеет усилий ради того, чтобы опорочить великого человека или без пощады разделаться с такими самозванцами, как Китс и Теннисон; но, с другой стороны, это друг молодых сочинителей, который замечал и поддерживал все нарождающиеся таланты в нашей стране. Его любят решительно все. Кроме того, есть у нас еще «Блеквудс мэгэзин», замечательный своим скромным изяществом и добродушием сатиры; в шутку этот журнал никогда не переходит границ учтивости. Он – арбитр в области нравов и, ласково обличая слабости лондонцев (к коим beaux esprits¹⁴ Эдинбурга питают законное презрение), никогда не бывает грубым в своем веселье. Хорошо известен пламенный энтузиазм «Атенеума» и горький смех слишком требовательной «Литературной газеты». «Экзаминер», быть может, слишком робок, а «Зритель» слишком неумерен в похвалах, но кто станет придирается к таким мелочам? Нет, нет, критики Англии и писатели Англии как корпорация не имеют себе равных, и нечего выискивать у них недостатки.

А главное, я никогда не видел, чтобы литератор *стыдился своей профессии*. Тому, кто нас знает, известно, какой дух

---

¹⁴ Остряки (франц.).

братской любви царит в нашей среде. Время от времени кто-нибудь из нас выходит в люди: мы не нападаем на него за это, не издеваемся над ним, но все до единого радуемся его успеху. Если Джонс обедает у лорда, Смит никогда не назовет Джонса льстецом и подхалимом. С другой стороны, Джонс, вращаясь среди сильных мира сего, отнюдь не кичится их обществом, но даже бросит герцога, с которым под руку шествует по Пэл-Мэл, чтобы подойти к бедняге Брауну, грошовому писাকে, и поговорить с ним.

Это чувство равенства и братства среди сочинителей всегда поражало меня как одна из самых приятных особенностей нашего сословия. Именно потому, что мы знаем и уважаем друг друга, мы пользуемся всеобщим уважением, занимаем такое высокое положение в свете и безукоризненно себя держим на светских приемах.

Страна так высоко ценит литераторов, что двух из них в течение нынешнего царствования даже приглашали ко двору, и очень возможно, что к концу нынешнего сезона один или двое писателей будут приглашены на обед к сэру Роберту Пилю.

Есть и такие любимцы публики, что принуждены то и дело снимать с себя портреты и публиковать их; можно даже указать одного или двоих, от которых страна каждый год требует новых портретов. Может ли что-нибудь быть приятнее, чем это доказательство любви и уважения народа к своим учителям!

В Англии так почитают литературу, что ежегодно выделяется до тысячи двухсот фунтов, предназначенных единственно на пенсии достойным лицам этой профессии. Последнее также весьма и весьма лестно для этих самых лиц и доказывает, что, как правило, они процветают. Как правило, они так богаты и бережливы, что оказывать им денежную помощь почти не требуется.

Если каждое слово здесь – правда, то как же, любопытно было бы знать, могу я писать о литературных снобах?

Глава XVII

Литературные снобы

(Письмо «одного из них» к мистеру Смигу, знаменитому наемному писаке)

Любезный Смит, из множества негодующих корреспондентов, возражавших против изложенного в последней лекции мнения, что в литературной профессии не существует снобов, я счел наилучшим адресоваться к вам лично, а уже через вас – ко многим, которые были так добры назвать литераторов, имеющих, как им угодно думать, больше всего прав на звание сноба. «Читали ли вы «Жизнеописание» бедняги Теодора Крука, напечатанное в «Куортерли»? – спрашивает один. – И кто более, чем этот несчастный достоин звания сноба?» «Что вы скажете о романах миссис Круор и о повестях миссис Уоллоп из светской жизни?» – пишет некий женоненавистник. «Разве Том Мако не был снобом, когда помечал свои письма Виндзорским дворцом?» – спрашивает третий. Четвертый, видимо, затаивший какую-то личную обиду и сердитый на то, что Том Фастиэн, получив наследство, не оказал ему должного внимания, просит нас разоблачить этого знаменитого писателя. «Что вы скажете о Кроули

Спокере, друге маркиза Борджиа, человеке, который не знает, где находится Блумсбери-сквер?» – пишет разгневанный патриот с штемпелем Грейт-Рассел-стрит на конверте. «Что вы скажете о Бендиго Деминорис?» – спрашивает еще один любопытный.

Я считаю «Жизнеописание» бедного Крука весьма поучительным. Оно доказывает нам, что не следует полагаться на сильных мира сего – на знатных, великолепных, титулованных снобов. Из него явствует, каковы отношения между бедными и богатыми снобами. Пойдите обедать к вельможе, любезный Смит, там вам покажут ваше место. Отпускайте шуточки, пойте песни, улыбайтесь ему и болтайте как его обезьянка, забавляйте хозяина, ешьте ваш обед, сидя рядом с герцогиней, и будьте за это благодарны, мошенник вы этакий! Разве не приятно читать свою фамилию в газетах, среди других светских гостей? Лорд Хукхэм, лорд Сниви, мистер Смит...

Произведения миссис Круор и романы миссис Уоллоп тоже поучительное, если не совсем приятное чтение. Ибо эти дамы, вращаясь в самом высшем обществе, в чем не может быть сомнения, и давая точные портреты знати, предостерегают многих честных людей, которые в противном случае могли быть введены в заблуждение, и рисуют светскую жизнь до того пустой, изменной, скучной, бессмысленной и вульгарной, что недовольные умы должны после этого примириться и с бараниной, и с Блумсбери-сквер.

Что же касается достопочтенного мистера Мако, то я отлично помню, какой шум поднялся из-за того, что этот достопочтенный джентльмен имел дерзость написать письмо из Виндзорского дворца, и думаю... что он сноб, если мог поставить такой адрес на своем письме. Нет, я думаю только, что снобизм проявила публика, подняв из-за этого дым столбом, – публика, которая с трепетом взирает на Виндзорский дворец и считает богохульством помянуть о нем запросто.

Прежде всего, мистер Мако действительно был во дворце, и потому не мог быть нигде в другом месте. Почему же он, находясь в одном месте, должен был помечать свое письмо каким-то другим? Насколько я понимаю, он имеет такое же право находиться в Виндзорском дворце, как и сам принц Альберт. Ее величество (да будет это сказано с тем уважением, какого заслуживает столь величественная тема) является собой августейшую домоправительницу этой резиденции. В ее королевские обязанности входит милостивое гостеприимство и прием высших должностных лиц государства; поэтому я и считаю, что мистер Мако имеет такое же право на апартаменты в Виндзоре, как и на красную шкатулку на Даунинг-стрит, и зачем же ему было ездить в Виндзор тайно, и стыдиться своей поездки туда, и скрывать свое пребывание там?

Что же до славного Тома Фастиэна, который обидел Либертаса, то последнему придется терпеть эту обиду до тех пор, пока Том не выпустит еще один роман; а за месяц до

того Либертас, как критик «Еженедельного томагавка», вероятно, получит самое сердечное приглашение в Фастиэнвилл-Лодж. Приблизительно в это же время миссис Фастиэн заедет с визитом к миссис Либертас (в желтой коляске с розовой обивкой и с зеленым ковриком на козлах) и станет ласково расспрашивать ее о здоровье детишек. Все это прекрасно; однако Либертас должен знать свое место в обществе; писателем пользуются, пока он нужен, а потом бросают его; он должен довольствоваться общением со светскими людьми на таких условиях, а Фастиэн теперь, когда у него есть желтая коляска с розовой обивкой, принадлежит большому свету.

Нельзя ожидать, чтобы все были столь великодушны, как маркиз Борджиа, друг Спокера. Он-то был вельможа очень великодушного и возвышенного склада, истинный покровитель если не литературы, то хотя бы литераторов. Милорд завещал Спокеру почти столько же денег, сколько своему лакею Сансюиссу – по сорок или пятьдесят тысяч фунтов *обом* этим честным малым. И они это заслужили. Есть кое-какие вещи, любезный Смит, которые Спокеру известны (хотя он и не знает, где находится Блумсбери-сквер), – а также и некоторые весьма странные места.

И, наконец, молодой Бен Деминорис. Какое право имею я считать этого знаменитого писателя за образец британского литературного сноба? Мистер Деминорис не только человек талантливый (как и вы, любезный Смит, хотя ваша прачка и

пристает к вам со своим маленьким счетом), но он добился и привилегий, сопряженных с богатством, которых у вас нет, и мы должны почитать его, как нашего главу и представителя в высшем свете. Когда у нас здесь были индейцы-чоктосы, какого человека и чей дом избрали для показа этим любезным чужеземцам как образцового английского джентльмена и его образцовое жилище? Из всей Англии Деминорис оказался тем человеком, которого избрало правительство как представителя британской аристократии. Я знаю, что это верно. Я прочел об этом в газетах; и никогда еще народ не оказывал большей чести литератору.

И мне приятно видеть его на посту государственного деятеля – такого же писателя, как и все мы, – приятно, потому что он заставляет *уважать* нашу профессию. Что нас восхищает в Шекспире, как не его поразительная многогранность? Он сам побывал всеми теми, кого изображает: Фальстафом, Мирандой, Калибаном, Марком Антонием, Офелией, судьей Шеллоу, – и потому я говорю, что Деминорис смыслит в политике больше всякого другого, ибо он побывал (или выразил готовность побывать) всеми. На заре его жизни Джозеф и Дэниел были восприимчивыми краснеющего юного неофита и поддерживали его у купели свободы. Какая из этого вышла бы картина! Случилось так, что обстоятельства заставили его поссориться с самыми почтенными из своих крестных отцов и изменить убеждения, высказанные им в великодушную пору юности. Разве он отказался бы от должности при

вигах? Даже и при них, как говорят, молодой патриот готов был служить своей стране. Где был бы теперь Пиль, если бы знал ему цену? Я оставляю этот тягостный предмет и рисую себе негодование римлян при виде Кориолана, разбившего лагерь перед Порта-дель-Пополо, или горькую обиду Франциска I, когда коннетабль Бурбон при Павии перешел на сторону противника. *Raro antecedentem, etc., deseruit pede Paena claudo*¹⁵ (как сказал некий поэт); и я не знаю зрелища ужаснее, нежели Пиль, когда карьера его завершилась катастрофой: Пиль, извивающийся в мучениях, а над ним – Немезида Деминорис!

Даже в словаре Лемприера я не видел картины более устрашающей, чем это божественное отмщение. Как! Пиль думал убить Каннинга, да? И уйти от кары, потому что убийство было совершено двадцать лет назад? Нет, нет. Как! Пиль думал отменить хлебные законы, да? Первым долгом, прежде чем проводить хлебные законы или законы об Ирландии, давайте установим, кто именно убил «родственника» лорда Джорджа Бентинка. Пускай Пиль ответит за это убийство стране, ответит плачущему, ни в чем не повинному лорду Джорджу и его заступнику, Немезиде Деминорис.

Я считаю его вмешательство подлинно рыцарским, я смотрю на привязанность лорда Джорджа к его «дядюшке» как на самое возвышенное и приятное из качеств осиротевшего молодого вельможи, и я горжусь тем, любезный Смит,

---

¹⁵ Богиня мщения все ж догонит, хоть и хромая, порок ушедший (*лат.*).

что в этой бескорыстной междоусобице лорда поддерживает литератор; что если лорд Джордж – глава великой английской аграрной партии, то литератор в качестве вице-короля стоит выше его. Счастлива страна, у которой есть два таких спасителя. Счастлив лорд Джордж, у которого есть такой друг и покровитель, – счастливы литераторы, что из их рядов вышел глава и спаситель нации.

Глава XVIII

О снобах-политиках

Не знаю, где сноб-дилетант может найти больше экземпляров своей любимой породы, чем в мире политики. Снобы-виги, снобы-тори и снобы-радикалы, снобы-консерваторы и снобы «Молодой Англии», снобы-чиновники и снобы-парламентарии, снобы-дипломаты и снобы-придворные представляются воображению в неисчислимом количестве приятнейших разновидностей, так что я затрудняюсь, которую из них показывать первой.

Моим близким друзьям известно, что у меня имеется тетушка-герцогиня, которая, в силу своего титула, состоит смотрительницей Пудреной комнаты; и что мой кузен, лорд Питер, – хранитель Оловянного жезла и камергер Мусорной корзины. Ежели бы этим милым родственникам предстояло еще надолго сохранить свои посты, никакая сила не заставила бы меня ополчиться на неказистую категорию снобов-политиков, к которой они принадлежат; но и ее светлость и лорд Питер уходят вместе с нынешним правительством, и, быть может, если мы слегка позабавимся и позлословим насчет их преемников, это смягчит для них горечь отставки.

Сейчас, когда пишутся эти строки, еще неизвестны перемены в составе кабинета, но я слышал в самом лучшем об-

ществе (мне это рассказал на прошлой неделе Том Спифл за завтраком у барона Хаундсдича), что Оловянный жезл моего кузена Питера перейдет к Лайонелю Геральдону. Тоффи почти уверен в том, что получит пост при Мусорной корзине; а Пудренная комната положительно обещана леди Герб.

За каким чертом ее милости понадобилось это место? Вот вопрос, которым невольно задается моя глупая голова. Будь у меня тридцать тысяч в год да будь у меня подагра (хотя это величайший секрет), а дома такой любезный супруг-эпилептик, как лорд Герб, да сколько угодно домов в городе и за городом, парков, замков, вилл, поваров, книг, карет и других радостей жизни, – неужели я стал бы чем-то вроде не знаю чего, – в сущности, старшей горничной у особы хотя бы и самого высокого ранга и всеми любимой? Неужели я бросил бы покойную жизнь, свой дом и свой круг знакомых, мужа, детей и независимость ради того, чтобы хранить какую бы то ни было пудру в чьем бы то ни было хозяйстве, говорить едва слышно, часами стоять навтыжку перед каким-нибудь молодым принцем хоть бы и самого высокого происхождения? Неужели я согласился бы ехать в карете спиной к лошадям, когда по слабости здоровья такой способ передвижения мне особенно неприятен, – и все потому, что на дверцах кареты имеется герб с тремя червлеными львами на золотом поле, увенчанный короной? Нет. Я никому не уступлю в преданности нашим установлениям; но высказывать вернопод-

даннические чувства и чтить корону предпочитаю de loin¹⁶. Ведь, что ни говорите, в положении лакея всегда есть что-то смехотворное и низменное. В опрятной, проворной, неприятельной Филлис, которая накрывает ваш стол и чистит ваши ковры, в обычном слуге, который чистит ваши сапоги и стоит за вашим стулом в привычном для него плохо сшитом черном костюме, нет ничего нелепого и неуместного; но когда вам встретится разряженный лакей в галунах, плюше и aiguillettes¹⁷, с букетом, каких никто не носит, в пудренном парике, каких никто не носит, в раззолоченной треуголке, годной только для обезьяны, – то, по-моему, здравомыслящий человек не может сдержать усмешки перед этой глупой, уродливой, ненужной, постыдной карикатурой на человека, созданной снобом для того, чтобы она поклонялась ему, стояла на запятках его кареты, показывая сверхъестественные ляжки, носила в церковь его молитвенник в бархатном мешочке, с торжественным поклоном подавала ему треугольные записочки на серебряном подносе и т. д. Повторяю, есть нечто постыдное и бессмысленное в лакее Джоне, каким мы его видим сегодня. Мы не можем быть людьми и братьями до тех пор, пока этого беднягу заставляют ломаться перед нами в его теперешнем виде, пока этот несчастный не поймет, как оскорбительно для него такое смехотворное великолепие. Эта реформа необходима. Мы отменили раб-

---

¹⁶ Издали (франц.).

¹⁷ Аксельбантах (франц.).

ство негров. Теперь нужно *освободить Джона от плюша*. И я надеюсь, что лакеи будущего с благодарностью помянут «Панч»; и если для него не найдется ниши в Вестминстерском аббатстве, рядом с Уильямом Уилберфорсом, то по меньшей мере следовало бы поставить ему статую в лакейской, там, где собираются слуги.

А если Джон кажется смешным, то разве не смешон лорд Оловянного жезла и смотритель Мусорной корзины? Если бедняга Джон в невыразимых желтого плюша, болтающийся на запятках кареты ее светлости или прохаживающийся перед дворцом, пока его хозяйка расправляет свой шлейф в Приемной зале, является предметом глубочайшего презрения, образцом самого уморительного великолепия, одной из самых бессмысленных и нелепых живых карикатур нашего века, то разве намного отстал от него лорд Питер, носитель Оловянного жезла? И неужели вы думаете, уважаемый, что публика будет терпеть такого рода явления еще много столетий? Как вы думаете, сколько времени еще проживут «Придворные известия» и те старомодно-мишурные, унижительные церемонии, которые в них описываются? Когда я вижу отряд лейб-гвардейцев в алых мундирах с золотым галуном; кучку торгашей, переряженных солдатами и именующих себя «королевскими телохранителями» и мало ли как еще; директора театра (хотя это, надо признать, бывает довольно редко) в шутовской одежде, который ухмыляется перед королем, держа пару свечей, пятится задом, и шпага путает-

ся у него в кривых ногах; группу важных дворцовых лакеев, которые расталкивают толпу, надменно расчищая дорогу, – разве я благоговею перед этой величественной церемонией? Разве она должна внушать почтение? В ней не больше правды, чем в вытянутых физиономиях плакальщиц на похоронах, – скажем, не больше искренности, чем в скорби лорда Джорджа Бентинка о Каннинге. Почему всех нас так насмешила картинка в последнем номере нашего журнала (она одна стоит целого тома): «Панч» преподносит Десятый том ее величеству Королеве»? Потому что в ней бесподобно осмеляно готическое искусство и самая церемония, ее нелепость и чопорность; дешевые потуги на благолепие; громоздкая, смехотворная, бессмысленная роскошь. Так вот: подлинные празднества вряд ли менее нелепы; булава и парик Канцлера почти так же устарели и утратили всякий смысл, как и шутовской колпак с погремушкой. Чего ради всякий Канцлер, всякий режиссер, всякий лорд Оловянного жезла, всякий Джон-лакей должны облачаться в маскарадный костюм и носить какой-то значок? Епископа Лондонского, высокопреподобного Чарльза Джеймса, я уважаю ничуть не меньше сейчас, когда он перестал носить парик, чем в то время, когда он его носил. Я бы верил в его искреннюю набожность даже и в том случае, если бы Джон-лакей в пурпурном одеянии (похожий на кардинала в отставке) не носил за ним мешочек с молитвенником в королевскую капеллу; и думаю, что королевская фамилия не пострадала бы и верность подданных не

ослабела бы, ежели бы расплавили все жезлы – золотые, серебряные и оловянные, а все grandes charges à la Cour¹⁸ – звания хранительниц Королевской пудры, и деревянных башмаков, и т. п., – отменили бы in saecula saeculorum.¹⁹

И я готов держать пари, что к тому времени, когда «Панч» выпустит свой восьмидесятый том, все церемонии, о которых мы здесь говорили, перестанут существовать так же, как и хлебные законы, и народ благословит «Панч» и Пиля за отмену и того и другого.

---

¹⁸ Высокие придворные должности (*франц.*).

¹⁹ На веки вечные (*лат.*).

Глава XIX

Снобы-виги

Мы не знаем, мы слишком скромны, чтобы рассчитывать наперед (всякий, кто посылает статьи в журнал мистера Панча, скромн), какое именно действие возымеют наши труды и какое влияние они могут оказать на общество и на весь мир.

Два случая, имевших место на прошлой неделе, весьма кстати подкрепляют изложенное выше мнение. Мой любезный друг и собрат по перу Джонс (я буду называть его Джонсом, хотя его фамилия – одна из самых известных в нашей империи) написал статью под заглавием «Черный понедельник», в которой беспристрастно излагались претензии вигов на власть, а их божественное право управлять государством подвергалось сомнению. Джонс пользовался доводом: «sic vos non vobis»²⁰. Виги не летают в полях от цветка к цветку, как трудолюбивая пчелка, но завладевают и ульями и медом. Виги не выют гнезд, как пернатые певцы роц, но забирают себе гнезда и яйца, которые там находятся. Они великодушно пожинают то, что посеял народ, и совершенно довольны своей деятельностью и полагают, что страна должна любить их и бесконечно ими восхищаться за то, что они благосклонно пользуются ее трудами.

---

²⁰ Так вы (трудитесь), но не для себя (*лат.*).

Джонс рассуждает так. «Вы позволяете Кобдену проделать всю работу, – говорит он, – а когда он ее сделает, вы спокойно присваиваете результат себе, а ему предлагаете пятнадцатого разряда место в вашей высокой корпорации». Джонс имел в виду первую, неудавшуюся попытку вигов прийти к власти в прошлом году, когда они действительно предлагали Ричарду Кобдену какую-то должность немногим лучше рассыльного на Даунинг-стрит и даже милостиво осведомлялись, не привлекают ли его такие официальные обязанности, как носить за лордом Томом Нодди его красную шкатулку.

Что произошло на прошлой неделе, когда Пиль примкнул к сторонникам свободы торговли и, смиренно отказавшись от своего поста и вознаграждения, нагим удалился в частную жизнь? Джон Рассел и компания явились, чтобы облечься в те одежды, которые, по словам этого знаменитого английского джентльмена, члена парламента от Шрусбери, достойного баронета, были «переданы» вигам, а по словам Джонса и любого из сотрудников «Панча», сами виги совлекли их с Ричарда Кобдена, Чарльза Вильерса, Джона Брайта и других, – что произошло, повторяю я? «Посмеете ли вы выступить вперед, о Виги?» – воскликнул Джонс. «О снобы-виги, – взываю я от всего сердца, – отодвинуть Ричарда Кобдена с товарищами в задние ряды и притязать на победу, которая была одержана иными, лучшими шпагами, чем ваши жалкие, никчемные придворные шпажонки! Вы хотите сказать, что править должны *вы*, а с Кобденом нечего счи-

таться?»

Вот почему вышло, что на состязании в Шрусбери, самом серьезном из всех, в каких до сих пор участвовал мистер Б. Дизраэли, выступил вперед некий Фальстаф и заявил, что это он уложил Готспера, тогда как на самом деле его самого пронзил мечом благородный Гарри. Вот почему во Франции изящные представители народа были только зрителями, когда Гош и Бонапарт одерживали победы для Республики.

Какие последствия возымел протест «Панча»? *Виги предложили Ричарду Кобдену пост в кабинете.* Как член правительства «Панча» я должен сказать с гордостью, что никогда еще никто не делал более лестного комплимента нашему законодательному органу.

А теперь перейдем к моей собственной попытке потрудиться на благо родины. Те, кто помнит заметки о снобах-политиках за прошлую неделю, должны вспомнить и уподобление, к которому нам поневоле пришлось прибегнуть: уподобление британского лакея придворному лакею – чиновному снобу Дворцового ведомства. Бедного Джона в его треуголке и плюшевых штанах, в галунах и аксельбантах, вместе с его треуголкой, пудренным париком с косичкой, с нелепым букетом на груди мы сравнивали с лордом – хранителем Помойного ведра, с лордом – главным смотрителем кладовой, и невольно на ум приходило изречение: «Разве я не человек и не брат твой?»

Следствием этой изящной и незлобивой сатиры явилась

заметка в субботнем номере «Таймса» за 4 июля:

«По нашим сведениям, посты в Дворцовом ведомстве были предложены его светлости герцогу Стилтону и его светлости герцогу Даблглостеру. Их милости отклонили предложенную им честь, однако высказали намерение оказывать поддержку новому правительству».

Мог ли писатель-публицист добиться большего успеха? Я ничуть не сомневаюсь, что оба герцога, прочитав последний очерк о снобах и подумав над ним, дали понять, что не намерены носить никакую ливрею, хотя бы и королевскую, что не примут никакого поста, даже самого высокого, но удовольствуются скромной независимостью и попытаются жить прилично на свои пятьсот или тысячу фунтов *per diem*²¹. Если «Панч» мог осуществить такую реформу за одну неделю – если он заставил великую партию вигов признать, что в конце концов есть в этом грешном мире люди не хуже их, нет, даже лучше, если он мог доказать великим магнатам-вигам, что рабство им не к лицу – даже рабство у величайшего князя из самого маленького и самого прославленного в Германии княжества, – значит, нам незачем продолжать нашу статью о снобах-вигам. Эта статья уже написана.

Быть может, эта порода уже вымерла (или близка к вымиранию) вместе с ее потомством – хилыми философами, денди-патриотами, просвещенными филантропами и легковверными оптимистами, верующими в традиции палаты общин.

---

²¹ В день (*лат.*).

Быть может, милорд или сэр Томас соизволят из своих парков и замков выпустить для городов и селений манифесты, в которых скажут: «Мы считаем правильным, чтобы интересы народа выражали его представители. Мы думаем, что их жалобы имеют основания, и мы, в нашей бесконечной мудрости, становимся во главе их, чтобы одержать победу над ториями, нашими общими врагами», – быть может, повторяю, эти великолепные виги поняли наконец, что без солдат офицеры-добровольцы малополезны, как бы ни были они разукрашены галунами, и что без лестницы даже самому властолюбивому вигу не забраться наверх; что народ, короче говоря, любит вигов не больше, чем династию Стюартов, или Союз семи королевств, или Джорджа Каннинга, который скончался несколькими столетиями позже, – не больше, чем всякую пережившую себя традицию. Виги? Чарльз Фокс в свое время был великим человеком, хороши были и лучники при Азенкуре с их большими луками. Но порох лучше. Мир не стоит на месте. Мощный поток времени стремится вперед; и как раз сейчас всего несколько жалких вигилят вертятся и толкаются на поверхности этого потока.

Любезный друг, близко время, когда им придется потонуть, и они потонут, уйдут к мертвецам, и какая нужда нам гуманничать и вытаскивать этих жалких утопленников?

А потому нет смысла писать статью о снобах-вигах!

Глава XX

Снобы-консерваторы, или снобы-аграрии

Среди всех придворных короля Карла не было более рыцарственного и преданного консерватора, чем сэр Джеффри Хадсон, который, будучи немногим побольше щенка, отличался храбростью самого крупного льва и всегда был готов сразиться с противником любого роста. Такой же доблестью и неустрашимостью славился гидальго Дон-Кихот Ламанчский, который, опустив копье, испускал воинственный клич и галопом налетал на ветряную мельницу, ежели ему случилось принять ее за великана или другую нечисть; и хотя никто никогда не называл его здравомыслящим, однако всеми признана его храбрость и верность, кротость его нрава и чистота намерений.

Все мы сочувственно и мягко относимся к людям, поврежденным в уме, к смешным беднякам-карликам, взявшимся за подвиг выше своих сил, ко всем несчастным слепым идиотам, воображившим себя героями, полководцами, императорами и победителями, когда им остался всего один шаг до смиренной рубашки и их уже небезопасно оставлять на свободе.

Что же касается снобов-политиков, то чем более я раз-

мышляю о них, тем более проникаюсь этим чувством сострадания, и ежели бы все статьи о снобах могли быть написаны в одном тоне, то у нас, вместо ряда живых и шуточных очерков, получился бы сборник, от которого прослезились бы даже гробовщики, примерно такой же веселый, как «Тюремные мысли» доктора Додда или «Суровый призыв» доктора Лоу. Думаю, мы не можем позволить себе насмеяться над снобами-политиками и презирать их – можем только жалеть их. Возьмем Пиля. Если существовал когда-либо политик-сноб, – мастер лицемерия и общих мест, ханжа и пустозвон, – то, видит бог, он-то и был этим снобом. Но он раскаивается и, похоже, спасет свою душу: он становится на колени и кается в своих грехах так смиренно, что мы сразу таем. Мы принимаем его в объятия и говорим:

«Бобби, дружище, забудем о прошлом: раскаяться никогда не поздно. Идите к нам, только не приводите больше латинских цитат, не пойте про собственную добродетель и последовательность, не заимствуйте чужого платья». Мы его принимаем и защищаем от снобов, бывших его соратников, которые режут за дверями, и в объятиях Джуди ему так же покойно, как на руках у родной матушки.

А еще есть виги. Они наслаждаются властью, они получили то, чего страстно желали, – то владение на Даунинг-стрит, которое, если кое-кого из них послушать, предназначено им свыше. Что ж, теперь они там водворились и, надо отдать им справедливость, ведут себя довольно кротко. Они одевают

своими милостями не только протестантов, но и католиков. Они не говорят: «Ирландцам вход воспрещается», – и даже оживляют кабинет министров порядочной дозой ирландского акцента. Лорд Джон выступает перед избирателями смиренно и сокрушенно, как бы говоря: «Джентльмены! Хотя виги стоят высоко, но есть, в конце концов, нечто гораздо выше, я имею в виду Народ, слугами коего мы имеем честь быть и о благоденствии коего мы обещаем ревностно печется». При таких условиях кто может сердиться на снобов-вигов? Разве только какой-нибудь человеконенавистник, никогда не пробовавший и капли благодного млека.

Наконец, есть снобы-консерваторы, или, как эти бедняги нынче себя именуют, снобы-аграрии. Кто же может на них сердиться? Разве может кто-нибудь считать Дон-Кихота вменяемым или тревожиться поведением Джеффри Хадсона, когда он хватается за оружие и грозитя проткнуть вас насквозь?

На прошлой неделе я ездил (чтобы обдумать на свободе и на свежем воздухе интересующий нас важный вопрос о снобах) в уединенное место, именуемое отелем «Графальгар» в Гринвиче, и там, потревоженный нашествием множества мужчин весьма здоровой наружности, с красными лицами и в прекраснейшем белье, я спросил слугу Августа Фредерика, что это за воинство явилось сюда истреблять снетков?

– Разве вы не знаете, сэр? – ответил тот. – Это же партия аграриев.

Так оно и было. Настоящие, истинные, непреклонные, никогда не сдающиеся аристократы, почвенники, наши старинные-старинные вожди, наши Пантагенеты, наши Сомерсеты, наши Дизраэли, наши Хадсоны и наши Стэнли. Они были в полном составе и для новой борьбы, взяли в лидеры Джеффри Стэнли, этого «Руперта дебатов», и водрузили свое знамя с девизом «Не сдадимся» на Сметковом холме.

Пока с нами Кромвель и «железнобокие», честные аграрии всегда вольны оставаться при Руперте и кавалерах. Кроме того, разве член парламента от Понтефракта не перешел к нам? И разве не пошло прахом их «доброе старое дело» теперь, когда он от этого дела отошел?

Итак, мое сердце питало к ним отнюдь не злобу, а лишь самые нежные чувства, я благословлял их, когда они по двое и по трое входили в столовую, когда со сверхъестественной мрачностью вручали шляпы лакеям и без промедления принимались строить заговоры. Достойные, рыцарственные, заблудшие Снобы, – говорил я про себя, – идите и требуйте своих прав над чашей минеральной воды; вооруженные серебряными вилками и рыцарским духом Англии, пригвоздите к земле презренных мануфактурщиков, которые хотят отнять у вас ваши наследственные права. Долой всех прядильщиков хлопка! Георгий-победоносец за аграриев! Выручай, Джеффри!

Я уважаю заблуждения этих бедняг. Как! Отменить отмену хлебных законов? Вернуть нас ко временам добрых ста-

рых ториев? Нет, нет. Шалтай-Болтай свалился в грязь, и вся королевская рать не может Шалтая-Болтая поднять.

Пускай эти честные простаки вопят: «Не сдадимся!» – мы только посмеемся, ибо победа за нами, и выслушаем их без гнева. Мы знаем, что значит «не сдадимся» и значило в любое время за последние пятнадцать лет. «В природе этого народного bellua²², – поясняет доброе старое «Куортерли ревью» с обычным для него тактом и присущим ему изящным слогом, – вечная ненасытность, а кроме того, прожорливость и наглость, возрастающие с каждым глотком». Мало-помалу, день за днем, со времен Билля о Реформе, бедняги, чьим рупором служит старое «Куортерли», вынуждены были подкармливать народное bellua, что известно каждому, кто читает данный орган. «Не сдадимся!» – рычит «Куортерли», но Чудовище требует закона о правах католиков, глотает его и все не сыто, требует закона о Реформе, закона об акционерных обществах, закона о свободе торговли, – Чудовище заглатывает все. О, ужас из ужасов! О, бедное, сбитое с толку, старое «Куортерли»! О, миссис Гэмп! О, миссис Гаррис! Уже все пропало, но вы по-прежнему кричите: «Не сдадимся!» – а Чудовище и сейчас не сыто и кончит тем, что проглотит и партию консерваторов.

Так станем ли мы гневаться на несчастную жертву? Случалось ли вам видеть, как bellua, именуемое кошкой, играет с мышью? «Не сдадимся!» – пищит длиннохвостая бедняжка,

---

²² Чудовища (лат.).

мечась из угла в угол. Чудовище приближается, добродушно треплет ее лапкой по плечу, игриво подбрасывает ее и – в положенное время съедает.

Братья мои, английские снобы! Вот почему мы так легко прощаем сноба-консерватора и сноба-агрария.

Глава XXI

Существуют ли снобы-виги?

К счастью, эта глава будет очень коротенькой. Я не собираюсь задавать нескромные вопросы правительству, наподобие Томаса Финсберийского, или как бы то ни было противодействовать успехам Великой либеральной администрации.

Самое лучшее, что мы можем сделать, – это совсем не задавать вопросов, но доверять вигам безоговорочно, полагаясь на их недостижимую мудрость. Они умней нас. Благое провидение предрешило, что они будут нами править, и наделило их всеобъемлющими познаниями. Другие люди меняют свои убеждения, они же – никогда. Например, Пиль признает, что его убеждения относительно хлебных законов в корне изменились, а у вигов они остались неизменными; виги всегда исповедовали свободу торговли, всегда были мудрыми и совершенными. Мы этого не знали; но это правда, так говорит лорд Джон. А великие вожди вигов, обращаясь к своим избирателям, поздравляют сами себя и весь свет с тем, что Свобода торговли стала законом Империи, и благодарят бога за то, что он создал вигов, которые могут объявить эту великую истину всему миру. Свобода торговли! Господь с вами, ведь это виги изобрели свободу торговли да и вообще все, что было когда-либо изобретено. Настанет

день, когда ирландская церковь уйдет в небытие; когда, быть может, англиканская церковь последует ее примеру; когда за съемщиками квартир признают право голоса; когда просвещение станет действительно народным; когда даже пять пунктов Томаса Финсберийского станут видимы невооруженным глазом, – и тогда вы поймете, что виги всегда стояли за право голоса для квартиронанимателей, – что это они изобрели народное просвещение, что именно они разрешили церковный вопрос и что это они выдумали те пять пунктов, которые пытался приписать себе Фергус О’Коннор. Там, где налицо Совершенство, нет места Снобизму. Виги знали и делали – знают и делают – всегда будут знать и делать – решительно все.

И опять-таки у вас нет никакого основания думать, будто среди них так уж много снобов. Ведь их и самих очень мало. Автор книжки об английской аристократии, который именуется Гэмпденом-младшим (и похож на Джона Гэмпдена, как «Панч» на Аполлона Бельведерского), перечисляет множество профессий, называя имена англичан, кои в них преуспели; он утверждает, что аристократия не дала миру ни хороших жестянщиков, ни адвокатов, ни художников, ни богословов, ни канатоходцев, ни представителей иных специальностей, тогда как *из народа* вышло множество людей, отличившихся в названных выше профессиях. Из этого следует, что аристократия – низшая раса, а народ – высшая. Это довольно жестоко со стороны Гэмпдена-младшего, да и

довод против бесчестной и слабоумной аристократии не совсем справедливый, ибо всякому ясно, что лорд не может играть на скрипке или писать картины без природного таланта и без практики, что люди выбирают себе профессию хлеба ради, а если у них имеются большие или хотя бы достаточные средства к жизни, то они обычно предпочитают праздность. Лже-Гэмпден, мне кажется, упустил из виду, что аристократам просто нет нужды приобретать вышеназванные профессии; а главное, он забывает сказать, что народ относится к знати, как сорок тысяч к одному, и, следовательно, последняя вряд ли может дать столько выдающихся людей, сколько их можно найти в народной среде.

Точно так же (я признаю, что вышеприведенный пример слишком длинен, но в труде о Снобах надо уделить слово и снобу-радикалу, как и всякому другому) едва ли среди виггов найдется много снобов: ведь среди людей так мало виггов.

Я считаю, что настоящих, живых виггов на свете не больше сотни – из них человек двадцать пять занимают посты, остальные готовы их занять. Нельзя и ожидать, что в таком малочисленном обществе много снобов того сорта, какой мы ищем. Как редко можно встретить настоящего, общепризнанного вигга! Знаете ли вы хоть одного? Знаете ли вы, что значит быть виггом? Я могу понять человека, если он озабочен тем или иным мероприятием, если он желает, чтобы отменили пошлины на сахар, или на хлеб, или чтобы не урезали в правах евреев, да мало ли еще чего; но в таком случае,

если Пиль займется этим делом и избавит меня от забот, он меня устраивает не хуже, чем всякий другой, как бы его ни звали. Я желаю, чтобы в моем доме был порядок, чтобы в комнате у меня было чисто, и не все ли мне равно, какую возьмут щетку и совок для мусора.

Чтобы быть вигом, надо быть реформатором – более или менее, это уж как вам угодно, – но и кое-чем сверх того. Надо уверовать не только в то, что хлебные законы следует отменить, но и в то, что виги должны быть у власти; не только в то, что Ирландию надо усмирить, но и в то, что виги должны быть на Даунинг-стрит. Если народ непременно хочет реформ, что ж, разумеется, тут уж ничего не поделаешь, но помните, что реформы эти должны считаться заслугой вигов. Я верю, что весь мир принадлежит вигам и все, что от них исходит, есть благо. На днях, когда лорд Джон благословлял народ в ратуше и рассказывал всем нам, как виги добились для нас хлебного закона, – честное слово, мы, кажется, оба этому верили. Не Кобден и Вильерс с народом этого добились, а именно виги каким-то образом пожаловали нам это благо.

Они – высшие существа, от этого никуда не уйдешь. То, что Томас из Финсбери кощунственно назвал «лукавством вигов», существует – и побивает все прочие виды лукавства. Сам я не виг (быть может, нет надобности это говорить, не говорю же я, что я не король Пиппин в золотой карете, не король Хадсон и не мисс Бердетт-Кутс), я не виг, но ах, как

бы мне хотелось быть вигом!

Глава XXII

Снобы-штатские

Не может быть ничего более отвратительного и более свирепого, чем мракобесие, недоброжелательная надменность и трусливое злопыхательство, проявляемые штафирками общественной печати и сонмами штатских снобов во всей стране против самого излюбленного среди наших институтов: против того института, за здравие которого на всех общественных обедах пьют сразу же после тоста за церковь, – против Британской Армии. Я сам, в то время, когда я писал мой скромный труд о военных снобах, – побуждаемый к этому единственно сознанием долга, – трактовал свой предмет с любовью и самой изысканной учтивостью, которые, как мне было дано понять, встретили одобрение и восторг в военных клубах, офицерских собраниях и прочих местах, где бывает много военных. Но можно ли было предположить, что критика зайдет так далеко, как за последние десять дней; что всякий невежда-кокни осмелится судить вкривь и вкось; что штатские в гостиницах и клубах станут возмущаться; что патриоты-бакалейщики и торговцы мануфактурой отважатся протестовать; что даже несведущие в политике женщины и матери семейств, вместо того чтобы разливать за завтраком чай и раздавать бутерброды, станут читать газеты, – да-да,

честное слово, – и тоже поднимут визг, с ужасом узнав о телесных наказаниях в Хаунслоу, – предположить, повторяю, что Общество наделает столько шума, как за эти последние две недели, и что, может быть, за каждым столом в Англии поднимется негодующий крик, – это уж слишком, дерзость снобов-штатских зашла чересчур далеко, и следует немедленно положить этому конец. Я решительно против штафирок и после беседы с мистером Панчем уполномочен заявить, что сей джентльмен разделяет мое убеждение: *армия нуждается в защите*.

Если сноб-штатский возражает против армейских наказаний, продвижений, покупки чинов и прочего, всегда следует давать ему один и тот же ответ: он ничего в этом не смыслит. Какого черта беретесь вы, штафирка, рассуждать об армии, когда не можете отличить кремневое ружье от фузеи?

Такие доводы, как мне приходилось видеть, с большим успехом приводились в военных газетах, и я вполне согласен, что доводы эти прекрасны и неопровержимы. Чтобы человек мог судить о таком сложном предмете, как армия, требуется особого рода талант, основательная подготовка и специальное военное образование; а этим, как всякому ясно, могут похвастаться лишь очень немногие из штатских. Но каждый, кто имел счастье познакомиться с гвардейским прапорщиком Григом, с капитаном Фэмишем из полка Пегих Готтентотов и еще с сотней молодых джентльменов той же профессии, должен признать, что под началом таких людей,

как они, армии не грозит никакая опасность. Воспитание у них блестящее, время они проводят в тяжелых воинских трудах; беседы в полковых собраниях, как всем известно, ведутся философские, а занятия офицеров носят строго научный характер. Если люди с таким жаром стремятся приобретать знания в юности, то какими же мудрецами они должны сделаться в старости? К тому времени как Грига произведут в полковники (а уж, конечно, в гвардейских полках знаний набираются куда быстрее, и молодой ветеран может стать полковником лет в двадцать пять) и Фэмиш достигнет того же чина – они более чем кто-либо будут способны руководить армией, и может ли какой-то штатский знать об армии столько, сколько знают они? И мнения таких людей смеют оспаривать штатские! Я не могу представить себе ничего более опасного, более дерзкого, одним словом, более снобистского, чем такая оппозиция.

Когда такие люди и даже самые высшие авторитеты в армии держатся того мнения, что британского солдата нужно драть плетью, то со стороны штатских просто нелепо вмешиваться. Разве вы можете знать об армии и о нуждах солдата столько, сколько знает фельдмаршал герцог Веллингтон? Если великий полководец нашего времени считает порку одной из потребностей армии, какое вы имеете право возражать? Порют-то ведь не вас. Вы – штатский. Драть своих ближних как собак, быть может, противно вашим представлениям о приличиях, нравственности и справедливости;

подвергать христиан грубым, диким, унижительным и малодейственным наказаниям, быть может, кажется вам возмутительным; но нелепо думать, что великий полководец нашего времени позволил бы подвергать солдат таким наказаниям, если б можно было обойтись без этого. Одно слово наших военачальников – и плеть-девятихвостка сможет занять свое место в Тауэре как историческое орудие пытки вместе с колодками и тисками времен Испанской Армады. Но, скажете вы, великий полководец *своего* времени герцог Альба, весьма возможно, считал тиски и колодки таким же необходимым орудием для поддержания дисциплины, каким в наше время считается плеть. Штатский, не суйся в дела, которые недоступны твоему пониманию. Уважай воинский устав и запомни, что большинство офицеров Британской Армии, от его светлости герцога Веллингтона до прапорщика Грига, убеждены, что без плетей обойтись невозможно. Не следует думать, что все они жестоки. Говорят, что когда этого несчастного в Хаунслоу прикрутили к лестнице и унтер-офицеры занесли над ним плети, не только солдатам, но и офицерам становилось дурно до обморока от этого отвратительного зрелища. Мне говорили, что, присутствуя при телесных наказаниях, солдаты каждый раз падают в обморок. Само естество протестует и обмороком словно восстает против этой омерзительной пытки. Естество – да! Но военная служба отнюдь не естественное для человека занятие. Это нечто совершенно чуждое нормальной жизни.

ни. Муштра – красные мундиры, все одного покроя, с одинаковым количеством пуговиц – сечение кошками – маршировка всегда одной и той же ногой вперед, – все это неестественно: если вы дадите человеку штык, то для него отнюдь не естественно воткнуть этот штык в брюхо французу; очень немногие по собственной воле наденут вместо шляпы такую шапку, какую полковник Уайт и его однополчане носят каждый день; меховую муфту с болтающимся сзади красным шерстяным мешком и кисточкой для бритвы, торчащей спереди в виде украшения. Вся эта система есть нечто вопиющее – искусственное. Штатскому, который живет вне этой системы, ее не понять. Это не то, что другие профессии, где требуется ум. Человек, отстоящий всего на один градус от идиотизма, у которого едва хватает мозгов на то, чтобы проявить врожденную злобность или выносливость, может стать отличным солдатом. Мальчишку могут поставить над ветераном: это мы видим каждый день. Какой-нибудь юнец за несколько тысяч фунтов может купить себе право командовать людьми, чего самый опытный и образованный военный иногда не может добиться. Посмотрите, как прапорщик Григ, только что со школьной скамьи, небрежно отвечает старому солдату огромного роста, гладиатору двадцати пяти кампаний, когда тот отдает ему честь. И если положение офицера неестественно и ненормально, то что же сказать о солдатах! Между прапорщиком Григом и великаном-гладиатором такая же разница в социальном положении, как меж-

ду командой каторжников, работающих на барже, и надзирателями, которые их стерегут. Сотни тысяч людей едят, маршируют, спят, их гоняют целыми партиями туда и сюда по всему свету – а Григ и ему подобные едут рядом и надзирают над ними; им дают команду наступать или отступать, и они выполняют приказ; им велят раздеться, – и они раздеваются; велят драть кого-то плетьюми, и они дерут; приказывают убивать или быть убитыми, и они повинуются – ради пищи, одежды и двух пенсов в день на пиво и табак. И ничего больше: ни надежды, ни цели в жизни, ни покоя в старости, – ничего, кроме богадельни в Челси. Многие ли из этих людей избавляются от своего рабства и во время войны, когда их труд всего нужнее и всего лучше оплачивается! Между солдатом и офицером образовалась такая пропасть, что перебраться через нее можно разве чудом. Когда Мехмет Али приказал уничтожить всех мамелюков, спасся только один; с тем же вероятием может случайно пробиться в офицеры один из рядовых, но это будет феномен. Нет, такой институт – загадка, на которую всем штатским, должно быть, лучше взирать с молчаливым изумлением, предоставив руководство им военачальникам-профессионалам. Их забота о подчиненных, несомненно, направлена к добру, и благодарность этих последних должна быть соответственно велика. Когда молодой поручик четвертого драгунского полка спьяну рубанул своего старшину саблей, ему сделали внушение и отправили заниматься своим делом по-прежнему; и, несо-

мненно, он прекрасно выполняет свой долг. Когда рядовой спьяну ударил своего капрала, его отодрали плетьюми, а после плетей он умер. Надо же где-то провести границу, а не то смотрите, как бы великому полководцу нашего времени не пришлось простить беднягу рядового, точно так же, как он простил дворянина-преступника. Надо, чтобы существовали какие-то различия, какие-то тайны выше понимания штатских, и этот очерк написан как предостережение всем штатским, чтобы они не вмешивались в дело, которое совершенно их не касается.

Однако, заявляет мистер Панч, необходимо сказать несколько слов другим великим полководцам и фельдмаршалам, кроме вошедшего в историю победителя при Ассайе, Виттории и Ватерлоо. У нас, благодарение богу, есть фельдмаршал, чей жезл реет над полями самых бескровных из известных людям побед. У нас есть, так сказать, августейший фельдмаршал, и с ним мы желаем смиренно побеседовать.

– Ваше королевское высочество, – говорим мы, – ваше королевское высочество (коему доступно ухо главнокомандующего), излейте в это светлейшее ухо мольбу всего народа. Скажите, что мы, весь английский народ, просим и умоляем, чтобы ни один англичанин христианской веры не подвергся более адским мукам под ударами плетки-девятихвостки. Скажите, что для нас лучше было бы проиграть сражение, чем отодрать плетьюми солдата, и что отвага британца не по-

терпит урона, если его перестанут драть. И если вы, ваше королевское высочество принц Альберт, соизволите выслушать нашу петицию, то мы осмелимся сказать, что вы станете любимейшим из фельдмаршалов и окажете величайшую услугу Британскому Народу и Британской Армии – величайшую из всех, какую только оказывал какой бы то ни было фельдмаршал со времен Мальбрука.

Глава XXIII

Снобы-радикалы

Поскольку «Панч» известен своими консервативными взглядами, можно было бы думать, что все, сказанное нами о снобах-радикалах, носит печать предубеждения и фанатизма; и я было решил совсем не трогать бедных снобов-радикалов. Видит бог, их достаточно преследовали в прежние времена, когда быть радикалом значило слыть снобом и когда каждое лакейское перо пустословило насчет «немытых толп» и свысока прохаживалось насчет «грязной черни». Но за последнее время эта чернь взяла над нами верх, научилась не принимать нас всерьез и добродушно выслушивать наши милые шуточки.

В конце концов, у консерваторов нет, пожалуй, лучшего друга, чем этот ваш возмутительный и неистовый сноб-радикал. Когда человек внушает вам, что все вельможи – тираны, что все духовенство сплошь – лицемеры и лжецы, что все капиталисты – подлецы, объединившиеся в банду с целью лишить народ его законных прав, – у вас невольно возникает сочувствие к тем, кого он оскорбляет, а чувство справедливости побуждает великодушные сердца принять сторону жертв его огульных обвинений.

Например, хотя я ненавижу порку в армии как один из

самых зверских и отвратительных пережитков, оставшихся нам от недобрых времен пыток, и я лично того мнения, что солдаты наших первейших драгунских полков отнюдь не блещут умом, но все же, глядя, как Шарлатан-следователь, напялив маску патриота, обвиняет солдат в преступлениях всей нашей системы (а мы с вами так же в них повинны, как и полковник Уайт, если не полагаем все силы на то, чтобы эту систему изменить), я оказываюсь на стороне обвиняемых и восстаю против Шарлатана. Вчера какой-то газетчик орал под моими окнами о судебном процессе в Хаунслоу и о «подлом тиранстве зверя и скота полковника – за все вместе полпенни». Как по-вашему, кто это был такой: патриот-радикал или сноб-радикал? И чего он добивался: отмены порки или денег?

Почему сэръ Роберт Пиль стал таким популярным в нашей стране за последние годы? Не сомневаюсь, что этого не случилось бы, если б не нападки некоторых джентльменов в палате общин. Теперь они бросили нападать на Пиля, и мы почему-то перестаем его любить. Да что там, когда он на прошлой неделе произнес речь против безнравственности лотерей и зловредности художественных союзов, кое-кто из его любезных друзей сказал: «Видно, он все такой же охотник до надувательства и высокопарного лицемерия!»

Вот для чего созданы снобы-радикалы, да и все вообще снобы-политики – для того, чтобы честные люди принимали сторону обвиненных; и мне часто приходит в голову, что

если мир и дальше пойдет тем же путем, – если народ преодолеет все препятствия, аристократия постоянно будет терпеть поражение после некоторого постыдного подобия борьбы, церковь сойдет с позиций, революция восторжествует и (как знать) даже трон поколеблется, – мне часто приходит в голову, что наш старый «Панч», как обычно, окажется в оппозиции и вместе с бедной старухой Гэмп и миссис Гаррис будет оплакивать доброе старое время и сетовать на пришествие радикализма.

Быть может, самым опасным типом сноба-радикала, какой только можно найти во всех трех королевствах, является разновидность снобов, именуемая «Молодой Ирландией», за последние две недели наделавшая много шума и в последние годы завоевавшая много симпатий в Англии.

Не знаю, чем нам так понравилась эта порода: разве только тем, что кропала премилые стишки, убивала саксонцев звучными ямбами и каким-то образом заслужила репутацию необыкновенной честности, в противовес старику О’Коннеллу, которому предубежденные англичане отказывают в этом бесполезном свойстве. Мы тут любим чудаков, да и вкус у нас, быть может, не строго классический. Нам нравится мальчик-с-пальчик; нам нравятся янки-певцы; нам нравятся американские индейцы – и ирландские вопли нам тоже нравятся. «Молодая Ирландия» довопилась у нас до значительного эффекта; и «Шон Ван Вогт», и люди 98-го года решительно пользуются у нас популярностью. Если бы О’Брайе-

ны и О'Тулы, О'Дауды, О'Уэки и Мулхолигэны сняли Сент-Джеймский театр, то военный клич Эйоды О'Найла, «Битва при Черной речке» и хор Гэллогласса могли бы собрать не много публики даже в жаркую погоду.

Но я знаю одно: если какая-нибудь партия воплотила чаяния снобов, то это сделала «Молодая Ирландия». Разве смехотворное чванство не снобизм? Разве нелепая надменность, брюзгливая раздражительность, крайняя слабость, сопровождаемая страшным хвастовством, не снобизм? Сноб боксер Тиббс или не сноб? Когда этот коротышка грозит побить Тома Криба и когда Том, ухмыляясь и расправляя свои широкие плечи, добродушно удаляется от него, надо ли считать Тиббса, который громко бранится ему вслед, снобом или же героем, каким он сам себе кажется?

Мученик без гонителей есть самый настоящий сноб; бешеный карлик, щелкающий пальцами под самым носом у миролюбивого великана, – тоже сноб; и становится злейшим и опаснейшим снобом, когда его слушают люди, еще более невежественные, чем он сам: он воспламеняет их лживыми речами, толкая на погибель. «Молодой Ирландец» жалобно вопиет, хотя никто его не трогает, размахивает алебардой над зубчатой стеной, испуская военный клич: «Бугабу!» – выкрикивая мелодраматическую чушь, он мнит себя героем и чьим-то защитником, но это всего-навсего смешной хвастунишка; однако, если найдутся люди, которые поверят его выдумкам насчет того, будто бы свободные американцы го-

товы стать под зеленое знамя Эрина и будто непобедимые батальоны Франции спешат на помощь врагам саксонцев, – тогда он становится снобом, до такой степени опасным и злобным, что «Панч», глядя на него, теряет обычную свою веселость и без каких-либо неуместных сожалений готов передать его в руки надлежащих властей.

Именно это безудержное бахвальство разожгло гнев «Панча» против мистера О’Коннела, когда тот, производя смотр своим миллионам на зеленых холмах Эрина, хвастался и выкрикивал те самые угрозы, которые сейчас понемножку вполне смиренно глотает. А жалеть «Молодых Ирландцев» за то, что они честные, за то, что они пишут такие хорошенькие стишки, за то, что они готовы взойти на эшафот ради своих убеждений, – нет, для такого рода жалости сердца у нас недостаточно мягки. Компания молодых людей может напечатать статью в защиту поджогов или доказывать пользу убийств, но уважение к собственному горлу и собственному достоянию не даст нам проникнуться жалостью к этим юным патриотам, – и «Молодых Ирландцев», с их вождями и их планами, мы любим не больше, чем Англию, возрожденную под знаменами мучеников Тислвуда и Ингза.

Глава XXIV

Еще немного об ирландских снобах

Разумеется, вы не думаете, что в Ирландии нет других снобов, кроме той милой партии, которая намерена делать пики из железнодорожных рельсов (похвальная ирландская бережливость) и резать горло саксонским захватчикам. Это ядовитое отродье: и если б их уже изобрели в то время, святой Патрик изгнал бы их из Ирландии вместе с другими опасными рептилиями.

Кто-то – не то «Четыре мастера», не то Олаф Магнус, не то О’Нил Даунт в своем «Катехизисе по истории Ирландии» – рассказывает, что когда Ричард II посетил Ирландию и ирландские вожди приветствовали его, становясь на колени, – бедные простаки! – и преклонялись, и благоговели перед английским королем и его щеголями-придворными, английские милорды и джентльмены насмеялись и издевались над своими нескладными поклонниками-ирландцами, передразнивали их говор и жестикуляцию, дергали стариков за их жалкие бороды и смеялись над нелепым покроем их одежды.

Благородный английский сноб поступает точно так же и доньше. Быть может, нет другого сноба на свете, который так несокрушимо верил бы в самого себя, и так унижал бы весь

свет, и выказывал бы такое нестерпимое, завидное и глупое презрение ко всем людям, кроме «своих», ко всем кругам, кроме своего собственного.

Какие анекдоты, должно быть, рассказывали про «ирландцев» эти молодые денди из свиты короля Ричарда, когда, возвратившись на Пэл-Мэл, раскуривали сигары перед клубом Уайта!

Ирландский снобизм проявляется не столько в гордыне, сколько в раболепии, низкопоклонстве и подражании соседям в пустыжах. Меня удивляет, что Токвиль, Бомон и специальный корреспондент «Таймс» до сих пор не объяснили ирландского снобизма, по контрасту сопоставив его с нашим, английским. Наш снобизм – это снобизм нормандских рыцарей Ричарда II, надменных, грубых, неумных и вполне в себе уверенных; их снобизм – это снобизм бедных и простодушных вождей кланов, готовых всему удивляться и перед всем преклонять колени. Они и до сих пор стоят на коленях перед английской модой, эти бедные дикари; и в самом деле, трудно не усмехнуться некоторым проявлениям их наивности.

Несколько лет назад, когда лорд-мэром Дублина был один великий оратор, он носил красную мантию и треуголку, великолепие коих восхищало его не меньше, чем кольцо в носу или стеклянные бусы на шее пленяют королеву Квошинебу. В этой одежде он делал визиты, ездил на митинги – за сотни миль в красной бархатной мантии. И если послушать, как народ кричал: «Да, милорд!» и «Нет, милорд!» – да почитать

в газетах удивительные отчеты о его деятельности, то можно поверить, что и народ, и его самого вводила в обман эта грошовая роскошь. Действительно, грошовой великолепие царит во всей Ирландии и может считаться самой характерной чертой снобизма в этой стране.

Когда миссис Мулхолигэн, супруга бакалейщика, удалившись от дел, поселяется в Кингстауне, она велит намалевать над калиткой своей виллы вывеску «Мулхолигэн-вилль» и встречает вас в дверях, которые никак не закрываются, или взирает на вас из окна без стекол, занавешенного старой нижней юбкой.

Никто не желает признаваться в том, что держит лавчонку, как бы убога и жалка она ни была. Лавочник, у которого всех запасов – одна булка да стакан леденцов, называет свою лачугу «Американская бакалея», или «Магазин колониальных товаров», или еще как-нибудь в этом роде.

Что касается гостиниц, то их в Ирландии нет: там изобилуют отели, обставленные так же роскошно, как вилла «Мулхолигэнвилль»; и опять-таки, в них не найдешь ни хозяина, ни хозяйки: хозяин занят псовой охотой, а миледи беседует в гостиной с капитаном или играет на фортепьяно.

Если у джентльмена найдется сотня фунтов в наследство детям, то все они становятся джентльменами, все держат лошадей, охотятся с гончими, чванятся и хвастают в «Фениксе» и отращивают эспаньолку, как многие настоящие аристократы.

Один из моих друзей стал художником и уехал из Ирландии, где считается, что он опозорил свою семью, избрав такую профессию. Отец его – виноторговец, а старший брат – аптекарь.

Трудно сосчитать, сколько встретишь в Лондоне и на континенте людей, у которых в Ирландии имеется хорошенькое поместье, дающее в год две с половиной тысячи дохода; а таких, у которых будет девять тысяч в год после чьей-то смерти, – еще больше. Я сам встречал столько потомков ирландских королей, что из них можно было бы сформировать целую бригаду.

А кому не приходилось встречать ирландца, который корчит из себя англичанина, забыл свою родину и старается забыть ирландский акцент или сделать его незаметным?

– Идем, пообедаем вместе, дорогой мой, – говорит О’Дауд из О’Даудстауна, – вот увидите, там будут все наши, англичане, – и это он говорит с таким ирландским акцентом, какой не часто услышишь и в Дублине. А разве вы никогда не слыхали, как супруга капитана Макмануса рассказывает про «Ивла-андию» и про имение своего папаша? Очень немногие не сталкивались в обществе с этими ирландскими феноменами, с этой грошовой роскошью.

А что вы скажете об ирландских верхах – о Замке – с поддельным королем и поддельными царедворцами, поддельной верностью трону и поддельным Гарун аль-Рашидом, который расхаживает в поддельном маскарадном одеянии, при-

творяясь любезным и щедрым? Замок – это цвет и гордость ирландского снобизма. «Придворные известия» с двумя столбцами о совершившемся крещении некоего младенца достаточно плохи, но представьте себе людей, которым нравится подделка под «Придворные известия»!

В Ирландии вранье мне кажется более возмутительным, чем во всякой другой стране. Человек показывает вам холмик и говорит, что это самая высокая гора во всей Ирландии, или некий джентльмен сообщает вам, что произошел от Брайена Бору и доходу у него три с половиной тысячи фунтов в год; или миссис Макманус описывает вам поместье своего папаши; или старик Дэн встает и говорит, что ирландские женщины красивей всех на свете, ирландские мужчины – самые храбрые, а ирландская земля – самая плодородная, – и никто никому не верит, ни рассказчик этой истории, ни слушатель – но они делают вид, будто верят, и возводят вранье в религию.

О Ирландия! О моя родина! (Ибо я не сомневаюсь, что и я тоже происхожу от Брайена Бору.) Когда же ты признаешь, что дважды два – четыре, и назовешь палку – палкой? Это самое лучшее, что ты можешь с ней сделать. Тогда снобы в Ирландии переведутся, и мы больше не услышим о «наследственном рабстве».

Глава XXV

Снобы, дающие вечера

Наша коллекция снобов за последние несколько недель носила слишком густую политическую окраску. «Покажите нам снобов в частной жизни», – восклицают милые дамы. (Передо мной лежит письмо одной прелестной корреспондентки из рыбацкого поселка Брайтхелмстон в Сассексе, а разве можно послушаться ее приказаний?) «Дорогой мистер Сноб, расскажите нам еще что-нибудь из Ваших наблюдений над снобами в обществе». Боже, храни бедняжек! Они теперь привыкли к этому слову – ненавистное, вульгарное, противное, неудобопроизносимое слово «сноб» соскальзывает с их губок как нельзя свободнее и милее. Я бы не удивился, если бы оно было в ходу и при дворе среди фрейлин. Я знаю, что оно употребляется в самом высшем обществе. А почему бы и нет! Вульгарен снобизм, но в самом слове нет ничего вульгарного. То, что мы называем снобизмом, и при ином названии все же таким и останется. Ну так вот. Сезон приближается к концу, многие сотни добрых душ, снобов и не снобов, покинули Лондон, убрано много гостеприимных ковров, шторы прикрыты листьями «Морнинг гералд», особняки, некогда населенные жизнерадостными хозяевами, ны-

не оставлены под присмотром унылой «locum tenens»²³ экономки – какой-нибудь замшелой старухи, которая, в ответ на безнадежный звон колокольчика, с минуту глядит на вас из кухни, потом не спеша отпирает парадную дверь и сообщает, что миледи уехала из города, или что «семейство в деревне» или «уехало на Рейн», и мало ли что еще, и так как сезону и званым вечерам пришел конец, то почему бы не заняться на время снобами, дающими вечера, и не рассмотреть поведение тех особей, которые на полгода уехали из столицы?

Одни из этих достойных снобов прикидываются яхтсменами и, вооружившись подзорными трубками и облачившись в бушлаты, проводят время между Шербуром и Козом; другие ютятся кое-как в Шотландии, в унылых хижинах, запасшись жестянками готового супа и герметически запаянного фрикандо, проводят дни на болотах, стреляя куропаток; третьи, после тягот сезона, отдыхают и принимают ванны в Киссингене или наблюдают за игрой в *trente et quarante*²⁴ в Гамбурге и Эмсе. Теперь, когда все они уехали, мы можем и покритиковать их. Теперь, когда нет больше званных вечеров, давайте нападём на дающих эти вечера снобов. Снобы, дающие обеды, дающие балы, дающие завтраки, дающие *conversazione*²⁵. Боже! Какой переполох поднялся бы среди них, если бы мы напали на них в разгаре сезона! Мне

---

²³ Заместительницы (*лат.*).

²⁴ Тридцать и сорок (*франц.*).

²⁵ Концерты (*итал.*).

пришлось бы завести стража для защиты от скрипачей и кондитеров, негодующих на оскорбление своих патронов. Мне и так уже говорят, что из-за некоторых дерзких и неосторожных выражений, якобы унижительных для Харли-стрит и Бейкер-стрит, в этих респектабельных кварталах упали цены на квартиры и были отданы распоряжения более не приглашать мистера Сноба на вечера. Ну вот, все они уехали, давайте же порезвимся на свободе, разгромим все и всех, словно бык в посудной лавке. Они могут и не узнать о том, что происходило в их отсутствие, а если и узнают, то не станут же сердиться целые полгода. Мы начнем снова ублажать их примерно с февраля месяца, а уж будущий год пускай сам о себе печется. Мы не станем обедать у дающих обеды снобов и ходить к снобам на балы; ни слушать концерты («мерси, мусью!» – как говорит Джимс) у снобов, а в таком случае что же помешает нам говорить правду?

Со снобизмом дающих концерты снобов можно разделаться очень скоро, так же как и с чашкой мутного чая, которую подают вам в чайной комнате, или с полужидкими остатками мороженого, которое вы глотаете среди удушающей толкотни в гостиной наверху.

Боже милостивый! Зачем только люди туда ходят? Что делается там такого, из-за чего люди толкаются в этих трех маленьких комнатках? Неужели «Черная Яма» считается таким приятным *réunion*²⁶, что в самый зной британцы стре-

---

²⁶ Собранием (франц.).

мятся воскресить ее атмосферу? После того как вас стиснули в лепешку у дверей (где вы чувствуете, что ваши ноги запутались в кружевных оборках леди Барбары Макбет, и эта изможденная и покрашенная гарпия одаряет вас взглядом, по сравнению с которым взгляд Уголино может считаться ласковым и веселым), после того как вы с трудом извлекли свой локоть, словно из подушки, из белого жилета сопящего Боба Гатлтона, чуть не доведя его до апоплексии, – вы наконец оказываетесь в гостиной и стараетесь поймать взгляд миссис Ботибол, устроительницы концерта. Попавшись ей на глаза, вам полагается улыбнуться, она тоже улыбается в четырехсотый раз за этот вечер; а если она уж очень рада вас видеть, то машет ручкой перед лицом, посылая вам, что называется, воздушный поцелуй.

Чего ради должна миссис Ботибол посылать мне поцелуй? Я ее не поцеловал бы ни за что на свете. Почему я, увидев ее, ухмыляюсь так, словно я в восторге? Разве я в восторге? Мне нет никакого дела до миссис Ботибол. Я знаю, что она обо мне думает. Я знаю, что она сказала о последнем сборнике моих стихов (слышал это от нашего общего друга). Почему же, говорю я, мы продолжаем переглядываться и делать друг другу знаки, как полоумные? Потому, что мы оба проделываем церемонии, которых требует от нас Великое общество снобов, повелениям которого все мы повинемся.

Ну вот, с обрядом узнавания покончено, мои челюсти снова приняли свойственное англичанам выражение затаенной

муки и глубочайшего уныния, а сама Ботибол улыбается и посылает воздушные поцелуи кому-то другому, кто протискивается в ту же дверь, через которую мы только что проникли. Это леди Энн Клаттербак, у которой бывают вечера по пятницам, как у Ботибол (мы ее зовем Ботти) – по средам. За ней – мисс Клементина Клаттербак, мертвенно-бледная девица в зеленом, с ярко-рыжими волосами, которая выпустила томик стихов («Смертный вопль», «Дамьен», «Костер Жанны д'Арк» и, разумеется, «Переводы с немецкого»), музыкальные дамы приветствуют друг друга, называя одна другую «дорогая леди Энн» и «дорогая моя Элиза» и ненавидя одна другую так, как только могут ненавидеть дамы, дающие вечера по средам и пятницам. С невыразимой мукой дорогая Элиза смотрит, как Энн подходит к Абу Гошу, только что приехавшему из Сирии, и улещивает и умасливает его, упрашивая бывать у нее на пятницах.

Все это время, среди тесноты и давки, среди неумолкаемой трескотни и говора, и жара от восковых свечей, и невыносимой мускусной вони, среди всего того, что бедняги-снобы, авторы модных романов, именуют «сверканием брильянтов, ароматом духов и сиянием бесчисленных ламп», – захудалого вида желтолицый иностранец в чищенных перчатках чирикает что-то едва слышное в углу под аккомпанемент другого иностранца.

– Великий Какафого, – шепчет миссис Ботибол, проходя мимо вас. – Аккомпанирует знаменитый Тумпенштрумпф,

вы знаете, пианист атамана Платова.

Послушать этих Какафого с Тумпенштрумпфом собралось человек сто – стадо тучных и тощих вдов, кое-где перемежающееся девицами; с полдюжины скучающих лордов, присмиривших и безмолвных; удивительные заморские графы с густыми бакенбардами, желтыми лицами и множеством сомнительных драгоценностей; молодые денди с тонкими талиями, открытыми шеями, самодовольными улыбками и с цветком в петлице; старые, чопорные, толстые и лысые завсегдатаи концертов, которых вы встречаете повсюду, которые не пропустят ни одного вечера, ни одного из этих восхитительных увеселений; трое львов последней поимки нынешнего сезона: путешественник Хигс, романист Бигс и Тоффи, который так выдвинулся на сахарном вопросе; капитан Флаш, которого приглашают ради хорошенькой жены, и лорд Оглби, который бывает всюду, где бывает она, – *que sais-je?*²⁷ Кто такие владельцы всех этих ярких шарфов и белых галстуков? Спросите маленького Тома Прига, который здесь, во всей славе своей; он знает всех и каждого и может рассказать историю о ком угодно; и, шествуя домой, в свою квартиру на Джермин-стрит, в шапокляке и лакированных туфлях, думает, что он первый из светских молодых людей в городе и что он провел вечер в самых изысканных развлечениях.

Вы подходите (с обычной вашей изысканной непринужденностью) к мисс Смит и заводите с ней беседу.

---

²⁷ Почему бы? (*франц.*)

– Ах, мистер Сноб! – говорит она. – Какой вы насмешник!

Вот и все, что вы от нее слышите. Если вы скажете, что погода стоит хорошая, она разразится смехом; если намекнете, что очень жарко, она заявит, что вы гадкий негодник! Тем временем миссис Ботибол улыбается новым гостям, личность у дверей выкрикивает их фамилии, бедный Какафого разливается трелями в музыкальном салоне, питая ложную надежду, что его едва слышное пение может «лансировать» его в свете. И какое же блаженство протиснуться в дверь и оказаться на улице, где дожидается около полусотни карет и где мальчишка-факельщик с никому не нужным фонарем набрасывается на каждого, кто выходит из подъезда, настаивая на том, чтобы непременно достать кеб для вашей милости.

И подумать только, что находятся люди, которые, побывав у Ботибол в среду, в пятницу поедут к леди Клаттербак!

Глава XXVI

Снобы, обедающие в гостях

В Англии снобы, дающие обеды, занимают весьма важное место в обществе, и описывать их – потрясающе трудная задача. Было время, когда сознание, что я обедал у человека в доме, не позволяло мне говорить о его недостатках, отзывать о нем дурно я считал безнравственным и нарушающим законы гостеприимства.

Но почему седло барашка должно ослепить вас, а тюрбо и соус из омаров навсегда заткнуть вам рот? С годами люди начинают яснее понимать свой долг. Меня больше не проведут куском дичи, как бы ни был он жирен; а что касается онемения из-за тюрбо под соусом, то я, разумеется, немею; хороший тон повелевает, чтобы я молчал, пока не управлюсь с этим блюдом; но не после этого: как только блюдо бывает съедено и Джон уберет тарелку, язык мой развязывается. А ваш, если у вас милая соседка – прелестное создание лет тридцати пяти, дочери которой еще не выезжают, – эти дамы самые интересные собеседницы. Что касается молоденьких мисс, то их сажают за стол для украшения, так же как ставят цветы в вазу. Их краснеющая юность и природная скромность не дают им проявлять в разговоре той легкой доверчивой откровенности, которая составляет всю прелесть бе-

седы с их милыми матушками. И не к ним, а именно к их матушкам, должен адресоваться обедающий в гостях сноб, если он хочет преуспеть в своем призвании. Предположим, вы сидите рядом с одной из этих дам: как приятно в антрактах между блюдами злословить и насчет обеда, и насчет хозяина, дающего обед! Издеваться над человеком под самым его носом гораздо пикантнее.

– Что такое сноб-амфитрион? – может вас спросить простодушный юнец, который еще не *répandu*²⁸ в светской жизни, или простака-читатель, не имеющий возможности побывать в Лондоне.

Уважаемый сэръ, я покажу вам не всех снобов-амфитрионов, ибо это невозможно, – но несколько видов. Предположим, например, что вы, человек среднего сословия, привыкший к баранине, жареной по вторникам, холодной по средам, рубленой по четвергам, человек с небольшими средствами и небольшим хозяйством, решили не жалеть этих средств и перевернуть все свое хозяйство вверх дном – и тогда вы сразу попадете в разряд снобов, дающих обеды. Предположим, вы раздобываете у кондитера несколько дешевых блюд, нанимаете вместо лакеев двух зеленщиков или выбивальщиков ковров, отпускаете честную Молли, которая прислуживает в будние дни, и украшаете стол (вместо обычного фарфора с китайским рисунком) приборами бирмингемского металла ценою в два с половиной пенса. Предположим, вы желаете

---

²⁸ Не имеет опыта (*франц.*).

те казаться богаче и знатнее, чем на самом деле, – вы сноб, дающий обеды. И я дрожу при мысли о том, что в четверг многие и многие снобы прочтут эти строки!

Тот, кто устраивает такие приемы, – увы, как мало таких, кто их не устраивает, – похож на человека, который занимает для выхода сюртук у соседа, или на даму, которая щеголяет в чужих брильянтах, – словом, на обманщика, и ему следует отвести место среди снобов.

Тот, кто выходит за пределы своего круга и приглашает к себе лордов, генералов, олдерменов и других важных господ, но скупится, принимая равных себе, есть сноб-амфитрион. Например, мой любезный друг Джек Тафтхант знает *одного* лорда, с которым познакомился на водах, – старого лорда Мамбла, беззубого, как трехмесячный младенец, бессловесного, как гробовщик, и скучного, как... но не будем вдаваться в подробности. На каждом званом обеде у Тафтханта вы видите этого унылого и беззубого старого патриция по правую руку от миссис Тафтхант: Тафтхант – сноб, дающий обеды.

Старик Ливермор, старик Сой, старик Чатни, один из директоров Ост-Индской компании, старик Катни, военный врач, и т. д. – все это общество старых чудаков, задающих друг другу обеды по очереди и обедающих только ради того, чтобы объедаться, – они тоже снобы-амфитрионы.

И мой друг, леди Макскру, которой за столом прислуживают три гренадера-лакея в галунах, а подают ей бараний

обглодок на серебре и отмеривают наперстками плохой херес и портвейн, тоже сноб-амфитрион, только другого сорта; и признаюсь, я, со своей стороны, уж лучше пообедаю у старика Ливермора или у старика Соя, чем у ее милости.

Скаредность есть снобизм. Гостеприимство напоказ есть снобизм. Чрезмерное закармливание – тоже снобизм. Охота за титулами – тоже снобизм, но я должен сказать, что есть люди, снобизм которых много хуже, чем у тех, о ком мы говорили выше: это люди, которые могут давать обеды и совсем не дают их. Человек, которому не свойственно гостеприимство, никогда не сядет рядом со мной *sub iisdem trabibus*²⁹. Пусть этот несчастный гложет свою кость в одиночестве!

Но что такое истинное гостеприимство? Увы, любезные друзья мои и братья снобы! Как редко нам все же приходится с ним встречаться! Чисты ли те мотивы, которые побуждают ваших друзей приглашать вас на обед? Вот что часто приходило мне в голову. Не нужно ли от вас что-нибудь гостеприимному хозяину? Мне, например, не свойственна подозрительность, но это факт, что, когда Хуки выпускает в свет новую книгу, он приглашает на обед всех критиков подряд; что, когда Уокер заканчивает картину к выставке, он почему-то становится чрезвычайно гостеприимным и приглашает своих друзей-журналистов на мирную котлету и бокал Силлери. Старый скряга Ханкс, который недавно умер (оставив все деньги своей домоправительнице), много лет катал-

---

²⁹ Под одной крышей (*лат.*).

ся как сыр в масле, прикинувшись, будто упомянет в завещании детей всех своих знакомых. Однако, хотя у вас, может быть, составилось свое мнение о гостеприимстве ваших друзей и хотя люди, которые приглашают вас из корыстных соображений, несомненно, снобы-амфитрионы, все же лучше не слишком вдумываться в мотивы их поступков. Не любопытствуйте насчет зубов дареного коня. В конце концов, человек не собирался оскорбить вас, приглашая к обеду.

Хотя что касается этого, то мне известны такие светские люди, которые считают себя обиженными и оскорбленными, если обед или общество приходится им не по вкусу. Есть у нас Гатлтон, который дома за обедом съедает на шиллинг говядины из съестной лавочки, но, будучи приглашен на обед, где не подают к тюрбо зеленого горошка в мае и свежих огурцов в марте, считает себя оскорбленным таким приглашением.

– Боже мой, – говорит он, – за каким чертом эти Форкеры приглашают *меня* на обед? Баранину я могу есть и дома.

Или:

– Какая дьявольская наглость со стороны Спунеров – берут готовые блюда у кондитера и воображают, что я поверю их рассказам про француза-повара!

Есть еще и Джек Пудингтон – я видел на днях этого честного малого в совершенном бешенстве из-за того, что сэръ Джон Карвер, по чистой случайности, пригласил его отобедать в той же компании, с которой Джек был накануне у пол-

ковника Крамли, а он еще не успел запастись новыми анекдотами для развлечения сотрапезников. Бедные снобы-амфитрионы! Вы не знаете, как мало благодарностей получаете вы за все свои труды и деньги! Как мы, снобы, обедающие в гостях, издеваемся над вашей стряпней, презираем ваш старый рейнвейн, не доверяем вашему шампанскому ценой в четыре шиллинга шесть пенсов, отлично знаем, что сегодняшние добавочные блюда – разогретые остатки от вчерашнего обеда, и замечаем, что некоторые блюда уносят со стола нетронутыми, чтобы их можно было подать на завтрашнем банкете. Что касается меня, то когда я вижу, как главный лакей старается незаметно *escamoter*³⁰ какое-нибудь фрикандо или бланманже, я всегда подзываю его и нарочно полосую блюдо ложкой. Такое поведение создает человеку популярность у снобов-амфитрионов. Я знаю, что один мой друг произвел невероятную сенсацию в лучшем обществе, заявив, когда ему предложили эти блюда, что ест заливное только у лорда Титтапа и что повар леди Джимини – единственный человек в Лондоне, который умеет готовить «*Filet en serpenteau*» и «*Suprême de volaille aux truffes*»³¹. Однако мой очерк уже кончен – мы вернемся к этой теме на следующей неделе.

---

³⁰ Похитить (*франц.*).

³¹ Филе змейкой; супрем из дичи с трюфелями (*франц.*).

Глава XXVII

Снобы, дающие обеда, – продолжение

Если бы мои друзья следовали распространенной в настоящее время моде, мне кажется, они должны были бы сделать мне подношение за статью о снобах-амфитрионах, которую я сейчас пишу. Что бы вы сказали о красивом и солидном обеденном сервизе (кроме тарелок, ибо я считаю серебряные тарелки чистым расточительством и уж скорее предпочел бы серебряные чайные чашки), о двух изящных чайниках, кофейнике, подносах и т. д. с кратким посвящением моей жене, миссис Сноб, и о десятке серебряных кружечек для маленьких Снобов, которые сверкали бы на их скромном столе, когда дети вкушают ежедневную баранину?

Если бы я мог действовать по-своему и мои проекты превратились бы в жизнь, то, с одной стороны, люди чаще давали бы обеда, а с другой – снобизм дающих обеда проявлялся бы реже. На мой взгляд, самый приятный раздел книги, недавно выпущенной моим уважаемым другом (если он позволит называть себя так после весьма краткого знакомства) Алексисом Суайе, Преобразователем, – те места, которые он (в своей благородной манере) именуется самыми сочными, аппетитными и элегантными, – касаются не парадных банкетов

и званых обедов, а «обедов в домашнем кругу».

Домашний обед должен стать центром всей системы дачивания обедов. Ваш обычный обед, сытный, вкусный и доведенный до совершенства, – такой вы едите сами и на такой же вам следует приглашать друзей.

Ибо к какой женщине во всем свете я питаю более уважения, чем к возлюбленной подруге моей жизни, миссис Сноб? Кто занимает больше места в моем сердце, как не ее шестеро братьев (трое или четверо из них окажут нам честь и разделят с нами обед нынче в семь часов) и ее ангельского характера матушка, моя бесценная теща? Для кого, в конце концов, желал бы я стараться и кому угождать, как не вашему покорному слуге, пишущему эти строки? Но ведь никто не думает, что извлечена на свет бирмингемская посуда, вместо опрятной горничной приглашены переодетые выбивальщики ковров, заказаны жалкие блюда у кондитера, а дети загнаны в детскую (как предполагается), на самом же деле скачиваются во время обеда с лестницы, подстерегая блюда на пути к столу, вылавливая фрикадельки из супа и шарики желе из заливного. Никто не думает, говорю я, что семейному обеду свойственна отвратительная церемонность, глупые подмены, дешевая помпа и хвастовство, которыми отличаются наши банкеты в дни парадов и смотров.

Такая мысль нелепа. Я скорее предпочел бы, чтобы моя любезная Бесси восседала напротив меня в тюрбане с райской птицей и чтобы ее пухлые ручки выставялись из блон-

довых кружев ее знаменитого атласного платья, – да, да, или чтобы мистер Тул в белом жилете ежедневно выкрикивал за моей спиной: «К порядку! Слушайте!» А если так обстоит дело, если помпезность накладного серебра и процессии переодетых лакеев кажутся противны и глупы в повседневной жизни, то почему же не всегда? Почему мы с Джонсом, люди среднего сословия, должны изменять своему образу жизни, проявляя *éclat*³², который нам не свойствен, – и принимать таким образом наших друзей, которые (если мы в душе честные люди и хоть чего-нибудь стоим) тоже принадлежат к среднему сословию, ничуть не обманываются нашим минутным блеском и разыгрывают перед нами тот же нелепый фарс, когда приглашают нас обедать?

Если приятно обедать с друзьями, – а это, я думаю, подтвердит каждый, у кого здоровый желудок и доброе сердце, – то лучше отобедать дважды, нежели единожды. Для человека с малыми средствами немислимо то и дело тратить по двадцать пять – тридцать шиллингов на каждого гостя, который садится за его стол. Люди обедают и дешевле. В моем любимом клубе для старших офицеров я сам видел, как его светлость герцог Веллингтон вполне довольствовался куском ростбифа за один шиллинг три пенса и полубутылкой хереса за девять шиллингов; а если этого довольно его светлости, то почему бы и не нам с вами?

Я, например, составил себе вот какое весьма полезное

---

³² Блеск (франц.).

правило. Когда я приглашаю на обед двух-трех герцогов и маркиза, то угощаю их куском говядины или бараньим окороком с гарниром. Вельможи благодарят за такую простоту и очень ее ценят. Любезный мой Джонс, спросите кого угодно из ваших высокородных знакомых, так ли обстоит дело.

Я вовсе не желаю, чтобы их милости угощали меня таким же манером. Их сану подобает великолепие, так же как нашему с вами (будем надеяться) – скромный достаток. Некоторым судьба предназначила кушать на золоте, другим же – довольствоваться фарфором с китайским рисунком. И, будучи вполне довольны полотном (даже смиренно благодарны, ибо оглянись, о Джонс, и воззри на мириады обездоленных) в то время, как светские гранды украшают себя батистом и кружевами, мы, конечно, должны считать несчастными, завистливыми глупцами тех жалких «красавцев Тиббсов», что выставляют напоказ кружевную манишку – под которой нет ничего. Несчастные и глупые вороны, влачащие за собой павлинье перо в подражание великолепным птицам, которым от природы предназначено выступать по дворцовым террасам, развернув веером пышный, сверкающий на солнце хвост.

Вороны в павлиньих перьях – это снобы нашего общества, и нигде и никогда со времен Эзопа не было такого множества снобов, как теперь, в нашей свободной стране.

Какое отношение может иметь этот баснописец седой древности к нашей теме – к дающим обеды снобам? Подражание знати распространено во всем городе, от дворцов Кен-

сингтона и Белгрэвии до самых отдаленных уголков Брун-вик-сквер. Павлиньи перья воткнуты в хвосты большинства семейств. Вряд ли сыщется среди нашей домашней птицы хоть одна, которая не подражала бы походке голенастого павлина, его резкому, но благородному крику. О вы, заблудшие снобы-амфитрионы, подумайте, сколько радости вы теряете и сколько бед доставляете себе нелепой пышностью и лицемерием! Вы пичкаете друг друга немислимой мешаниной на погибель дружбе (не говоря уже о здоровье), во вред гостеприимству и общительности – вы, которые могли бы болтать в свое удовольствие и быть такими веселыми и счастливыми, если бы не перья из павлиньего хвоста!

Когда человек попадает в большое общество снобов-амфитрионов и снобов-гостей, то, имея философский склад ума, он сделает вывод, что вся эта затея – колоссальное надувательство: кушанья и напитки, слуги и посуда, хозяин и хозяйка, беседа и общество – включая и самого философа.

Хозяин улыбается, чокается и разговаривает со всем застольем, однако им владеет тайный страх и тревога, как бы вина из его погреба не оказались плохи, как бы закупоренная бутылка не подвела его или наш приятель-зеленщик, допустив какой-либо промах, не обнаружил бы своего истинного звания и не показал, что он отнюдь не мажордом в этом семействе.

Хозяйка терпеливо улыбается в продолжение всего обеда, улыбается вопреки своим терзаниям, хотя душой она в кух-

не и с ужасом помышляет о том, как бы там не случилось какой-нибудь беды. Если осядет суфле, а Виггинс не пришлет вовремя мороженое, то ей впору покончить жизнь самоубийством – этой прелестной, улыбающейся женщине!

Дети наверху вопят: нянька завивает их жалкие кудряшки горячими щипцами, рвет с корнями волосы мисс Эмили, трет короткий носик мисс Полли мраморным мылом до тех пор, пока бедняжка не доплачется до истерики. Юные наследники-сыновья, как уже говорилось выше, заняты пиратскими набегами на лестничной площадке.

Слуги здесь вовсе не слуги, а разносчики-зеленщики, о чем мы уже говорили. Приборы не серебряные, а полированного бирмингемского металла – подделка, такая же, как и гостеприимство, как и все прочее.

Разговор тоже бирмингемского металла. Остряк одного кружка с озлоблением в душе после пререканий с уборщицей, которая назойливо требовала платы, сыплет анекдотами, один лучше другого, а остряк-оппонент бесится из-за того, что ему не удастся вставить свое слово. Джокинс, великий говорун, презрительно хмурится и возмущен обоими, потому что ему не уделяют внимания. Молодой Мюскаде, грошовый фронт, начитавшись «Морнинг пост», толкует о высшем свете и о балах у Олмэка, досаждая этим своей соседке миссис Фокс, которая там никогда не бывала. Вдова раздражена до крайности, потому что ее дочь Мария сидит рядом с молодым Кембриком, бедным священником, а не с

полковником Голдмором, богатым вдовцом из Индии. Докторша дуется, потому что ее повели к столу после супруги адвоката; старый доктор Корк ворчит на вино, а Гатлтон издевается над стряпней.

И подумать только, что все эти люди могли бы быть так счастливы, так дружески непринужденны, если б собрались попросту, без всяких претензий, и если бы не эта несчастная страсть к павлиньим перьям у нас в Англии. Кроткие тени Марата и Робеспьера! Когда я вижу, насколько все честное в обществе испорчено у нас жалким поклонением моде, я сержусь так же, как упомянутая нами миссис Фокс, и готов дать приказ о поголовном избиении павлинов.

Глава XXVIII

Континентальные снобы

Теперь, когда наступил сентябрь и закончены наши парламентские дела, быть может, никаким снобам не живется так отлично, как континентальным снобам. Я ежедневно наблюдаю, как они покидают Фолкстонский порт. Я вижу, как они уплывают целыми косяками (и сам, возможно, втайне мечтаю покинуть наш остров вместе с этими счастливицами снобами). Прощайте, милые друзья, говорю я им, ведь вы не знаете, что человек, который смотрит с берега вам вслед, – ваш друг, историограф и брат.

Сегодня я побывал на борту «Королевы Франции», провозжая нашего любезного друга Снукса – там, на этом прекрасном корабле, были десятки снобов, разгуливающих по палубе во всей славе своей. Через четыре часа они будут в Остенде, спустя неделю – наводнят весь континент и донесут до самых дальних стран славный образ британского сноба. Я не увижу их там, но душой я с ними; и в самом деле, вряд ли найдется страна в известном нам цивилизованном мире, где мои глаза не созерцали бы их.

Я видел снобов в красных фраках и охотничьих сапогах, скачущими верхом по римской Кампанье, слышал их брань и известный всем жаргон в галереях Ватикана и под мрач-

ными арками Колизея. Одного сноба я встретил на верблюде среди пустыни и на пикнике у пирамиды Хеопса. Мне приятно думать, сколько английских снобов в эту самую минуту высовывают голову из окна отеля «Мерис» на Рю-де-Риволи, или выкрикивают: «Garson, du pang», «Garson, du vang»³³, или расхаживают по улице Толедо в Неаполе и даже сколько их будет встречать Снукса на пристани в Остенде, – Снукса и всех прочих снобов, плывущих на «Королеве Франции».

Воззрите на маркиза Карабаса и две его кареты. Госпожа маркиза поднимается на борт, озирается по сторонам с тем интересным выражением наглости и страха, которое свойственно ее милости, и бросается к своему экипажу, ибо для нее немисливо общаться с прочими снобами на палубе. Там она и восседает, там и будет страдать морской болезнью в уединении. Земляничные листья на дверцах ее кареты запечатлены в самом сердце ее светлости. Если б она отправлялась в рай, а не в Остенде, то и там, сдается мне, она ожидала бы найти *des places reservées*³⁴ и заказала бы наперед самые лучшие комнаты. Курьер с денежной сумкой через плечо, дюжий хмурый лакей в ливрее цвета перца с солью и с геральдическими знаками Карабасов, крикливо одетая наглая горничная-француженка (только дамское перо может воздать должное кричащему туалету путешествующей гор-

---

³³ «Гарсон, хлеба», «Гарсони, вина» (*искаж. франц.*).

³⁴ Места, заказанные заранее (*франц.*).

ничной) – и жалкая *dame de compagnie*³⁵ служат ее светлости и ее собачке кинг-чарльзу. Они носятся взад и вперед с одеколоном, носовыми платками, состоящими сплошь из кружев и монограмм, и засовывают таинственные подушечки и сзади, и спереди, и во все углы кареты.

Коротенький маркиз, ее супруг, с растерянным видом прогуливается по палубе, держа под руки двух тощих дочек; надежда семьи с рыжим хохлом уже курит на фордеке в дорожном клетчатом костюме, в сапожках с лаковыми носками и в рубашке, вышитой розовыми боа-констрикторами. Откуда у путешествующих снобов эта удивительная страстьрядиться в маскарадные костюмы? Почему человек не может путешествовать просто в сюртуке, и т. д., но считает нужным одеваться наподобие арлекина в трауре? Взгляните, даже молодой Олдерменбери, торговец салом, только что поднявшийся на борт, надел дорожный костюм, весь зияющий карманами, а маленький Том Солитер, клерк адвоката из Сити, у которого всего три недели отпуска, напялил гетры и с иголки новую охотничью куртку, да еще пытается отрастить усы на своей коротенькой, запачканной табаком верхней губе!

Помпей Хикс дает самые подробные указания своему слуге и громко спрашивает:

– Дэвис, где мой несессер? – И потом: – Дэвис, лучше возьмите ящик с пистолетами в каюту!

---

³⁵ Компаньонка (*франц.*).

Маленький Помпей путешествует с несессером, но брить ему нечего; и бог его знает, кого это он собирается застрелить из своих пистолетов? И никак не догадаешься, что ему делать со своим слугой, разве только обслуживать его.

Воззрите на честного Натаниэля Хаундсдича с супругой и на их сыночка. Какое надменное и блистательное довольство озаряет черты этих снобов восточного происхождения! Какой костюм на Хаундсдиче! Какие перстни и цепочки, какие трости с золотыми набалдашниками, какие брильянты, какую эспаньолку отрастил этот мошенник на подбородке (мошенник! Он ни за что не упустит случая доставить себе даровое удовольствие!). У юного Хаундсдича тросточка с позолоченным набалдашником и пестрая мозаика украшений – все это бьет в глаза. Что касается мадам, то на ней все цвета радуги: желтая шляпка, розовый зонтик на белой подкладке, изумрудно-зеленая шаль, ротонда переливчатого шелка, коричневатые ботинки, зеленоватые перчатки; а разноцветные стеклянные пуговицы, размером от четырехпенсовой монетки до кроны, ослепительно сверкают, усеивая сверху донизу ее пышный наряд. Я всегда говорил, что люблю смотреть на «избранный народ» в торжественные дни: так они живописны и счастливы в своем неистовом великолепии.

А вот идет капитан Булл, одетый с иголки, подтянутый и опрятный; он путешествует от четырех до шести месяцев в году, не выделяется ни роскошью одежды, ни наглостью поведения, однако я считаю его таким же завзятым снобом,

как и всех прочих на борту. Булл проводит сезон в Лондоне, обедает на чужой счет, ночует в чердачной каморке рядом со своим клубом. Где только он не побывал за границей: он знает лучшие вина в любом кабаке в любой столице Европы; водится там с лучшим английским обществом; видел все дворцы и все картинные галереи от Мадрида до Стокгольма, говорит на ужасной смеси из нескольких языков – и ровно ничего не знает. Булл гоняется за титулованными снобами на континенте и являет собой нечто вроде курьера-любителя. Он навязется в знакомые к старику Карабасу, еще не доехав до Остенде, и напомним его светлости, что они встречались в Вене лет двадцать тому назад или что он поднес его милости стаканчик шнапса на вершине Риги. Мы уже говорили, что Булл ничего не знает; но он знает происхождение, герб и родословную всех пэров, он заглянул своими острыми глазками в каждую из карет на борту – заметил, какие на дверцах эмблемы, и изучил все гербы; ему известны все континентальные анекдоты, основанные на английских сплетнях: как граф Тавровский увез мисс Бэгз в Неаполе, как *близко* леди Смигсмаг знакома с молодым Корнишоном из французской миссии во Флоренции, сколько именно выиграл Джек Дьюсэйс у Боба Грингуса в Бадене, что заставило Стагзов поселиться на континенте, за какую сумму заложены имения О’Гоггарты, и т. д. Если ему не удастся поймать лорда, он подцепит баронета, а не то несчастный старикашка заарканит какого-нибудь светского сосунка и станет пока-

зывать ему «жизнь» в неких малодоступных и завлекательных кварталах. Фу, старая скотина! Если у него имеются все пороки, свойственные самой мятежной юности, зато, к его утешению, совести нет ни на грош. Он глуп в высшей степени, но по характеру жизнерадостен. Себя он считает вполне respectable членом общества; но, быть может, единственное доброе дело, какое он делает в жизни, и то поневоле, – это являть собой пример, отнюдь не достойный подражания, и показывать, какая это отвратительная фигура в общественной картине – развратный старик, проходящий по жизни относительно пристойным Силеном и умирающий у себя в каморке одиноким, нераскаянным и не замеченным никем, кроме наследников, которые с изумлением обнаруживают, что после беспутного старого скряги остались деньги! Смотрите, он уже подобрался к старику Карабасу! Что я вам говорил!

А вон там вы видите старую леди Макскру и с нею – двух не слишком молодых женщин, ее дочерей: они едут в Бельгию и вверх по Рейну искать, где подешевле, и торговаться из-за цен, пока не найдут пансион, где можно прожить на меньшую сумму, чем та, которую ее милость выплачивает своим лакеям. Однако она будет требовать большого уважения от английских снобов, проживающих на тех водах, которые она изберет своей летней резиденцией, и это уважение ей, как дочери графа Хаггистоуна, будут оказывать.

Вон тот широкоплечий франт с внушительными бакен-

бардами, в чищенных лайковых перчатках – мистер Фелим Кланси из Полдудистауна: сам он зовет себя мистер де Кланси; он пытается скрыть родимый ирландский акцент богатыейшими напластованиями английского жаргона; если же вы станете играть с ним на бильярде или в экарте, то выиграете первую партию, а он – семь или восемь остальных.

Эта свехрослая леди с четырьмя дочерьми и молодым университетским денди, ее сыном, – миссис Кьюси, супруга видного адвоката, которая скорее умрет, чем откажется от светской жизни. У нее с собой в мешочке «Книга пэров», можете быть уверены; но ее совершенно не замечает миссис Квод, супруга высокопоставленного юриста, чья карета со всеми ее багажниками, запятками и империалами едва ли уступает по великолепию дорожной колымаге маркиза Карабаса и чей курьер обладает более внушительными бакенбардами и более объемистой сафьяновой сумкой, чем собственный курьер маркиза. Обратите на нее внимание: она разговаривает с мистером Спаутом, новым членом парламента от Джоуборо, который едет инспектировать деятельность Zollverein'a³⁶ и на следующей сессии задаст лорду Пальмерстону несколько весьма строгих вопросов об отношении Англии к торговле берлинской лазурью, марсельским мылом, немецкими спичками и т. д. В Брюсселе Спаут окажет поддержку королю Леопольду, будет посылать из-за границы письма в свою газету и в качестве члена британского парла-

---

³⁶ Таможенного союза (нем.).

мента будет ожидать приглашения на обед от каждой королевской особы, чьи владения он посетит во время своей поездки.

Далее назовем... но, чу! звонят в колокол, провожающим пора уходить, и, сердечно пожав руку Снукса, мы сбегает на дебаркадер, махая на прощанье рукой, в то время как величественный пароход рассекает озаренные солнцем лазурные воды, унося груз снобов к чужим берегам.

Глава XXIX

Континентальные снобы – продолжение

Мы привыкли смеяться над французами за их склонность к хвастовству, за то, как невыносимо они кичатся Францией, славой, императором и тому подобным; и все же сдаётся мне, что по своему особому рода самодовольству и кичливости английский сноб не имеет себе равных. В тщеславии француза всегда есть что-то напряжённое. Он хвастает с такой горячностью, с такими воплями и жестикуляцией, так громко кричит, что французы стоят во главе цивилизации, в центре общественной мысли и т. д., что нельзя не видеть, как в душе у бедняги смутно мелькает подозрение: а может быть, он вовсе не то чудо, каким себя провозглашает.

У английского сноба, напротив, обычно нет ни крикливости, ни громкой похвальбы, но есть спокойствие глубочайшей убежденности. Мы лучшие, самые первые во всем мире и не собираемся этого доказывать: это аксиома. И когда француз вопит: «La France, monsieur, la France est à la tête du monde civilisé!»³⁷ – мы добродушно смеемся над горячностью бедняги. *Мы* – вот кто превыше всех в мире; мы так

---

³⁷ Франция, сударь, Франция стоит во главе цивилизованного мира! (*франц.*)

твердо в этом уверены, что когда кто-то другой претендует на первенство, нам это только смешно. Любезный собрат-читатель, скажите как честный человек, разве вы сами не того же мнения? Считаете ли вы француза равным себе? Нет, не считаете; вы, доблестный английский сноб, сами знаете, что нет: так же, быть может, как и ваш собрат-сноб, ваш покорный слуга.

И я склонен думать, что именно это мнение и вытекающее из него отношение англичанина к иностранцу, которого он удостаивает визитом, эта убежденность в собственном превосходстве, позволяющая каждому владельцу английской шляпы высоко держать голову повсюду – от Сицилии до Петербурга, вызывает к нам ненависть: за нее-то нас и ненавидят с такой силой во всей Европе, за нее больше, чем за все наши маленькие победы, о которых многие французы и испанцы и не слыхивали, за эту поразительную, неукротимую гордыню островитян, которая одушевляет милорда в его дорогой карете, точно так же как и лакея Джона на запятках этой кареты.

Если вы прочтете старые хроники войн с французами, то найдете там точно тот же тип англичанина и тот же характер народа при Генрихе V, точно ту же спокойную и властную манеру, что и у наших доблестных ветеранов, сражавшихся во Франции и в Испании. Разве вы никогда не слыхали, как полковник Катлер и майор Слэшер беседуют о войне после обеда? Или как капитан Бордер описывает свою стычку

с «Неукротимым»?

– Черт возьми этих ребят, – говорит Бордер, – они отлично воюют. Мою атаку отбивали три раза, прежде чем я захватил корабль.

– А эти чертовы карабинеры Мило, – говорит Слэшер, – что они сделали с нашей легкой кавалерией! – Этим выражается некоторое удивление, что французы вообще могут устоять против англичан, и добродушное недоумение, что у этих бешеных, тщеславных французишек в самом деле нашлось мужество сопротивляться англичанам. Легионы таких англичан сейчас покровительствуют Европе, оказывая любезность папе, снисходя к королю Голландии и удостаивая вниманием прусские парады; когда к нам приезжал Николай, который привык ежедневно перед завтраком производить смотр четверти миллиона усатых солдат, мы повезли его в Виндзор и показали ему целых два полка по семь сотен англичан в каждом, словно говоря: «Вот, мой милый, полюбуйся на них. Это *англичане*, и они тебя когда хочешь побьют, как говорится в детской песенке». Английский сноб давным-давно утратил всякий скептицизм и может вполне добродушно потешаться над чванными янки или над дурачками-французишками, которые считают себя идеалом человеческой породы.

Это они-то, еще чего!

К таким мыслям я пришел, слушая разговор одного старика в «Отель дю Нор» в Булони, человека, видимо, того же

сорта, что и Слэшер. Он вышел к завтраку и уселся за стол с сердитым выражением налитого кровью лица цвета семги, задыхаясь в туго стянутом галстуке с поперечными полосками: белье на нем и все прочее обмундирование было до того накрахмаленное и безупречно чистое, что всякий сразу мог признать в нем любезного соотечественника. Только наш портвейн и другие замечательные традиции могли породить столь наглую, столь тупую, столь джентльменскую фигуру. Через некоторое время он обратил на себя наше внимание, проревев разъяренным голосом: «О!»³⁸

Все обернулись на это «О», решив, что полковник, судя по его физиономии, терпит невыносимые муки, но лакеи поняли его лучше и, ничуть не тревожась, принесли полковнику чайник. «О», видимо, означает по-французски кипятилок. Полковник полагает, что великолепно говорит по-французски (хотя и презирает этот язык от души). Покуда он глотал дымящийся чай, который с бульканьем и хлюпаньем проходил в пересохшее горло ветерана, к нему присоединился приятель, весь сморщенный и в черном, как смоль, парике, видимо, тоже полковник.

Оба старых воина, покивав друг другу головой, скоро приступили к завтраку и разговорились, а нам повезло; мы подслушали кое-что о прежних войнах и о приятных перспективах будущей войны, которую старики считали неизбежной. Оба они презирали французский военный флот, фыркали на

---

³⁸ Воды! (от франц. «eau»).

их торговый флот; объясняли, как, случись война, был бы сразу выстроен кордон (да, кордон, черт возьми) из судов вдоль всего побережья и как (черт возьми) они мигом высадились бы на том берегу и задали бы французам хорошую трепку, такую же, как в ту войну, черт возьми. В общем, грохочущая канонада брани не умолкала во все время их разговора.

В зале сидел француз, но так как он прожил в Лондоне не больше десяти лет, то не говорил по-английски, и суть их беседы не дошла до него. «О родина моя! – сказал я себе. – Неудивительно, что тебя так любят! Если бы я был французом, как бы я тебя ненавидел!»

Этот грубый, невежественный и брюзгливый задира-англичанин появляется во всех городах Европы. Одно из самых тупых созданий на земле, он попирает ногами Европу, проталкивается плечом в галереи и соборы, топчется во дворцах в своем накрахмаленном мундире. В церкви и в театре, на празднестве или в картинной галерее его лицо никогда не меняется. Тысяча восхитительных зрелищ проходит перед его налитыми кровью глазами, но ничто на него не действует. Множество блестящих картин жизни и нравов развертывается перед ним, но не трогает его. Побывав в церкви, он объявляет, что молиться в ней – унижительное суеверие, как будто *его* алтарь – единственный, перед которым можно молиться. Он ходит в картинные галереи, но в искусстве смыслит меньше, чем французский чистильщик обуви. Ис-

кусство, природа проходят перед его тупыми глазами, но в этих глазах нет ни искры восхищения – ничто его не трогает, разве только если на пути ему встретится вельможа из вельмож, и тогда этот чопорный, надменный, самодовольный и непреклонный английский сноб становится смиренным, как лакей, и гибким, как арлекин.

Глава XXX

Английские снобы на континенте

– Какая польза от телескопа лорда Росса? – воскликнул как-то на днях мой друг Панвисский. – Он всего только даст вам возможность видеть на несколько тысяч миль дальше. То, что считалось раньше простыми туманностями, оказывается весьма значительными звездными системами, а за ними вы видите другие туманности, и более сильный телескоп покажет, что это опять звезды, и эти звезды, сверкая и мигая, уходят все дальше в бесконечность. – И тут мой друг Пан, глубоко вздохнув, словно сознаваясь в своей неспособности взглянуть в лицо бесконечности, смиренно откинулся на спинку кресла и залпом осушил большой бокал кларета.

Я же (как и другие великие люди, поглощенный одной идеей) подумал про себя, что звезды подобны снобам: чем больше вы наблюдаете эти светила, тем больше их видите – то в туманных скоплениях, то едва различимо, то ярко и отчетливо, пока они не сольются, мерцая, в бесконечном сиянии и не померкнут в неизмеримо далекой тьме. Я – словно ребенок, играющий на морском берегу. Когда-нибудь появится философ с телескопом, какой-нибудь великий снобограф, установит законы великой науки, которая пока для нас не более чем забава, и определит, разграничит и классифици-

цирует то, что в настоящее время является лишь зыбкой теорией, приблизительной, хотя и эффективной гипотезой.

Да, невооруженным глазом можно проследить только очень немногие, простейшие разновидности снобов. Я иногда думаю, не обратиться ли к публике и не созвать ли конгресс ученых, подобный тому, что собирался в Саутгемптонне, чтобы каждый внес свою лепту и прочел доклад на эту важную тему. Ибо что могут сделать в одиночку немногие отдельные лица, даже применительно к предмету, который нас сейчас интересует? Английские снобы на континенте – правда, их во сто тысяч раз меньше, чем на нашем родном острове, но даже и этих немногих чересчур много. Можно разве поймать отдельный экземпляр то тут, то там. Единицы ловишь, тысячи ускользают. Я заметил всего трех: нынче утром они встретились мне во время прогулки по веселому приморскому городку Булони.

Есть тут беспутный английский сноб, Рафф, который таскается по *estaminets* и *cabarets*³⁹: он распевает во все горло «До утра не пойдем мы домой!» и будит полуночное эхо мирных европейских городов, выкрикивая жаргонные английские словечки. Пьяный, весь обросший, он шатается по набережной, когда прибывают пакетботы, и опрокидывает по рюмочке за стойкой тех заведений, где у него есть кредит. Он развязно болтает по-французски: такими, как он, полны долговые тюрьмы на континенте. В бильярдных он играет на

---

³⁹ Распивочным и кабачкам (франц.).

бильярде, по утрам его можно видеть за картами и домино. Его фамилией подписаны бесчисленные векселя; очень возможно, что когда-то эта фамилия принадлежала почтенному семейству, ибо английский беспутный сноб, по всей вероятности, начал с того, что был джентльменом, и по ту сторону пролива у него живет отец, которому стыдно слышать имя своего сына. Этот сын даже в лучшие дни не раз обманывал старика родителя, оставил сестер без приданого, обокрал младших братьев. Теперь он существует на средства жены: она прячется в мрачной каморке, чинит поношенные платья и кое-как перешивает старье для детей, – самая несчастная и жалкая из женщин.

Бывает так, что эта бедная женщина и ее дочери робко бегают по урокам, обучая английскому языку и музыке, или делают тайком вышивки, чтобы добыть гроши на rot-au-feu⁴⁰; тогда как беспутный Рафф либо прогуливается по набережной, либо опрокидывает рюмку за рюмкой в кафе. Несчастливая женщина до сих пор каждый год производит на свет по ребенку и, вечно притворствуя, старается уверить дочерей в том, что отец у них – порядочный человек, и прячет этого скота с глаз долой, когда он возвращается домой пьяный.

Все эти бедные загубленные души иногда собираются вместе: у них есть свое общество, на которое просто жалко смотреть, – такие у них убогие претензии на благородство, такие натянутые попытки веселиться, такие грустные шут-

---

⁴⁰ Суп с мясом и овощами (франц.).

ки, так дребезжит их разбитое фортепьяно: ах, тоска берет видеть и слышать все это! Когда жена беспутного капитана Раффа вместе со своими бледными дочерьми угощает грошовым чаем жену тунеядца Дидлера и обе они беседуют о прошлых временах и о том блестящем обществе, которое у них бывало, и едва слышно поют романсы по истрепанным старым нотам, – как раз в то время, когда они развлекаются на свой лад, – вваливается капитан Рафф в грязной шляпе набекрень, и сразу же вся мрачная комнатка наполняется смешанным запахом табака и водки.

Разве не всякий, кому приходилось бывать за границей, встречал капитана Раффа? Имя его время от времени во всеуслышание поминает чиновник шерифа Гемп; но и в Булони, и в Париже, и в Брюсселе живет столько людей его склада, что, держу пари, меня обвинят в грубых личных нападках за то, что я его вывел в этом очерке. Отправляют в ссылку и не таких закоренелых негодяев; гораздо более порядочные люди сейчас вертят ножную мельницу, и, хотя мы самый благородный, самый великий, благочестивый и нравственный народ в мире, я все-таки желал бы знать, где именно, кроме Соединенного Королевства, к долгам относятся как к забаве, а торговцам приходится терпеть эту господскую потеху? Во Франции считается позорным иметь долги. В других европейских странах вы никогда не услышите, чтобы люди хвастались своим мошенничеством, и не найдете ни одной тюрьмы в крупном европейском городе, где не сидели бы в

большем или меньшем числе мошенники-англичане.

На Европейском континенте нередко встречается сноб, еще опаснее и противнее этого явного бездельника: моих юных друзей-снобов, путешествующих по Европе, следует особо предостеречь на его счет. Мошенник капитан Легг тоже джентльмен, как и беспутный Рафф, только, может быть, выше сортом. Он тоже обобрал своих родных, но на большую сумму, и смело отказывается платить по тысячным векселям, тогда как Рафф трясется при виде долговой расписки на какие-нибудь десять фунтов. Легг всегда обедает в самой лучшей гостинице, носит отличные жилеты и холеные усы, разъезжает по городу в нарядной бричке, а бедняга Рафф хлещет простую водку и курит дешевый табак. Удивительное дело, что мошенник Легг, которого так часто разоблачают и которого знают везде, до сих пор живет припеваючи. Он бы давно пошел ко дну, если бы не та постоянная и пылкая любовь к аристократам, которой отличаются английские снобы. Не один молодой человек среднего сословия, отлично зная, что Легг мошенник и плут, все же позволяет ему жить на свой счет, тянется к светской жизни, восхищаясь всеми денди высшего полета и стремясь показываться в публике рядом с сыном лорда; он рад платить, пока пользуется его обществом. Не один почтенный отец семейства, узнав, что сын ездит верхом вместе с капитаном Леггом, сыном лорда Леванта, бывает польщен, что его подающий надежды отпрыск возвращается в таком хорошем обществе.

Легг вместе со своим другом, майором Мазиком, совершают профессиональный тур по Европе, и, когда нужно, они всегда тут как тут. В прошлом году мне рассказали, что к моему молодому знакомому из Оксфорда, мистеру Маффу, который отправился наблюдать жизнь на карнавальном балу в Париже, подошел англичанин, не знавший ни слова «на этом чертовом языке», и, услышав, что Мафф прекрасно говорит по-французски, попросил его объясниться с официантом, с которым имел недоразумение из-за выпивки и закуски. Это такое счастье, сказал незнакомец, видеть честное английское лицо, и, кстати, не знает ли Мафф, где тут можно хорошо поужинать? Итак, они вдвоем отправились ужинать, и как бы вы думали, кого они там встретили, как не майора Мазика? А там Легг представил Мазика, а там знакомство пошло на лад, а там они сыграли и в карты, и т. д., и т. д. Год за годом десятки Маффов в разных городах мира становятся жертвами Легга и Мазика. История эта не нова, а прием обольщения до такой степени устарел и так нехитер, что надо только удивляться, как люди еще попадают на удочку; но двойной соблазн порока и аристократизма слишком силен для молодых английских снобов, и эти юные простодушные жертвы ловятся на него каждый день. Наш истинно английский сноб не пожалеет себя хотя бы ради чести получать пинки и платить за светского человека.

Мне нет нужды упоминать о таком очень обыкновенном английском снобе, который прилагает отчаянные усилия по-

знакомиться с высшей континентальной аристократией, как, например, старый булочник, который поселился в Сен-Жерменском предместье и принимает одних только карлистов и французских дворян с титулом не ниже маркиза. Все мы, конечно, можем смеяться над претензиями этого чудака – мы, которые дрожим перед вельможей, если он наш соотечественник. Но, как вы сами говорите, мой славный и честный сноб Джон Буль, французский маркиз с двадцатью поколениями предков совсем не то, что наш английский пэр; а кучка обнищавших немецких Fürsten⁴¹ и итальянских Principi⁴² пробуждает только презрение в чистой душе британца. Зато наша аристократия – дело совсем другое. Это они настоящие правители мира, настоящая старая знать, подлинная, без подделки. Снимите шапку, Сноб; на колени, Сноб, и поклоняйтесь!

---

⁴¹ Князей (*нем.*).

⁴² Князей (*итал.*).

Глава XXXI

О провинциальных снобах

Наскучив городом, где закрытые ставни в домах моих знатных друзей наводят на меня уныние во время прогулок, боясь даже сидеть в клубах, этих обширных пустынях Пэл-Мэл, и утруждать своей особой клубных лакеев, которые могли бы, если б не мое присутствие, отправиться за город на охоту, я решил совершить небольшую поездку в провинцию и отдать несколько визитов, что давным-давно пора было сделать.

Мой первый визит был к отставному майору морской кавалерии Понто в Мангельвурцельшире. Майор в маленьком фэтоне встречал меня на станции. Такой экипаж, конечно, не совсем годился для катанья в Парке, но вполне подходил скромному человеку (как отзывался о себе Понто) с многочисленным семейством. Мы ехали среди свежей зелени полей и живых изгородей, среди веселых английских пейзажей: большая дорога, гладкая и чистая, как аллея в парке вельмож, была прелестно расчерчена квадратами тени и солнечного света. Поселяне в белоснежных блузах улыбались нам, поспешно снимая шляпы, когда мы проезжали мимо. С порогов деревенских домиков нам кланялись дети, краснощечные, как яблоки в садах у их родителей. В отдалении там и

сям поднимались голубые колокольни; и когда цветущая жена садовника отворила перед нами белые ворота рядом с увитой плющом сторожкой и, миновав стройные ряды елей и вечнозеленых кустарников, мы подъехали к дому, грудь моя вздохнула свободно и радостно, чего никогда не могло быть в прокопченной городской атмосфере.

«Здесь, – воскликнул я мысленно, – все дышит покоем, довольством, счастьем. Здесь я избавлюсь от снобов. Их не может быть в этой очаровательной Аркадии».

Страйпс, слуга майора (бывший капрал в его доблестном корпусе), принял у меня портплед и изящный маленький подарок, который я привез из города для умиротворения миссис Понто: треску и устрицы от Гроуза в корзине величиной с хороший гроб.

Дом Понто «Мирты и Лавры» (как окрестила его миссис П.) являет собой сущий рай. Он весь заплетен плющом, повсюду там окна-фонари и веранды. Его окружают уступы волнистой лужайки с цветочными клумбами самых прихотливых форм, с зигзагами дорожек, усыпанных гравием, и живописные, хотя и сыроватые заросли миртов и вечнозеленой калины, которые и дали ему новое имя. Во времена старого доктора Понто он назывался просто «Бычий Загон». Из окон моей спальни, куда проводил меня Понто, открывался вид на красивый сад и конюшню, на ближнюю деревню с церковью и на большой парк за ними. Это была желтая спальня, самая чистая и приятная из всех спален в доме, воздух благоухал

от большого букета, поставленного на письменный стол, белье пахло лавандой, которой было переложено, кроватиный полог лощеного ситца и большой диван если не благоухали цветами, то, по крайней мере, пестрели ими; вытиралка для перьев на столе была сделана в виде георгина, а на камине лежала подставка для карманных часов в виде подсолнечника. Окно заплетал вьюнок с алыми листьями, и сквозь него вечернее солнце заливало комнату потоками золотого света. Сплошные цветы и свежесть! Ах, какой это отдых для моих усталых глаз, привыкших созерцать черные печные трубы на Сент-Олбэнс-Плейс в Лондоне!

– Понто, здесь у вас просто чудесно, – сказал я, бросаясь на уютную бержерку и вдыхая сельские ароматы, каких не могут придать самые лучшие «Millefleurs» из лавки Аткинсона даже самому дорогому носовому платку.

– Хорошее местечко, верно? – сказал Понто. – Тихое и без претензий. Я во всем люблю тишину. Вы не привезли с собой камердинера? Страйпс поможет вам разложить вещи. – И это должностное лицо, войдя в комнату, очень важно и ловко начало потрошить мой саквояж и раскладывать черные казимировые панталоны, «богатый жилет генуэзского бархата», белый галстук и прочие принадлежности вечернего туалета. «Большой званый обед», – решил я, видя такие приготовления (быть может, несколько польщенный мыслью, что лучшие люди этих мест приедут познакомиться со мной).

– Слышите, уже звонят к обеду! – сказал Понто, выходя

из комнаты, и в самом деле, звон вестника пиров уже раздавался с башенки над конюшней, сообщая о том приятном обстоятельстве, что через полчаса подадут обед. «Если обед здесь не хуже колокола, – подумал я, – то, честное слово, я попал очень удачно!» – и на досуге, в эти свободные полчаса, не только успел привести себя в элегантный по возможности вид, но и полюбоваться родословной Понто, висящей над камином, и гербом Понто, начертанным на умывальном тазу и кувшине, и поразмыслить на тысячу ладов о счастливой деревенской жизни, о невинной дружбе и сердечности сельских взаимоотношений и повздыхать о возможности уйти в отставку, как Понто, к моим собственным полям, к моей лозе и смоковнице, с *placens uxor*⁴³ в моем *domus*⁴⁴ и с десятком милых сердцу залогов любви, резвящихся у родительских колен.

Донн! Как только истекло тридцать минут, обеденный колокол зазвонил с конюшенной башенки во второй раз. Я поспешил сойти вниз, ожидая застать в гостиной человек двадцать пышущих здоровьем сельских жителей. Но в комнате находилась всего одна особа: высокая дама с римским носом, в глубоком трауре и вся блистающая стеклярусом. Она поднялась, шагнула вперед и сделала величественный реверанс, во время которого весь бисер на ее устрашающем головном уборе дрожал и переливался, потом промолвила:

---

⁴³ С милой супругой (*лат.*).

⁴⁴ ДOME (*лат.*).

– Мистер Сноб, мы рады вас видеть в «Миртах и Лаврах», – и глубоко вздохнула.

Значит, это была миссис Понто, которой я и отвесил самый глубокий поклон, выразив радость, что имел честь познакомиться с нею и с таким очаровательным местом, как «Мирты и Лавры».

Она опять вздохнула.

– Мы ведь с вами дальние родственники, мистер Сноб, – сказала она, меланхолически покачивая головой. – Бедняжка лорд Трамтамтам!

– О! – произнес я, не понимая, какого черта имела в виду миссис Понто.

– Майор Понто говорил мне, что вы из лестерширских Снобов: очень старинная фамилия, и в родстве с лордом Снобингтоном, который женился на Лоре Трамтамтам, а она мне родня, как и ее бедный милый батюшка, по которому мы носим траур. Какой удар! Всего шестьдесят три года, и ведь в нашей семье ни у кого еще не было апоплексии! Сегодня мы живы, а завтра умрем, мистер Сноб. Как леди Снобингтон переносит такое горе?

– Право, сударыня, не могу вам сказать, – ответил я, все более теряясь. Еще во время ее речи я услышал явственное «хлоп!» и по этому хорошо знакомому звуку понял, что кто-то открывает бутылку вина, – и вошел Понто в широчайшем белом галстуке и довольно потертом черном костюме.

– Милый, мы говорим о нашем кузене, – обратилась май-

орша Понто к супругу. – Бедный лорд Трамтамтам. Его смерть заставила надеть траур первые фамилии Англии. Вы не знаете, оставляет леди Трамтамтам за собой дом на Хилл-стрит или нет?

Я не знал, но на всякий случай сказал, что, кажется, да, и, взглянув на столик перед диваном, увидел неизбежную, отвратительную, нелепую, идиотскую, мерзкую «Книгу пэров», переложенную закладками и открытую на статье «Снобингтон».

– Обед подан, – возвестил Страйпс, распахивая дверь, и я подставил руку майорше Понто.

Глава XXXII

Визит к провинциальным снобам

Я не собираюсь строго критиковать обед, за который мы уселись. Обеденный стол для меня священен, но одно я все-таки должен сказать: я предпочитаю херес марсале, когда он есть, а то «хлоп!», которое я слышал перед обедом, несомненно, произвела бутылка марсалы. Да и марсала была неважная, однако майорша Понто, видно, не очень разбиралась в винах, потому что во все время обеда называла ее амонтильядо и выпила всего полрюмки, предоставив остальное майору с гостем.

Страйпс прислуживал в ливрее семейства Понто, чуть поношенной, но чрезвычайно пышной: с массой великолепных полушерстяных шнуров и ливрейных пуговиц очень крупного размера. Руки у честного парня были, как я заметил, очень большие и черные, и тонкий запах конюшни веял по комнате, когда он расхаживал взад и вперед, подавая то одно, то другое. Я бы предпочел опрятную горничную, но, быть может, лондонцы слишком чувствительны к такого рода вещам, да и верный Джон, что и говорить, выглядит благороднее.

К обеду подавали суп а-ля тортю из свиной головы, жареную свинину и свиные отбивные котлеты, и я позволил се-

бе сделать вывод, что незадолго до моего приезда один из черных йоркширов Понто был принесен в жертву. Обед был хороший, сытный, только в нем, разумеется, чувствовалось некоторое однообразие. Точно то же наблюдалось и на следующий день.

Во время обеда миссис Понто расспрашивала меня насчет аристократов, моих знатных родственников:

– Когда начнет выезжать леди Ангелина Скеггс? И все так же ли красит волосы графиня, ее мамаша, в эту странную фиолетовую краску? (Что было сказано очень лукаво и со смешком.) Правда ли, что милорд Гатлбери держит, кроме шефа-француза, еще и повара-англичанина для жарких и итальянца-кондитера для десерта? Кто бывает на концертах у леди Клапперкло? Приятно ли бывать на четвергах у сэра Джона Шампиньона? Правда ли, что когда леди Карабас понадобилось заложить ее брильянты, то они оказались фальшивыми, и что маркиз Карабас успел заблаговременно распорядиться ими? Как это вышло, что Снаффин, известный табачный торговец, не женился на их второй дочери, хотя об этом уже были разговоры, и правда ли, что какая-то мулатка явилась из Гаваны и воспрепятствовала этому браку?

– Честное слово, сударыня, – начал было я, собираясь сказать, что ровно ничего не знаю обо всех делах, так интересующих, по-видимому, миссис Понто, но тут майор прервал меня, толкнув под столом своей большой ногой:

– Ну-ну, милый мой Сноб, вы же знаете, мы все тут умеем

хранить секреты. Нам известно, что вы человек общества и бываете в свете: мы видели ваше имя в списке гостей на вечерах у леди Клапперкло и на завтраках у Шампиньона; что же касается лорда Трамтамтама, то как родственник...

– Да, конечно, я обедаю у них два раза в неделю, – ответил я и тут же вспомнил, что мой кузен, Хамфри Сноб, адвокат из Темпла, – большой любитель светского общества и что я несколько раз видел его имя в «Морнинг пост» в конце списка чьих-то гостей. И потому, как ни совестно признаться, я подхватил намек и сообщил миссис Понто много таких сведений о первых фамилиях Англии, которым подивились бы сами эти вельможи. Я описал ей весьма точно трех первых красавиц, царивших в прошлом сезоне на балах у Олмэка; рассказал по секрету, что его светлость герцог В. собирается жениться на другой день после того, как ему поставят памятник; что его светлость герцог Д., со своей стороны, готовится повести к алтарю дочь эрцгерцога Стефана; словом, беседовал с ней точь-в-точь в стиле последнего романа миссис Гор из жизни большого света.

Майорша была совершенно очарована таким блистательным разговором. Она щеголяла французскими словечками, то и дело вставляя их в разговор, совершенно так, как это делают в романах, и, милостиво послав мне воздушный поцелуй и сообщив, что скоро будет кофей и «эн пё де музик о салон», – удалилась из столовой поступью пожилой феи.

– Откупорить вам бутылку портвейна, а не то вы, может

быть, пьете голландскую водку с водой? – спросил Понто, сочувственно глядя на меня. Это было совсем не то, чего я мог ожидать, судя по его поведению в курительной комнате нашего клуба, где он хвастается своими лошадьми и своим погребом и где, хлопая меня по плечу, он говорил, бывало: «Приезжайте к нам в Мангельвурцельшир, любезный Сноб, я вас там угощу такой охотой и таким кларетом, каких вы не найдете нигде в графстве».

– Что ж, – ответил я, – голландская водка мне нравится гораздо больше, чем портвейн, а джин я люблю еще больше.

Это пришлось очень кстати. Он налил мне джина, а Страйпс принес кипяток на роскошном подносе накладного серебра.

Звуки арфы и фортепиано вскоре донесли нам о том, что началось «эн пё де музик», а запах конюшни, влетевший в столовую вместе со Страйпсом, приглашал нас на кофе и маленький концерт. Майорша с обаятельной улыбкой указала мне на софу, где освободила для меня место рядом с собой и откуда нам открывался прекрасный вид на спины молодых девиц, исполнявших музыкальную пьесу. Это были очень широкие спины, в строгом согласии с нынешней модой, ибо кринолин или его замена стоят недорого, и молодежь в провинции может позволить себе следить за модой при самых ничтожных затратах. Мисс Эмили Понто за фортепиано и ее сестрица Мария за арфой, инструментом, уже пережившим свою славу, были в голубых платьях, казалось, состоявших

из одних оборок и пышных, словно воздушный шар мистера Грина, наполненный газом.

– У Эмили блестящее туше – а какая верная рука у Марии! – добродушно похвалила миссис Понто исполнение своих дочерей и слегка помахала рукой, словно давая понять, что немало гордится красотой этой самой руки. Я заметил, что на ней было не менее девяти браслетов и запястий из цепочек с замочками, миниатюрный портрет майора и бронзовые змейки с огненными рубиновыми и нежными бирюзовыми глазами, обвивавшие ее руку чуть ли не до локтя.

– Вы помните эти польки? Их играли у герцога Девонширского двадцать третьего июня, в день большого празднества.

Я сказал, что да, прекрасно помню, и начал покачивать в такт головой, словно узнавая старых друзей.

После того как концерт был окончен, я удостоился счастья быть представленным двум длинным и тощим мисс Понто и беседовать с ними; а гувернантка мисс Уирт уселась за фортепиано и угостила нас вариациями на тему «Вверх по лестнице». Дамы твердо решили не отставать от моды.

Что касается исполнения пьесы «Вверх по лестнице», то я не могу назвать его иначе, как потрясающим. Сперва мисс Уирт весьма бойко сыграла эту прелестную мелодию, с силой выбивая ее из инструмента, и так громко, отчетливо и резко звучала каждая нота, что, я уверен, ее было слышно и Страйпсу в конюшне.

– Какие пальцы! – вздохнула миссис Понто, и действительно, что это за пальцы мелькали по всей клавиатуре – узловатые, как индюшечья нога. Пробренчав мелодию в медленном темпе, она начала играть «Вверх по лестнице» в другой манере и проделала это с совершенно невероятной, бешеной быстротой. Она бегом бежала вверх по лестнице, она летела вверх по лестнице, она галопировала вверх по лестнице, она гремела вверх по лестнице и, как бы доведя мотив до верхней площадки, со стоном сбросила его на нижний этаж, куда он скатился с грохотом и утих, словно обессилив после головокружительной быстроты спуска. После этого мисс Уирт сыграла «Вверх по лестнице» с самой трогательной и пленительной торжественностью: клавиши стонали и рыдали прежалостным образом – вы поднимались по лестнице, дрожа и плача. Руки мисс Уирт, казалось, слабели, всхлипывали, умирали; как вдруг она снова воспрянула с резким бряцаньем и трубными звуками, словно штурмуя брешь; и хотя я ровно ничего не смыслю в музыке, я мог только сидеть и слушать, разинув рот, пока мой «кофей» стыл в чашке, и дивиться, как не полопались оконные стекла и люстра не обрушилась с потолка под звуки этого музыкального землетрясения.

– Не правда ли, поразительно? – спросила миссис Понто. – Любимая ученица Сквиртса – ей просто цены нет. Леди Карабас отдала бы все на свете, лишь бы заполучить ее. Просто чудо – такие таланты! Благодарю вас, мисс Уирт! – И

молодые особы, переведя дыхание, испустили восхищенный вздох – такой, какой вы слышите в церкви, когда проповедь приходит к концу.

Мисс Уирт обвила талии обеих учениц своими узловатыми большими руками с двойным количеством костяшек на каждой и сказала:

– Милые девочки, я надеюсь, вы скоро сможете играть эту вещь не хуже вашей бедной гувернантки. Когда я жила у Дунсинанов, это была любимая пьеса герцогини, и леди Барбара с леди Джейн Макбет разучили ее. Помню, что, именно слушая игру леди Джейн, милый лорд Каслтодди влюбился в нее, и хотя он был всего-навсего ирландский пэр, с доходом не более пятнадцати тысяч в год, я убедила Джейн не отказывать ему. Вы ведь знаете Каслтодди, мистер Сноб, – замок с круглыми башнями, прелестный замок в графстве Мэйо. Старый лорд Каслтодди (нынешний лорд был тогда лордом Инишоуэн) был с большими странностями, говорили, что полоумный. Я слышала, как его высочество бедняжка герцог Сассекский (какой человек, дорогие мои, но – увы! – завзятый курильщик) – я слышала, как его высочество сказал маркизу Энглси: «По-моему, Каслтодди – полоумный!» – зато Инишоуэн проявил здравый смысл, когда женился на моей милой Джейн, хотя у бедной девочки было только десять тысяч фунтов pour tout potage!⁴⁵

– Неоцененная особа! – шепнула мне майорша Понто. –

---

⁴⁵ Всего-навсего (франц.).

Вращалась в самом высшем обществе. – И я, привыкнув видеть, что с гувернантками обычно не церемонятся, был очень рад, что эта гувернантка здесь командует и даже величественная миссис Понто пасует перед пей.

Что касается моего ореола, то он сразу померк. Куда мне было тягаться с женщиной, состоявшей в близком знакомстве со всеми герцогинями в «Красной книге»? Сама она не была розовым бутоном, но побывала в одном букете с розами. Она водила компанию с вельможами, и мы весь вечер без умолку говорили о них, говорили и о модах, и о Дворе, пока не пришло время ложиться спать.

– И в этом раю водятся снобы! – воскликнул я, бросаясь на благоухающую лавандой постель. В ответ из соседней спальни донесся звучный храп майора Понто.

Глава XXXIII

Провинциальные снобы

Нечто вроде дневника происшествий в «Миртах и Лаврах» может заинтересовать тех иностранных читателей «Панча», которые, по выражению Конингсби, желают познакомиться с нравами и обычаями в доме английского джентльмена. Времени, чтобы вести дневник, у меня достаточно. Бренчанье на фортепьяно начинается с шести утра и продолжается до утреннего завтрака с минутной передышкой, когда мисс Эмили садится за музыкальные упражнения, сменяя свою сестрицу, мисс Марию.

В сущности, проклятый инструмент никогда не умолкает: если девицы сидят за уроками, то мисс Уирт барабанит свои потрясающие вариации, чтобы не утратить великолепной гибкости пальцев.

Я спросил эту гениальную женщину, каким еще наукам она обучает своих воспитанниц.

– Новым языкам, – отвечала она скромно, – французскому, немецкому, испанскому, итальянскому, если желательно – латыни и начаткам греческого. Ну и само собой разумеется – английскому, упражнениям в дикции, географии и астрономии, обращению с глобусом. Алгебре (но только до

квадратных уравнений), ибо, как вы сами понимаете, мистер Сноб, нельзя ожидать, чтобы бедная невежественная женщина знала все. Без древней и новой истории молодая девушка обойтись никак не может, и я стараюсь, чтобы мои милые воспитанницы знали историю в совершенстве. Ботаникой, геологией и минералогией мы занимаемся для развлечения. Могу вас уверить, что за всем этим мы проводим дни в «Миртах и Лаврах» не без приятности.

«Только-то! – подумал я. – Какая образованность!» Но, заглянув в нотную тетрадь мисс Понто с переписанными от руки романсами, я нашел пять ошибок в четырех французских словах, а когда я спросил в шутку, не потому ли Данте называют Алигьери, что он родом с острова Аллигатор, то мне с улыбкой ответили утвердительно, что заставило меня несколько усомниться в точности познаний мисс Уирт.

Покончив с описанными выше утренними занятиями, несчастные девицы идут в сад, где предаются тому, что они именуют пластическими упражнениями. Сегодня я видел их без кринолинов, впряженными в садовый каток.

Милейшая миссис Понто также была в саду и тоже без кринолина, как и дочери: в старой шляпе, в холстинковом переднике, в деревянных калошках, взобравшись на поломанный стул, она обирала сухие листья с виноградной лозы. По вечерам миссис Понто насчитывает много ярдов в окружности, но боже мой, что у нее была за фигура в этом утреннем

костюме огородного пугала!

Кроме Страйпса, они держат мальчика по имени Томас, или Тамс. Тамс работает в саду или в свинарнике и в конюшне; в доме Томас носит ливрею, сплошь усеянную пуговицами.

Когда приезжают гости, а Страйпса не оказывается в наличии, Тамс с быстротой молнии напяливает ливрею Томаса и является преображенным, словно Арлекин из пантомимы. Сегодня, когда миссис П. обрезала лозу, а девицы укатывали дорожки, Тамс вихрем влетел в сад, выкрикивая на бегу:

– Миссис, миссис, гости приехали!

Девицы стремительно бросают каток, миссис Понто соскакивает со стула, Тамс бежит переодеваться – и через невероятно короткое время бессовестный наглец Томас уже идет в сад сэра Джона Хобака, леди Хобак и юного Хью Хобака, говоря им:

– Пожалуйста сюда, сэр Джон и миледи: я знаю, миссис была сейчас в розарии.

И действительно, она оказывается там.

В хорошенькой садовой шляпке, в прелестной прическе с локонами, в самом изящном фартучке и свежих перчатках гри-деперль, эта изумительная женщина обнимает свою милую леди Хобак.

– Дорогая моя! Леди Хобак, как это мило! А я всегда среди моих цветов! Не могу жить без них.

– Цветы цветку! Кхм-кха-ха! – произносит сэр Джон, ко-

торый кичится своей галантностью и к каждому слову прибавляет «кхм-кха-ха!».

– А где же ваш передник? – кричит мистер Хью. – Мы же вас видели через забор, верно, па?

– Кхм-кха-ха! – раздражается сэр Джон, не на шутку встревожившись. – Где же Понто? Почему он не был на судебной сессии? Как поживает его дичь в этом году? Не поклевали ли вашу пшеницу фазаны маркиза Карабаса? Кхм-кха-ха! – И все время он делает самые свирепые и отчаянные знаки своему юному наследнику.

– Ну да, ведь она была в переднике, правда была, ма? – пристает Хью, ничуть не смущаясь, но вместо ответа леди Хобак быстро переводит разговор на милых девочек, а папаша тем временем убирает с дороги *enfant terrible*.⁴⁶

– Надеюсь, вас не беспокоит музыка? – спрашивает меня Понто. – Вы знаете, мои девочки упражняются по четыре часа в день – без этого, знаете ли, нельзя, это совершенно необходимо. А я, знаете ли, встаю рано, каждое утро в пять часов уже на ферме, мне лениться некогда.

Дело обстоит так. Понто засыпает сразу после обеда, как только перейдет в гостиную, и просыпается в десять, когда дамы перестают упражняться на фортепьяно. Для человека, который не считает себя лентяем, с семи до десяти и с десяти до пяти – более чем достаточно, чтобы выспаться. Лично я

---

⁴⁶ Озорника (*франц.*).

держусь того мнения, что когда Понто удаляется в комнату, которую он именует своим «кабинетом», то он спит и там. Он ежедневно запирается в кабинете на два часа для чтения газет.

Из окна кабинета, выходящего в сад, я видел всю сцену с гостями. Любопытное явление этот кабинет. Библиотека Понто состоит по большей части из сапог. По утрам у Понто со Страйпсом бывают там важные совещания, где решается вопрос о картофеле, или судьба какого-нибудь теленка особых достоинств, или приговоренной к смерти свиньи, и т. д. Все счета майора в полном порядке собраны на столе и разложены напоказ, как папки с судебными делами у адвоката. Здесь же он держит все свои серпы, ножи и другие садовые орудия, а также свистки и низки запасных пуговиц. Один ящик у него полон оберточной бумаги, в другом – громадный и неистощимый запас бечевки. На что человеку нужно такое множество кнутиков, я никогда не мог понять. Эти кнуты и удочки, рыболовные сачки, шпоры, сапожные колодки, пилюли для лошадей, хирургические инструменты для них же, банки с любимым сортом ваксы, которой он сам начищает сапоги, доводя их до верха элегантности, охотничьи перчатки оленьей кожи, натянутые на распорки; на стене португезя, кираса и сабля времен морской кавалерии и пониже – крючки для натягивания сапог; домашняя аптечка, а в углу – та самая розга, которой майор стегал своего сына,

Уэлсли Понто, когда тот был мальчишкой (Уэлсли никогда не входил в «кабинет», кроме как в этих прискорбных случаях), – все это, вместе с «Дорожным справочником» Могга, «Летописью садовника» и доской для триктрака, составляет библиотеку майора. Под военными трофеями висит портрет миссис Понто в голубом платье со шлейфом, но без талии, относящийся к первому году замужества; на раме лежит лисий хвост, защищающий это произведение искусства от пыли.

– Моя библиотека невелика, – говорит Понто с удивительным бесстыдством, – но хорошо подобрана, дорогой мой, хорошо подобрана. Нынче я все утро читал «Историю Англии».

Глава XXXIV

Визит к провинциальным снобам

На следующий день, для разнообразия, к обеду у нас была рыба, которую, если помнит любезный читатель, я привез миссис Понто в знак деликатнейшего внимания: треска под устричным соусом, соленая треска и устрицы в раковинах составили наше меню: и я начал было думать, что семейство Понто, как и наш обожаемый почивший в бозе монарх Георг II, питало пристрастие к тухлой рыбе. А так как свинью мы к этому времени уже доели, то и приступили к овце.

Но как могу я забыть парадное великолепие второй перемены, которая была подана Страйпсом весьма торжественно на серебряном блюде под крышкой, причем свои грязные большие пальцы он обернул салфеткой, – на блюде лежал один-единственный коростель, немногим крупнее сытого воробья.

– Милая, не хочешь ли ты дичи? – спросил Понто с невероятной серьезностью, вонзая вилку в этот крохотный островок посреди серебряного моря. Да и Страйпс время от времени отмеривал небольшими дозами марсалу с торжественностью, которая сделала бы честь дворецкому какого-нибудь герцога. Обед, которым Бармекид угощал Шакобака, отстоял весьма недалеко от нашего банкета.

Так как поблизости располагалось немало красивых поместий, уютный провинциальный городок с хорошими домами, принадлежащими дворянским семействам, прекрасный старинный пасторский дом рядом с церковью, куда мы ходили (и где семейство Карабас из рода в род сидело на своей монументальной готической скамье, украшенной резьбой), и так как по всему было видно, что здесь нет недостатка в хорошем обществе, я несколько удивился, почему жизнь в «Миртах и Лаврах» не скрашивается появлением соседей, и спросил об этом.

– При нашем положении мы не можем – никоим образом не можем общаться с семейством адвоката, как вы и сами понимаете, – доверительно сообщила мне миссис Понто.

– Разумеется, не можете, – ответил я, хотя и не понимая почему. – А ваш доктор?

– Превосходный, весьма достойный человек, – отозвалась миссис Понто, – спас жизнь нашей Марии, настоящий ученый, но что мы можем сделать в нашем положении? Конечно, приглашать домашнего врача к обеду не возбраняется; но его жена, дорогой мистер Сноб, его дети!

– Полдюжины аптекарских пузырьков, хи-хи-хи! – вмешалась гувернантка мисс Уирт, и девицы тоже рассмеялись, вторя ей.

– Мы знаем только с лучшими фамилиями графства, – продолжала мисс Уирт, вскинув голову⁴⁷. – Герцог за грани-

---

⁴⁷ Много позднее я узнал, что у папаша этой аристократки была фабрика ли-

цей, с Карабасами у нас междоусобица, Рингвуды приедут только к Рождеству; в сущности, здесь никого не бывает до охотничьего сезона, положительно никого.

– А чей этот большой красивый дом сразу за городом?

– Как? Château-calicot⁴⁸, хи-хи-хи! Этого толстосума, бывшего торговца полотном, мистера Ярдли, слуги у него ходят в желтых ливреях, а жена – в красном бархате. Какой у вас злой язык, любезный мистер Сноб, ну можно ли так? Наглость у этих людей просто поразительная.

– Что ж, есть еще пастор, доктор Кризостом. Уж он-то, во всяком случае, настоящий джентльмен.

Тут миссис Понто взглянула на мисс Уирт. Встретившись взорами и кивнув друг другу, они возвели глаза к потолку. То же сделали и девицы – и вздрогнули. Очевидно, я сказал что-то ужасное. «Еще одна паршивая овца в церковном стаде?» – подумал я, слегка опечалившись; я не боюсь признаться, что питаю уважение к духовенству.

– Я... я надеюсь, что ничего плохого не случилось?

– Ничего плохого? – повторила миссис Понто, с трагиче-

врейных пуговиц на Сент-Мартинс-лейн, где он и прогорел, а дочь его приобрела вкус к геральдике. Однако надо сказать к ее чести, что на свой заработок она тайно содержала старого, больного банкрота в Пентонвильской тюрьме, где он жил с большим комфортом, и обмундировала младшего брата, которого поместил в военное училище ее патрон, лорд Свиглбигл. Эти сведения мне сообщил один знакомый. Слушая самое мисс Уирт, можно было подумать, что ее папа – Ротшильд и что, когда он обанкротился, по всей Европе прокатилась волна биржевых крахов.

⁴⁸ Коленкоревый замок (франц.).

ским видом сжимая руки.

– Ах! – произнесла мисс Уирт, и обе девицы ахнули, вторя ей.

– Ну что ж, мне очень жаль, – сказал я. – А ведь какой милый старичок, и школа у него отличная, и проповедь была такая, что лучше я не слыхивал.

– Он читал проповедь в стихаре, – прошипела миссис Понто. – Мистер Сноб, он еретик.

– Силы небесные! – воскликнул я, любуясь искренним пылом этих богословов в юбке, – и тут вошел Страйпс и подал нам чай. Чай здесь пьют до того жидкий, что он никак не может помешать крепкому сну Понто.

По утрам мы ходили на охоту. Охотились мы и на собственных полях Понто (где стреляли дроздов-рябинников), и в неохраняемой части имения Хобаков; а как-то вечером на сжатом поле, граничащем с карабасовским лесом, нам попалась стайка фазанов, и тут мы поохотились как следует. Я подстрелил курочку, к величайшему моему восторгу, должен сознаться.

– Спрячьте скорей! – торопливо шепнул мне Понто. – Вон кто-то идет.

И я спрятал птицу в карман.

– Браконьеры чертовы! – крикнул из-за живой изгороди мужчина в одежде лесника. – Кабы я вас поймал по эту сторону изгороди, уж я бы пальнул из обоих стволов!

– Проклятый Снаппер, – сказал Понто, ретируясь, – вечно он шпионит за мной, вечно подсматривает.

– Воруйте дичь, подлецы, везите в Лондон на продажу, – гремел мужчина, как видно, сторож маркиза Карабаса. – Там наживете на них по шесть шиллингов за пару!

– Ты-то отлично знаешь, негодяй, почему дичь, и хозяин твой знает, – отвечал Понто, продолжая отступление.

– Мы дичь стреляем на своей земле! – кричал мистер Снаппер. – Мы не ставим силков на чужих фазанов. Мы дичь к себе не переманиваем. Мы не какие-нибудь подлые браконьеры. Не стреляем самок, как этот ваш лондонский бродяга, вон у него из кармана хвост торчит. Попадите только на нашей стороне: я вам!

– Эй, ты, послушай, – начал Страйпс, который в тот день ходил с нами в должности лесника (он и лесник, и кучер, и садовник, и камердинер, и управляющий), – если ты на *нашу* сторону попадешь да снимешь куртку, я тебе такую трепку задам, какой ты не видал от меня с Гатлберийской ярмарки.

– Поищи кого в своем весе, тогда и толкуй про трепку, – сказал мистер Снаппер, свистнул собак и скрылся в лесу. И таким образом мы вышли из стычки, можно сказать, победителями; однако мое представление о сельском рае уже несколько изменилось.

Глава XXXV

Провинциальные снобы

– Черт бы взял ваших аристократов, – сказал Понто, когда мы с ним беседовали о семействе Карабас, с которым «Мирты и Лавры» вели междоусобную войну. – Когда я впервые приехал в наше графство, – это было за год до того, как сэр Джон Бафф выступил в интересах тори, – маркиз Карабас, тогда еще лорд Сент-Майклз, который, разумеется, был оранжистом до мозга костей, оказывал мне и миссис Понто такое внимание, что я, признаюсь, попался на удочку старого лицемера и думал, что сосед у меня просто чудо. Ей-богу, сэр, мы получали от маркиза и ананасы, и фазанов, то и дело слышишь, бывало: «Понто, когда же мы с вами поохотимся?» – или: «Понто, у нас надо бы пострелять фазанов, их слишком много развелось», – а миледи требовала, чтобы дорогая миссис Понто приезжала в замок Карабас с ночевкой, и вводила меня бог знает в какие траты из-за туалетов моей жены, – всяких тюрбанов и бархатных платьев. Что же, сэр, подходят выборы, и хотя я всегда был либералом, но по личной дружбе, конечно, мне пришлось голосовать за Сент-Майклза, который стоял первым в списке. На следующий год миссис Понто вздумалось пожить в Лондоне; меблированная квартира на Кларджес-стрит, по десять фунтов в

неделю, наемный экипаж, новые платья для нее самой и девочек и черт его знает что еще. Первые визитные карточки мы завезли в особняк Карабасов; в ответ карточки миледи передает нам лакей, этакий верзила; и можете себе представить, как расстроилась моя Бетси, когда горничная меблированных комнат подала нам эти карточки, а леди Сент-Майклз поехала дальше, хотя отлично видела нас у окна гостиной. Вы не поверите, сэр, после мы четыре раза были у этих чертовых аристократов, а они так и не отдали нам визита; и хотя леди Сент-Майклз в том сезоне дала девять званых обедов и четыре завтрака, она ни разу нас не пригласила; и в Опере она не ответила нам на поклон, сделала вид, будто не узнает нас, хотя жена весь вечер ей кивала. Мы ей писали – просили билетов на бал у Олмэка; а она ответила, что у нее все билеты обещаны знакомым; да еще сказала при Уиггинс, своей горничной, а та передала Дигс, служанке моей жены, что удивляется, как это люди нашего общественного положения могли настолько забыть, что возмечтали побывать в таком месте! Поехать в замок Карабас? Да ни в жизнь. Ноги моей не будет в доме этого дерзкого, наглого, нищего фата – и я его презираю.

После чего Понто сообщил мне по секрету кое-какие сведения о денежных делах лорда Карабаса: как он задолжал всем и каждому в графстве; как плотник Джукс совсем разорился и не может получить по счету ни одного шиллинга; как мясник Бигс повесился по той же причине; как шестеро

здоровенных лакеев не получили ни одной гинеи из своего жалованья, а Снафл, старший кучер, так-таки сорвал с себя парадный парик и швырнул его к ногам леди Карабас на террасе перед замком; все эти истории рассказаны мне строго по секрету, и потому я не считаю приличным их разглашать. Но такие подробности отнюдь не подавили во мне желания увидеть знаменитый замок Карабас, возможно даже, что они усилили мое стремление узнать побольше об этих величественных чертогах и их владельцах.

При въезде в парк стоят две высокие, мрачные, замшелые сторожки – обветшалые дорические храмы с черными печными трубами в изящнейшем классическом вкусе, и, конечно, ворота увенчаны всем известными котами в сапогах, поддерживающими родовой герб Карабасов.

– Дайте привратнице шиллинг, – сказал Понто (который довез меня до ворот в своей коляске). – Ручаюсь, она наличных денег давненько не видывала.

Не знаю, имелось ли какое-либо основание для этой насмешки, но денежный подарок был принят с книксеном, и ворота передо мною распахнулись.

«Бедная старуха привратница, – сказал я про себя. – Ты и не подозреваешь, кого ты впустила: историографа снобов!»

Мы миновали ворота. Сырая зеленая пустыня парка простиралась направо и налево, ограниченная бесконечной серой и холодной стеной, и сырая, длинная и прямая дорога

вела к замку между двумя мокрыми рядами громадных унылых лип. Посредине парка – большой черный водоем, или озеро, ощетилившееся тростниками и кое-где покрытое пятнами вроде горохового супа. Облупленный храм высится посреди этого прелестного озера на островке, к которому можно подъехать на гнилой барке, покоящейся в развалинах лодочного сарая. Купы вязов и дубов усеивают плоскую зеленую луговину. Все они давно были бы срублены, если б маркизу было дозволено сводить лес.

По этой длинной аллее Снобограф шествовал в одиночестве. На семьдесят девятом дереве с левой стороны повесился разорившийся мясник. Я нисколько не удивился такому его поступку – очень уж скорбное и печальное впечатление производило это место. Так что мили полторы я шел в одиночестве – и думал о смерти.

Я забыл сказать, что дом оставался на виду во все время дороги, – кроме той минуты, когда его заслонили деревья на жалком островке посреди озера, – гигантский дворец красного кирпича, прямоугольная закоптелая громада. По четырём его углам высятся четыре каменные башни с флюгерами. Посредине величественного фасада – высокий ионический портик, к которому ведет просторная, пустынная, устрашающая лестница. Ряды черных окон, обделанных в камень, тянутся с обеих сторон портика – справа и слева в трех этажах, по восемнадцати окон в каждом ряду. И дворец и лестницу вы можете видеть в альбоме «Виды Англии и Уэльса» – с че-

тырьям золочеными каретами на усыпанной гравием дороге и с группами дам и господ в париках и кринолинах на уютных для подъема ступенях лестницы.

Но эти лестницы в чертогах знати строились вовсе не для того, чтобы по ним ходить. Первая леди Карабас (они всего восемьдесят лет числятся в «Книге пэров»), если б она вышла из золоченой кареты во время ливня, промокла бы до костей, не поднявшись и до половины дороги к украшенному резьбой ионическому портику, который охраняют одни только унылые статуи Мира, Довольства, Благочестия и Патриотизма. В эти дворцы попадают с черного хода. «Таким путем и Карабасы пролезли в пэры», – заметил после обеда мизантроп Понто.

Итак, я позвонил в колокольчик у низенькой боковой дверцы: он зазвенел, задребезжал и долго-долго раскатывался эхом, пока наконец чье-то лицо, как будто домоправительницы, не выглянуло в дверь, и тогда, увидев, что рука у меня в жилетном кармане, она мне открыла. Бедная, одинокая домоправительница, подумал я. Мисс Крузо на ее необитаемом острове и той, наверно, не так тоскливо. Дверь хлопнула, и я очутился в замке Карабасов.

– Боковой вход и сени, – сказала домоправительница. – Аллигатора, что над камином, привез адмирал Сент-Майклз, когда служил капитаном у лорда Энсона. Герб на стульях – это герб семейства Карабас.

В сенях было довольно уютно. Стуча башмаками, мы

поднялись по чистой каменной лестнице в задний коридор, оживленный рваным светло-зеленым киддерминстерским ковром, и вышли в

Большой зал

– Большой зал имеет семьдесят два фута в длину, пятьдесят шесть – в ширину и тридцать восемь – в высоту. Резьба на каминных изображениях рождение Венеры и Геркулеса, Гиласа работы Ван Чизлома, самого знаменитого скульптора своего времени и своей страны. Потолок работы Калиманко представляет Живопись, Хитектуру и Музыку (вон та голая женщина с шарманкой), – они вводят Джорджа, первого лорда Карабаса, в храм муз. Над окнами лепка работы Вандерпутти. Полы патагонского мрамора, а люстру, что посередине потолка, подарил Лайонелю, второму маркизу, Людовик Шестнадцатый, тот, которому французы голову отрубили во время революции. А теперь мы входим в

Южную галерею

Сто сорок восемь футов в длину и тридцать два в ширину. Галерея очень богато разукрашена самыми что ни на есть лучшими картинами. Сэр Эндрю Кац, основатель фамилии Карабасов и банкир принца Оранского – Неллер. Ее милость, нынешняя леди Карабас – Лоуренс. Лорд Сент-Майклз, той же работы, – в бархатных штанах, сидит на камне. Моисей в тростниках – тростник как живой, – Поль Поттер. Туалет Венеры – Фантаски. Фламандские пьяницы – Ван Джиномс. Юпитер с Европией – де Горн. Большой канальный вокзал в Венеции – Скандалетто, итальянские бандюги – Сорвата Роза...

И почтенная женщина продолжала объяснения, переходя из комнаты в комнату, из голубой комнаты – в зеленую, из зеленой – в большую гостиную, из большой гостиной в гобеленовый будуар, осторожно приподнимая коричневую холстинку, чтобы показать цвет поблекших, траченных молью, потертых и мрачных старинных драпировок.

Наконец мы дошли до спальни ее светлости. В центре этого мрачного покоя – кровать размерами чуть поменьше одного из тех храмов, из которых в пантомиме появляется гений. К этому гигантскому раззолоченному сооружению надо подниматься по ступенькам, и оно так высоко, что если бы разгородить его на этажи, то спален хватило бы всему се-

мейству Карабас. Ужасная кровать! Если на одном конце ее было бы совершено убийство, то люди, спящие на другом конце, так ничего и не узнали бы о нем. Боже милостивый! Воображаю, как младший лорд Карабас в ночном колпаке, задув свечу, взбирается по этим ступенькам!

Зрелище этого обветшалого и пустырного великолепия было мне не по силам. Я бы сошел с ума, будь я этой одинокой домоправительницей в этих бесконечных галереях, в пустоте этой библиотеки, уставленной жуткими фолиантами, которые никто не решается открывать, с чернильницей на столе, похожей на гробик младенца, и унылыми портретами, сурово глядящими с холодных стен своими мертвыми глазами. Неудивительно, что Карабас редко сюда наезжает. Понадобилось бы две тысячи лакеев, чтобы сколько-нибудь оживить этот дом. Неудивительно, что кучер отказался от парика, что хозяева неплатежеспособны, а слуги погибают в этом громадном, унылом, протертом на локтях здании.

Одна семья имеет не больше права выстроить лично для себя такого рода храм, чем воздвигнуть Вавилонскую башню. Для простого смертного такое обиталище неприлично. Но, в конце концов, у бедняги Карабаса, надо полагать, не было выбора. Судьба загнала его сюда, как Наполеона на остров Св. Елены. Предположим, что нам с вами природа повелела быть маркизами. Мы бы не отказались, а приняли бы замок Карабас со всеми долгами, назойливыми кредиторами, нечестными увертками, жалкой гордостью и мошенни-

ческой роскошью.

В следующем сезоне, читая в «Морнинг пост» о великолепных увеселениях леди Карабас и глядя, как бедный старик банкрот катается верхом в Парке, я буду относиться к этим вельможам гораздо снисходительнее, чем относился до сих пор. Жалкий старик сноб! Катайся верхом и воображай, будто мир по-прежнему стоит на коленях перед династией Карабасов! Держись надменно, бедняга Банкрот Великолепный, хотя ты должен всем своим лакеям и дошел до такого унижения, что не платишь бедным лавочникам. А что касается нас, братья мои снобы, то разве нам не следует радоваться, что наш жизненный путь гораздо ровнее и глаже и что мы равно далеки и от той убийственной надменности, и от той удивительной подлости, до которой, то возносясь, то опускаясь, доходит эта несчастная жертва снобизма.

Глава XXXVI

Визит к провинциальным снобам

Как ни отменно меня приняли в «Миртах и Лаврах» (из-за несчастной ошибки миссис Понто, решившей, что я в родстве с лордом Снобингтоном, – ошибки, которую мне не разрешили исправить), это было ничто по сравнению с поклонами и раболепством, восторгами и суетой, которые предшествовали и сопутствовали визиту настоящего, живого лорда и сына лорда, товарища по оружию корнета Уэлсли Понто, офицера сто двадцатого гусарского полка, приехавшего вместе с юным корнетом из Гатлбери, где был расквартирован их аристократический полк, – то был милорд Геральдон, внук и наследник лорда Солтайра: очень еще молодой, небольшого роста, белобрысый и пропахший табаком вельможа, который вряд ли очень давно вышел из детской, однако, хотя и ответил согласием на приглашение честного майора в письме, написанном ученическим почерком, со множеством орфографических ошибок, все же, как знать, может еще оказаться знатоком греческих и римских классиков, ибо воспитывался в Итоне, где они с юным Понто были неразлучны.

Во всяком случае, если он не умеет грамотно писать, то у него множество других познаний, удивительных для его лет и роста. Он один из лучших стрелков и наездников в Англии.

На своей лошади Абракадабре он пришел первым на знаменитых Гатлберийских скачках с препятствиями. Его лошади участвуют почти во всех скачках в Англии (под чужим именем, ибо старый лорд очень строг и слышать не хочет ни о каких пари и азартных играх). Он выигрывал и проигрывал такие суммы, какими мог бы гордиться сам лорд Джордж. Ему известны все конюшни, все жокеи, все «секреты», так что он может потягаться с любым жучком на скачках в Нью-маркете. Нет и не было такого человека, который мог бы его обвести вокруг пальца, – будь то в карточной игре или в конюшне.

Хотя дедушка выдает ему весьма умеренное содержание, однако с помощью *post-obits*⁴⁹ и услужливых друзей он ухитряется жить с пышностью, подобающей его рангу. Он не слишком отличался в драках с полицейскими – для этого у него маловато силенок. Зато как легковес он не имеет себе равных. Говорят, что он первоклассный бильярдист. Он пьет и курит не меньше двух самых рослых офицеров в его полку. Кто знает, как далеко он может пойти с такими талантами? Он еще, чего доброго, займется политикой в виде *délassement*⁵⁰ и станет премьер-министром, сменив лорда Джорджа Бентинка.

Мой молодой друг Уэлсли Понто – длинный и костлявый

---

⁴⁹ Долговых расписок (*лат.*) – с обязательством уплатить из будущего наследства.

⁵⁰ Отдыха (*франц.*).

юнец с бледным лицом, обильно усеянным прыщами. Он постоянно теревит что-то на подбородке, из чего я заключаю, что он воображает, будто у него там растет аристократическая эспаньолка. Кстати сказать, это не единственное в их семействе поползновение на аристократизм. Конечно, он не может предаваться тем дорогостоящим забавам, из-за которых так уважают его аристократического друга. Уэлсли не стесняясь держит пари на скачках, когда он при деньгах, ездит верхом, когда кто-нибудь одолжит ему лошадь (ибо ему самому по средствам только полковые кони). Что касается выпивки, то в этом он никому не уступит; и как бы вы думали, для чего он привез своего родовитого друга в «Мирты и Лавры»? А вот для чего: он намеревался упросить свою матушку, чтобы та приказала отцу уплатить его долги, а в присутствии такого высокого гостя она никак не сможет ему отказать. Все это молодой Понто сообщил мне с самой пленительной откровенностью. Мы с ним старые друзья: я, бывало, дарил ему монетки, когда он учился в школе.

– Ей-богу, – говорил Уэлсли, – служить в нашем полку дьявольски дорого. Надо, знаете ли, охотиться. А ежели не охотиться, то нельзя оставаться в полку. Обедать у нас в полку стоит бешеных денег. А надо обедать со всеми. Надо пить шампанское и кларет. Мы не какая-нибудь пехота, портвейном и хересом у нас не обойдешься. Обмундирование чего стоит – просто ужас. Фицстульц, наш полковник, требует, чтобы были одеты как следует. Должно же, знаете ли, быть

какое-то отличие от других. Фицстульц переменял за свой счет султаны на касках у солдат (вы еще их прозвали «кисочки для бритья», дружище Сноб; кстати сказать, с вашей стороны и неумно и несправедливо так придирайтесь): одна эта мера обошлась ему в пятьсот фунтов. В позапрошлом году он сменил полковых коней за неслыханную цену, и с тех пор мы называемся «Собственные Ее Величества Пегие». Видели нас на параде? Сам император Николай заплакал от зависти, когда посмотрел на нас в Виндзоре. И понимаете ли, – продолжал мой юный друг, – я привез с собой Геральдона из-за того, что родитель уж очень туго раскошеляется; он уговорит мою мамашу, а та с отцом что хочешь сделает. Геральдон ей рассказал, что я у Фицстульца первый любимец из всего полка, и она, ей-богу, поверила, будто мне конная гвардия ни за что ни про что даст кавалерийский взвод! А родителю он наплел, будто бы я первый скряга во всей армии. Ловко сочинил, а?

Тут Уэлсли оставил меня и пошел с лордом Геральдоном в конюшню выкурить сигару и потешиться над отцовскими лошадьми в присутствии и при участии Страйпса. Молодой Понто вместе со своим другом смеялся над почтенной старой коляской, но, как видно, был изумлен, когда тот стал еще пуще издеваться над древним экипажем постройки 1824 года, с огромными гербами Понто и Снэйли (Снэйли – аристократический род, из которого происходит миссис Понто).

Я нашел беднягу Понто в его кабинете среди сапог, в та-

кой угнетенной и горестной позе, что не мог удержаться от участливого вопроса.

– Посмотрите! – сказал несчастный, протягивая мне некий документ. – Это уже вторая смена обмундирования с тех пор, как мальчик в армии, а ведь он вовсе не транжира. Лорд Геральдон говорил мне, что Уэлсли – дай ему бог здоровья – самый бережливый из молодежи их полка. Но посмотрите вот на это! Черт возьми, Сноб, посмотрите вот на это и скажите, как тут человеку с девятью сотнями дохода не обанкротиться?

Он всхлипнул, передавая мне документ через стол; и его морщинистое лицо, старые плисовые штаны, измятая охотничья куртка и тощие ноги показались мне после этих слов еще более жалкими, нищенскими, изношенными и замученными.

**Поручику Уэлсли Понто,
Сто двадцатого полка
Пегих Ее Величества гусар
от Кнопфа и Штекнаделя
Кондит-стрит. Лондон**

	фунты	пиналинги	пенсы
Парадный доломан, богато расшитый золотом	35	0	0
То же, ментик, отороченный собольим мехом	60	0	0
Повседневный доломан, расшитый золотом	15	15	0
То же, ментик	30	0	0
Парадные панталоны	12	0	0
То же, рейтузы с золотыми лампасами	6	6	0
То же, повседневные	5	5	0
Синий мундир со шнурами	14	14	0
Фуражка	3	3	0
Парадная каска с золотой отделкой, с султаном и цепочкой	25	0	0
Пояс с отделкой чеканного золота	11	18	0
Сабля	11	11	0
Португез с ташкой	16	16	0
Патронташ с ремнем	15	15	0
Темяк	1	4	0
Плащ	13	13	0
Переметная сума	3	13	6
Армейского образца седло	7	17	6
То же, уздечка с прибором	10	10	0
Чепрак со всеми принадлежностями	30	0	0
Пара пистолетов	10	10	0
Черная овчина с обшивкой	6	18	0
Итого:	347	8	0

В тот вечер миссис Понто и все семейство заставили своего любимчика Уэлсли дать полный, правдивый и как можно более подробный отчет обо всем, что происходило у лорда Фицстульца: сколько лакеев прислуживало за обедом, и

как были одеты дамы семейства Шнейдер, и что сказал его королевское высочество во время охоты, и кто еще там присутствовал?

– Какое утешение иметь такого сына! – вздохнула миссис Понто, когда мой прыщавый юный друг ушел с Геральдоном продолжать занятие курением в опустевшей кухне; и разве я смогу когда-нибудь забыть, какое мрачное и полное отчаяния лицо было в ту минуту у бедняги Понто?

О вы, родители и опекуны! О вы, здравомыслящие англичане! О вы, законодатели, что скоро соберетесь на сессию парламента! Перечтите еще раз этот счет от портного – перечтите этот бессмысленный список идиотских побрякушек и мишуры, достойной украшать маньяка, – и скажите, как сможете вы избавиться от снобизма, когда общество делает все, чтобы он процветал?

Триста сорок фунтов на седло и штаны для мальчишки! Клянусь честью, я бы скорее согласился быть готтентотом или шотландцем. Мы смеемся над беднягой Жако, обезьянкой, пляшущей в мундире, или над несчастным лакеем Джимсом и его подрагивающими ляжками в плюшевых рейтузах, над чернокожим маркизом Мармелад, который, нацепив эполеты и саблю, воображает себя фельдмаршалом. Но помилуйте! Разве какой-нибудь Пегий Ее Величества, в полном параде, не такой же чудовищный урод и глупец?

Глава XXXVII

Провинциальные снобы

Наступил в конце концов счастливый день в «Миртах и Лаврах», когда меня должны были представить тем «первым фамилиям графства», которых только и удостаивали своей дружбой люди, подобные Понто. И теперь, хотя бедняга Понто только что перенес жесточайшее кровопускание по случаю новой экипировки сына и находился в ужасном, самом убийственном настроении духа, превысив свой кредит в банке и испытав гнет всяких других зол бедности; хотя за столом у него царила бутылка марсалы ценой в десять пенсов вкупе со строжайшей экономией, однако несчастному пришлось напустить на себя вид самого сердечного и искреннего радушия: с мебели были сняты чехлы, молодым девицам раздобыты новые платья, семейное серебро вынуто из-под замка и выставлено напоказ, – самый дом и все, что в нем находилось, приняло гостеприимный и праздничный вид. На кухне запылали огни, доброе вино вышло из погреба на свет божий, ученый повар уже приехал из Гатлбери стряпать всякие кулинарные мерзости. Страйпс облачился в новое платье, также и Понто, к моему изумлению, а Тамс носил свой поговичный костюм не снимая, en regimence.⁵¹

---

⁵¹ Я застал его врасплох, когда он в этом наряде пробовал подливку к ромовому

И все это ради того, чтобы похвастаться маленьким лордом, подумал я. Все это в честь глупенького, насквозь прокуренного драгунского корнета, который едва умеет нацарапать свою фамилию, тогда как выдающемуся и глубокомысленному моралисту вроде... не будем уточнять, кого... подсовывают холодную баранину и вчерашнюю свинину. Ну что ж, я перенесу эту пытку холодной бараниной, как мученик. Я прощаю миссис Понто, прощаю от всего сердца, в особенности потому, что, вопреки всем ее намекам, не собираюсь перебираться куда бы то ни было из лучшей в доме спальни, но стою на своем, крепко уцепившись за ситцевый полог, и готов поклясться, что маленькому лорду Геральдону, как человеку молодому и более выносливому, будет очень удобно и в какой-нибудь другой комнате.

Большой банкет у Понто прошел весьма торжественно. Приехали Хобаки в своей семейной карете, сплошь расписанной гербами с изображением кровавой руки; их человек в желтой ливрее прислуживал, по провинциальному обычаю, за столом и был превзойден в великолепии только лакеем баронета Хипсли, представителя оппозиции, в голубой ливрее. Две старенькие леди Фицозноб прибыли в старенькой коляске на толстых старых вороных, с толстым кучером и толстым лакеем (почему это у вдовствующих дам лошади и лакеи всегда бывают толстые?). А вскоре после прибытия этих особ с их каштановыми накладками, красными носами и в красных

кексу, собственноручно приготовленную миссис Понто для услаждения гостей.

турбанах последним из приглашенных явился его преподобие достопочтенный Лайонель Фасоль одновременно с генералом и генеральшей Саго.

– Мы приглашали лорда и леди Фредерик Хоулет, но у них в «Ветке Плюща» гостят знакомые, – сказала мне миссис Понто, – а Каствлахагарды только нынче утром прислали записку с извинением, что не могут приехать, потому что у ее светлости приступ ангины. – Между нами говоря, у леди Каствлахагард всегда начинается ангина, когда в «Миртах и Лаврах» дают обед.

Если принимать у себя избранное общество – счастье для женщины, то, конечно, в этот день моя любезная хозяйка миссис Понто была счастлива. Все присутствующие (за исключением жалкого самозванца, якобы родственника Снобингтонов, и генерала Саго, который вывез на родину бог знает какие миллионы рупий из Индии) были в родстве с пэрами и баронетами. Исполнилось заветное желание миссис Понто. Даже если б она сама была графская дочь, разве могла бы она надеяться на лучшее общество? А ведь ее родня торговала маслом в Бристоле, что было очень хорошо известно всем ее друзьям.

В душе я проклинал вовсе не обед, на этот раз обильный и довольно вкусный, – а убийственную скуку застойной беседы. О любезные мои братья, снобы из Сити, если мы любим друг друга не больше, чем наши провинциальные собратья, то, по крайней мере, доставляем друг другу больше удо-

вольствия; если мы скучаем в одиночестве, то нас хотя бы не приглашают в гости за десять миль, чтобы мы скучали и там!

Хипсли, например, живут в десяти милях к югу от «Миртов и Лавров», а Хобаки – в десяти милях к северу; они магнаты в двух разных избирательных округах графства Мангелвурцельшир. Хипсли, старый баронет с обремененным долгами поместьем, не стесняется открыто выражать свое презрение к Хобаку, человеку в этих местах новому и очень богатому. Хобак, со своей стороны, относится свысока к генералу Саго, а тот считает семейство Понто немногим лучше нищих.

– Надеюсь, старая леди Бланш оставит что-нибудь своей крестнице, моей второй дочке, – говорит Понто, – мы все чуть не отравились, принимая старухино лекарство.

Леди Бланш и леди Роза Фицозноб имеют вкус – одна к медицине, а другая к литературе, и я склонен думать, что у первой, в тот день, когда я имел счастье с ней познакомиться, был обмотан вокруг тела мокрый компресс. Она лечит всех соседей в округе, коей служит украшением, и все лекарства пробует на себе самой. Она явилась в суд и всенародно свидетельствовала в пользу Сент-Джона Лонга; она свято верит в доктора Бахена; универсальное лекарство Гамбужа принимала без конца, а пилюли Парра – целыми коробками. Она у многих излечивала головные боли нюхательным порошком Скуинстона; носит в браслете портрет Ханемана, а в брошке – прядь волос Присница. Она беседовала о своих собствен-

ных болезнях и о болезнях очередной жертвы с каждой из дам, начиная с моей хозяйки и кончая мисс Уирт, причем отводила каждую в уголок и там нашептывала им о бронхите, гепатите, пляске святого Витта, невралгии, цефалалгии и тому подобном. Я заметил, что бедная толстуха леди Хобак смертельно перепугалась, обсудив с ней состояние здоровья своей дочери, мисс Люси Хобак, а генеральша Саго вся пожелтела и третью рюмочку мадеры поставила на стол нетронутой, встретив предостерегающий взгляд леди Бланш.

Леди Роза беседовала о литературе, о книжном клубе в Гатлбери: она весьма начитанна по части морских и сухопутных путешествий. Она проявила необыкновенный интерес к Борнео и выказала глубокие познания в истории Пенджаба и Мозамбика, что делает честь ее памяти. Генерал Саго, полнокровный старик, который сидел, погрузившись в непробудное молчание, при упоминании Пенджаба вдруг словно очнулся от летаргии и развлек общество описанием охоты на диких кабанов. Я заметил, что ее милость обращалась довольно презрительно со своим соседом, его преподаваем Лайонелем Фасоль, молодым человеком духовного звания, за передвижениями которого вы можете проследить по душеспасительным брошюркам ценою в полкроны за сотню, которые дождем сыплются у него из карманов, куда бы он ни направился. Я видел, как он дал мисс Уирт целую охапку «Маленькой прачки на Патнейском лугу», а мисс Хобак – дюжины две брошюрок «Мясо на лотке, или Спасение ду-

ши юного мясника»; при посещении Гатлберийской тюрьмы я видел двух известных воров и бродяг, которые дожидались суда (коротая время игрой в криббедж), – им его преподобие хотел было подарить душеспасительную книжечку во время прогулки по Крекшинскому лугу; они же отняли у него кошелек, зонтик и батистовый носовой платок, а душеспасительные книжонки оставили ему, чтоб подарил кому-нибудь другому.

Глава XXXVIII

Визит к провинциальным снобам

– Любезный мистер Сноб, почему же вы так долго гостили в «Миртах и Лаврах», – спросила меня одна молодая особа, аристократка из самого высшего общества (которой я свидетельствую свое почтение), – если там все насквозь пропитано снобизмом, если свинина вам надоела, а баранина пришлась не по вкусу, если миссис Понто оказалась хвастуньей и притворщицей, а мисс Уирт изводила вас своей ужасной игрой на фортепианах?

– Ах, мисс, что за вопрос? Разве вы никогда не слышали о доблестных британских воинах, берущих приступом батареи, о докторам, проводящих ночь в чумных лазаретах, и о других примерах самопожертвования? Как вы полагаете, чего ради английские джентльмены шли две с половиной мили к батареям Собраона, в то время как сто пятьдесят грохочущих пушек косили их сотнями, – уж, разумеется, не ради удовольствия. Что заставляет вашего почтенного батюшку после обеда покидать свой уютный дом и далеко за полночь корпеть в конторе над скучнейшими юридическими документами? Долг, сударыня, долг, который равно обязаны исполнять и военный, и юрист, и литератор. Люди нашей профессии во многих отношениях мученики. (Спросите сэ-

ра Эдварда Джорджа, графа Литтон Бульвер-Литтона, так ли это, а если не его, то любого другого прославленного сочинителя.)

Вы этому не верите? Ваши розовые губки недоверчиво кривятся – очень гадкое и неприятное выражение для молоденькой девушки. Ну что ж, не скрою, дело в том, что поскольку в моей квартире (дом № 24, Колодезный Двор, Темпл) шел ремонт, а у миссис Сламкин, моей уборщицы, нашлась возможность съездить в Дэрхем навестить замужнюю дочку, которая недавно подарила ей обворожительного маленького внука, – то самое лучшее для меня было провести несколько недель на лоне природы. Да, но каким очаровательным показался мне Колодезный Двор, когда я вновь увидел хорошо знакомые колпаки на печных трубах! *Carì luoghi!*⁵² О дым и копоть, привет вам, привет!

Но если вы полагаете, сударыня, будто в предшествующем этим строкам рассказе о семействе Понто нет морали, то вы жесточайшим образом заблуждаетесь. Именно в этой самой главе у нас и будет мораль – да ведь и все наши очерки не что иное, как мораль, ибо в них объясняется, какое это безумие быть снобом.

Вы заметите, что в провинциальной Снобографии для публичного обозрения был выставлен преимущественно мой бедный друг Понто, – а почему? Потому что мы не были ни в чьем другом доме? Потому что в других домах нас

---

⁵² Милые сердцу места! (*итал.*)

не приглашали к семейному столу? Нет, нет, сэра Джон Хобак из поместья «Колючая Изгородь», сэра Джон Хипсли из «Шиповника» не закрывали перед нами своих гостеприимных ворот; об индийском супе генерала Саго я могу судить по личному опыту. А обе пожилые леди из Гатлбери – разве их вы не считаете ни во что? Неужели вы думаете, что там не встретили бы с радостью симпатичного, веселого молодого человека, которого мы из скромности не назовем? Разве вы не знаете, что провинциалы *всякому* будут только рады?

Но эти почтенные особы не входят в план настоящей работы и не играют важной роли в нашей драме из жизни снобов, совершенно так же, как на театре короли и императоры и вполтину не так важны, как многие скромные люди. Венецианский дож, например, стушевывается перед Отелло, который всего-навсего мавр, а французский король – перед Фальконбриджем, дворянином не бог весть какого знатного происхождения. Так же обстоит дело и с названными выше благородными персонажами. Я отлично помню, что кларет у Хобака был далеко не так хорош, как у Хипсли; напротив того, вино «Белый Эрмитаж» у Хобака было выше всяких похвал (кстати сказать, дворецкий каждый раз наливал мне всего полбокала). И разговоры я тоже помню. Ох, сударыня, до чего же они были глупые! О вспашке подпочвы; о фазах и браконьерах; о склоке из-за кандидата от графства на ближайших выборах; о том, что граф Мангельвурцельширский не ладит со своим родичем и ставленником, достопо-

чтенным Мармадюком Томподди; все это я мог бы записать, если б намеревался разгласить тайны частной жизни; мог бы, конечно, записать и разговоры о погоде, о большой охоте, куда съезжалось все графство; о новых удобрениях и, разумеется, о яствах и питиях.

Но *cui bono?*⁵³ Снобизм у этих беспросветно глупых и весьма почтенных семей совсем не того рода, который мы задались целью разоблачить. Бык есть бык – объемистая, неуклюжая, толстобокая, мычащая, чавкающая говядина. Он задумчиво жует жвачку, как велит ему природа, истребляет положенное ему количество брюквы и жмыхов, до тех пор пока не настанет для него пора уйти с пастбища, освободив место другим зычно мычащим и толстобоким животным. Быть может, мы не питаем уважения к быку. Мы скорее терпим его. Сноб, дорогая моя, есть та лягушка, которая возмечтала сравняться с быком. Забросаем же камнями это глупое животное, чтобы оно опомнилось.

Вот перед вами мой несчастный друг Понто, добродушный, любезный английский джентльмен, не слишком умный, но и не дурак, – любящий портвейн, свое семейство, сельские удовольствия и сельское хозяйство, гостеприимный, имеющий такой уютный наследственный домик, какого только можно пожелать, и годовой доход в тысячу фунтов. Доход не ахти какой, но *entre nous*, можно прожить и на меньшую сумму и даже не бедствовать.

---

⁵³ Кому это нужно? (*лат.*)

Возьмем, например, хоть того же доктора, которого миссис Понто не удостоивает визитом: этот человек растит чудесное семейство и любим всеми бедняками на много миль в округе; он дарит им портвейн для укрепления здоровья и пользуется их бесплатно. А как эти люди могут жить на свои жалкие средства – просто уму непостижимо, по словам миссис Понто.

Или есть еще пастор, доктор Кризостом, – миссис Понто говорит, будто они поссорились из-за его еретических воззрений, однако мне намекнули, что вовсе не из-за того, – миссис Кризостом будто бы больше уважают у Хобаков; сколько пастор получает с прихода, вы можете в любой день узнать из «Церковного справочника», но сколько он раздает, вы не знаете.

Это признает даже его преподобие Фасоль, в чьих глазах стихарь доктора Кризостома – еретическая мерзость; да и сам Фасоль на свой лад повинуется долгу пастыря и оделяет людей не только душеспасительными книжечками и беседами, но и деньгами из собственного кармана. Кстати сказать, так как он сын лорда, то миссис Понто крайне желательно, чтобы он женился на той из ее дочек, которую не выберет лорд Геральдон.

Так вот, хотя доходов у Понто почти столько же, сколько у трех этих достойных людей, вместе взятых, о сударыня, если бы вы видели, в какой нужде живет этот бедняга! Какой арендатор может рассчитывать на его снисходитель-

ность? Какой бедняк может надеяться на его щедрость?

– Хозяин такой человек – лучше не бывает, – говорит честный Страйпс, – а когда мы с ним были в полку, так и щедрей его не было. Ну, а хозяйка до того прижимистая, я только дивлюсь, чем у нас барышни живы.

Живы они тем, что у них самая лучшая гувернантка и самые лучшие учителя, и платья им шьет собственная модистка леди Карабас, и братец у них ездит на охоту с лордами; и тем, что в «Миртах и Лаврах» бывают только первые фамилии графства, а миссис Понто считает себя образцовой женой и матерью и одним из чудес света именно потому, что на тысячу фунтов в год развела весь этот снобизм, и скряжничает, и лицемерит.

Какое это было неизъяснимое удовольствие, сударыня, когда Страйпс погрузил мой портплед в старую коляску и отвез меня (поскольку беднягу Понто схватил ишиас) в Гатлбери, в гостиницу «Герб Карабасов», где мы и простились. В общем зале собралось несколько вояжеров: один толковал о делах своей фирмы, другой – насчет обеда, третий – про дорожные гостиницы, – разговор не слишком возвышенный, но простой и дельный, ничуть не глупее разговора провинциальных дворян, и, о боже, насколько же это приятнее было слушать, чем фокусы мисс Уирт на фортепианах или жеманную болтовню миссис Понто о высшем свете и первых фамилиях графства!

Глава XXXIX

Снобиум коллекциум (Собрание снобов)

Замечая, какое сильное впечатление эти очерки производят на образованную публику, я начинаю крепко надеяться, что в скором времени у нас в газетах появится отдел снобов, такой же, как ныне существующие отделы полицейской и судебной хроники и придворных известий. Когда на свете происходит нечто вопиющее – драка с переломом костей или нарушение закона о бедных, – кто вопиет об этом так красноречиво, как «Таймс»? А ежели случится какое-нибудь грубейшее проявление снобизма, почему бы возмущенному журналисту не привлечь внимание общества и к этому преступлению?

Вот, например, как оценить с точки зрения снобизма удивительный случай с графом Мангельвурцелем и его братом? Не говоря уже о грубости, взаимном запугивании, хвастовстве, полной безграмотности, взаимных обвинениях и опровержениях, о вызовах, отводах и опровержениях, изобилующих в братской распре, – оставив в стороне все то, что касается лишь данного вельможи и его родича, к личным делам которых мы не имеем никакого отношения, подумаем только, до чего развращенным, до чего подлым и подхалим-

ским, словом, до чего же снобистским должно быть все графство, если оно не могло найти себе лучших главарей или лидеров, чем эти два джентльмена. «Чтобы человек представлял нас в парламенте, – как бы говорит это великое графство, – нам не требуется, чтобы он умел писать грамотно или чтоб он выражался вежливо, как подобает христианину, чтобы вел себя пристойно, не требуется даже обыкновенного здравого смысла. Нам требуется только, чтоб его рекомендовал граф Мангельвурцельширский. А от самого графа Мангельвурцельширского нам требуется только, чтобы он имел пятьдесят тысяч годового дохода и устраивал псовые охоты». О вы, гордость всей Снобландии! О вы, низкопоклонники и подхалимы, откровенные лакеи и паразиты!

Но мы становимся слишком свирепы; не будем забывать о простой вежливости и о том шутовском и чувствительном тоне, в котором мы доселе вели беседу с любезным нашим читателем. Так вот, снобизмом насквозь проникнуты и маленький общественный фарс, и большая государственная комедия, и к ним пристегнута одна и та же мораль.

Например, в газетах была напечатана заметка об одной молодой особе, которая, будучи введена в заблуждение гадалкой, взяла и отправилась в Индию и даже проделала часть пути (кажется, доехала до Бэгниг-Уэлза) в погоне за обещанным ей мужем. Неужели вы думаете, что эта простая душа бросила бы свою лавочку ради мужчины ниже себя рангом или ради кого-нибудь ниже души-капитана в красном мун-

дире с эполетами? Снобизм и тщеславие ввели ее в заблуждение и сделали жертвой мошенницы-гадалки.

Второй случай произошел с мадемуазель де Согреню, «интересной молодой француженкой с черными как смоль кудрями», которая жила бесплатно на полном пансионе в Госпорте, потом ее перевезли в Фэрем, тоже даром; и там, отдыхая на кровати доброй старушки, которая приютила ее, эта милая девушка, улучив минутку, распорол матрас, украла копилку и сбежала с ней в Лондон. Чем вы объясните удивительное благодушие, проявленное к интересной молодой француженке? Неужели ее кудрями и прелестным личиком? Что вы! Да разве дамы любят себе подобных за миловидные личики и черные кудри? Она назвалась родственницей лорда де Согреню; рассказывала про ее светлость, свою тетушку, и про себя как члена семьи де Согреню. Простаки-хозяева и гости пансиона сразу пали к ее ногам. Добрые, честные, простодушные, любящие лордов дети Снобландии!

Наконец, был еще случай с «высокородным мистером Верноном», в Йорке. «Высокородный» был сыном вельможи и сначала обрабатывал одну старушку. У нее он получал обеды, деньги, носильное платье, серебряные ложки, безграничное доверие и полный комплект нового белья. Потом он забросил свою сеть на целое семейство: папашу, мамашу и дочек, одной из которых он сделал брачное предложение. Папаша давал ему займы, мамаша готовила для него варенья и соленья, дочери соперничали одна с другой, стряпая

для «высокородного» обеда, – и чем же все это кончилось? В один прекрасный день изменник сбежал, захватив чайник и корзину с холодной закуской. Звание «высокородный» и было приманкой на крючке, который заглotalи эти жадные простаки-снобы. Разве их мог бы провести человек простого звания? Какая старушка, дорогой мой сэръ, взяла бы нас с вами к себе, как бы плохо нам ни приходилось, и стала бы нас утешать, и одевать, и наделять деньгами и серебряными вилками? Увы, увы! Какой смертный, ежели он привержен правде, может рассчитывать на такую квартирную хозяйку? Однако же все эти примеры легковерного и любвеобильного снобизма попались нам на глаза в течение одной недели, а кто знает, сколько еще таких случаев было отмечено в газетах?

Не успели мы изложить все эти соображения, как нам принесли хорошенькую записочку, с хорошенькой бабочкой вместо печати, с почтовым штемпелем Северной Англии – и следующего содержания:

Ноября 19-го

«Мистер Панч!

Весьма интересуюсь Вашими очерками о Снобах, мы очень хотели бы знать, к какому разряду этого почтенного братства Вы нас отнесете.

Нас три сестры, от семнадцати до двадцати двух лет. Отец наш, *честное слово*, очень хорошего рода (Вы скажете, что упоминать об этом – снобизм, но я хочу просто отметить это обстоятельство), а наш дедушка с

материнской стороны был графом.⁵⁴

Наши средства позволяют нам выписывать и *Вас*, и все романы Диккенса, как только они выходят в свет, но в доме у нас нет ни «Книги пэров», ни даже «Книги баронетов».⁵⁵

Мы живем в полном достатке, у нас превосходный погреб, и т. д., и т. д., но держать дворецкого нам не по средствам, и за столом прислуживает опрятная горничная (хотя наш отец был военный, много путешествовал, вращался в лучшем обществе, и т. д.). У нас есть кучер и его подручный, но мы их не заставляем носить пуговицы и прислуживать за столом, как Страйпс и Тамс.⁵⁶

Мы относимся к титулованным особам совершенно так же, как и к простым людям без титулов. Мы носим самые умеренные кринолины⁵⁷ и никогда не ленимся по утрам⁵⁸. Едим мы очень хорошо и сытно *на фарфоре* (хотя у нас есть и серебро)⁵⁹, и нисколько не хуже без гостей, чем при гостях.

Так вот, дорогой мистер Панч, будьте настолько

---

⁵⁴ Боюсь, что упоминание о дедушке есть все-таки снобизм.

⁵⁵ Bravo! «Карманный справочник Панча» – вот что им нужно, и эти милые барышни получают экземпляр бесплатно.

⁵⁶ Это – как вам угодно. Я не возражаю против пуговиц в умеренном количестве.

⁵⁷ Совершенно правильно!

⁵⁸ Вот умницы-то!

⁵⁹ Снобизм! И я сомневаюсь, следует ли вам обедать без гостей так же хорошо, как и при гостях. Этак вы избалуетесь.

любезны, ответьте нам в следующем Вашем номере, хотя бы очень коротко, и мы Вам будем так благодарны. Никто не знает, что мы Вам пишем, даже наш батюшка; и мы больше не будем Вам надоедать⁶⁰, если только Вы ответите нам, – хоть просто ради шутки, ну, пожалуйста!

Если Вы дочитаете мою записку до этого места, что очень сомнительно, то, верно, бросите ее в огонь. Если бросите – что же делать; но характер у меня жизнерадостный, и я всегда надеюсь на лучшее. Во всяком случае, я с нетерпением буду ждать воскресенья, потому что Вы к нам попадаете в этот день, и хоть стыдно признаться, но мы никак не можем удержаться и распечатываем Вас еще в коляске, когда едем из церкви.⁶¹

Остаюсь, и т. д., и т. п., за себя и за сестер.

Извините мои каракули, но я всегда пишу как попало, не задумываясь.⁶²

P. S. На прошлой неделе Вы были что-то не очень остроумны, как по-Вашему?⁶³ Мы не держим лесника, но дичи для наших друзей-охотников всегда много, несмотря на браконьеров. Мы никогда не пишем на надушенной бумаге, – короче говоря, если б Вы с нами познакомились, то, мне кажется, не назвали бы нас

---

⁶⁰ Мы любим, чтоб нам надоедали; но все-таки скажите папе.

⁶¹ О подвязки и звезды! А что скажут на это капитан Гордон и Эксетер-холл?

⁶² Какая милая восторженность!

⁶³ Мисс, еще никогда в жизни вы так не ошибались.

снобами».

На это я ответил следующим образом:

«Мои милые барышни, по почтовому штемпелю я узнал ваш город и буду там в церкви через воскресенье; и тогда не откажите в любезности нацепить на ваши шляпки тюльпан или другой пустичок в этом роде, чтобы я вас узнал. Меня вы узнаете по костюму: скромный молодой человек в белом пальто, малиновом атласном галстуке с изумрудной булавкой, в светло-синих панталонах и в сапогах с лаковыми носками. На белой шляпе у меня будет черный креп, а в руках – моя всегдашняя бамбуковая трость с богато позолоченным набалдашником. Очень жаль, что за эти две недели я не успею отрастить себе усы.

От семнадцати до двадцати двух лет! Боги! Какой возраст! Мысленно я вижу вас всех трех, милые мои девушки. Семнадцать лет мне больше подходят: это ближе всего к моему собственному возрасту. Я не говорю, что двадцать два – слишком много, нет-нет. А эта прелестная, шаловливая, скромная средняя цифра! Молчи, молчи, глупое, трепетное сердце!

Вы – снобы, милые девушки? Да всякому, кто это скажет, я глаза выцарапаю! Ничего нет плохого в том, что вы хорошего рода. Вы же в этом не виноваты, бедняжки. Что в имени? И что в титуле? Откровенно признаюсь, я и сам ничего не имел бы против герцогского титула, и, между нами говоря, нога у меня не так уж плоха для Подвязки, бывают много хуже.

Вы – снобы, милые, добродушные создания? О нет! То есть я надеюсь, что нет, полагаю, что нет, я бы не стал утверждать наверное, – ведь никто из нас не может быть уверен, что мы не снобы. Эта самая уверенность отдает надменностью, а быть надменным – значит быть снобом. Во все общественные слои, от раба до тирана, природой включено удивительное и многоликое порождение, а именно снобы. Но разве нет на свете добрых натур, нежных сердец, душ смиренных, простых и любящих правду? Подумайте хорошенько над этим вопросом, милые барышни. И если вы сможете ответить на него – а вы, несомненно, сможете, то вы будете счастливы, и счастлив будет почтенный Герр Папа, и счастливы те три представительных молодых человека, которым вскоре предстоит стать свояками».

Глава XL

Снобы и брак

Каждый человек среднего сословия, который совершает свой жизненный путь, сочувственно относясь к дорожным товарищам, во всяком случае, каждый, кому пришлось потолкаться по свету лет пятнадцать-двадцать, не мог не накопить множества печальных размышлений о судьбе тех несчастных, которых общество, то есть снобизм, каждодневно приносит в жертву. Снобизм вечно враждует и с любовью, и с простотой, и с естественной доброжелательностью. Люди не смеют быть счастливыми из боязни снобов. Люди не смеют любить из боязни снобов. Люди изнывают в одиночестве под игом снобов. Честные, добрые сердца сохнут и умирают. Доблестные и великодушные юноши, цветущие здоровьем, раздуваются, превращаясь в обрюзглых старых холостяков и, лопнув, издыхают. Вянут и чахнут, погибая в одиночестве, нежные девушки, у которых снобизм отнял то естественное право на счастье и любовь, которое дала нам всем природа. Сердце у меня разрывается, когда я вижу грубую работу этого слепого тирана. Глядя на дело его рук, я весь киплю от дешевой ярости и пылаю гневом против этого сноба. Сдавайся, безмозглый тиран, издыхай, гнусный мучитель. Выходи на бой, говорят тебе, ползучая тупая гадина. И, вооружившись

мечом и копьем, простившись с моим семейством, я вступаю в бой с этим мерзким великаном-людоедом, с этим свирепым властителем Замка Снобов, который держит в рабстве и мучает столько кротких сердец.

Когда королем станет «Панч», не будет больше ни старых дев, ни старых холостяков, – это я утверждаю. Преподобного мистера Мальтуса будут ежегодно предавать сожжению на костре вместо Гая Фокса. Тех, кто не женился и не вышел замуж, станут отправлять в работный дом. Для самого последнего бедняка будет считаться позором, если его не полюбит какая-нибудь хорошенькая девушка.

Все эти соображения пришли мне в голову после прогулки со старым приятелем, Джеком Спигготом, который как раз находится на пороге старого холостячества – понемногу превращается в старого холостяка из мужественного и цветущего юноши, каким я его еще помню. Джек был одним из самых красивых молодых людей в Англии, когда мы вместе с ним вступали в Шотландский Голый полк; но я рано ушел от «Куцых Юбок» и на много лет потерял Джека из виду.

Ах, как он переменялся с того времени! Он носит набрюшник и уже начал красить бакенбарды. Щеки у него были румяные, а теперь все в прыщах; глаза, прежде такие ясные и зоркие, теперь помутнели и цветом похожи на облупленные яйца ржанки.

– Ты женат, Джек? – спросил я, вспомнив, что он был смертельно влюблен в свою кузину Летти Ловелас, когда наш

полк, лет двадцать тому назад, стоял в Стрэтбанго.

– Женат? Нет, не женат, – ответил он. – Денег мало. На пять сотен в год и себя одного трудно прокормить, а семью – тем более. Пойдем к Дикинсону: там, милый мой, подают лучшую в Лондоне мадеру.

И мы пошли, потолковали о старых временах. Счет за обед и вино был чудовищный, и, судя по тому, сколько Джек выпил бренди с водой, видно было, что он стал настоящим пьяницей.

– Гинея, две гинеи, – сказал он. – Не все ли мне равно, сколько платить за обед?

– А что с Летти Ловелас? – спросил я.

Физиономия Джека вытянулась. Однако он тут же разразился громким смехом:

– Летти Ловелас? Она все еще Летти Ловелас; но, боже мой, такая высохшая старушонка: худа как спичка (а помнишь, какая у нее была фигура?), нос красный, а зубы голубые. И все-то она хворает, все ссорится с родней, поет псалмы да принимает пилюли. Нет, сам бог меня уберег! Выпьем-ка еще грогу, дружище!

И тут же память вернула нас к тем дням, когда Летти была самым обворожительным и цветущим юным созданием: когда от ее пения трепетало сердце в груди; а танцевала она так, что после нее не хотелось смотреть на Монтессю и Нобле (тогдашних цариц балета); когда Джек носил на груди ее локон в медальоне с золотой цепочкой и после выпивки в пол-

ковой столовой вытаскивал, бывало, этот залог любви, целовал его и громко рыдал над ним, к великой потехе красноносого старого майора и всего застолья.

– Мой родитель никак не мог столковаться с ее отцом, – сказал Джек. – Генерал ни за что не соглашался дать больше шести тысяч приданого. А мой родитель стоял на том, что без восьми тысяч дело не сладится. Ловелас послал его к черту, и нам с Летти пришлось расстаться. Я слышал, будто она совсем плоха. Этакий вздор! Ей сорок лет, крепкая и кислая, как вот эта лимонная корка. Сноб, милый мой, наливай поменьше бренди в пунш. Пунш после вина – от этого всякого развезет.

– А что ты теперь поделываешь, Джек? – спросил я.

– Вышел в отставку после смерти родителя. Матушка живет в Бате. Езжу туда раз в год на неделю. Скучища смертная. Вист по шиллингу. Четыре сестры – все не замужем, кроме младшей, – этакая обуза. В августе – Шотландия. Зимой – Италия: чертов ревматизм. В марте еду в Лондон, таскаюсь в клуб. И до у-у-утра домой мы не пойде-ом, не пойдем, пока солнце не встанет.

И вот вам крушение двух жизней! – размышлял ваш покорный слуга Снобограф, распростившись с Джеком Спигготом. Веселая, хорошенькая Летти Ловелас осталась без руля и потерпела крушение, а красавец Джек Спиггот выброшен на берег, подобно пьяному шуту Тринкуло.

Что же оскорбило Природу (чтобы не называть более вы-

сокого имени) и извратило ее добрые намерения относительно этой пары? Какой дьявольский холод убил в зародыше их взаимную любовь и обрек девушку на озлобленное бесплодие, а юношу – на эгоизм старого холостяка? Тот бесчеловечный тиран Сноб, который правит всеми нами, который повелевает: «Не люби, не имея горничной; не женись, не имея собственного выезда; да не будет тебе жены по сердцу и детей на твоих коленях без пажа в пуговицах и без французенки-бонны; горе тебе, если у тебя не будет коляски; горе тебе, если женишься бедным: общество оставит тебя, родственники станут избегать тебя, как преступника; тетушки и дядюшки твои возведут очи горе и станут плакаться, как ужасно, просто ужасно погубил себя Том или Гарри. Вы, молодая женщина, можете без стыда продать себя, выйдя замуж за старого Креза; вы, молодой человек, можете положить свое сердце и самую жизнь к ногам богатой вдовы. Но если вы бедны, горе вам! Общество, жестокий Сноб-самодержец, приговорит вас к одиночеству и гибели. Сохни, бедная девушка, в своей каморке; пропадай в своем клубе, горемычный холостяк!

При виде этих малосимпатичных отшельников, этих горе-монахов и монахинь ордена святого Вельзевула⁶⁴, моя

---

⁶⁴ Это, разумеется, приложимо лишь к тем неженатым и незамужним, которым только низменные снобистские денежные расчеты и страхи помешали исполнить свое естественное предназначение. Многие люди обречены на безбрачие не по своей вине. Издеваться над ними было бы жестоко. Да что там, после того, как обошлась с автором мисс О’Тул, он последний их осудит. Но это никого не ка-

ненависть к снобам, к их религии, к их кумирам переходит всякие границы. Послушайте, давайте свергнем этого идола, этого людоеда Джагернаута, этого омерзительного Дагона; я воспылил отвагой мальчика-с-пальчик и готов ринуться в бой с великаном Снобом.

Глава ХLI

Снобы и брак

Из превосходного великосветского романа под заглавием «Десять тысяч в год» мне запомнилось глубоко волнующее описание того, с каким христианским смирением герой, мистер Обри, переносит свои несчастья. Выразив самым цветистым и высокопарным слогом покорность судьбе и покинув свое поместье, герой, по велению очаровательного автора, приезжает в Лондон в почтовой карете парой, где сидит, надо полагать, зажатый между супругой и сестрой. Время – около семи часов вечера, по улице громяют кареты, оглушительно стучат дверные молотки, и слезы туманят ясные очи Кэт и миссис Обри при мысли о том, что в этот самый час, в более счастливые времена их милый Обри отправлялся, бывало, на обед к кому-нибудь из друзей-аристократов. Это – самая суть пассажа, изящных выражений я не запомнил. Но это благородное, высокое чувство я буду вечно лелеять и хранить в памяти. Может ли быть что-либо возвышеннее эпизода, когда родные великого человека проливают слезы над его... обедом? Какому еще автору удавалось так ярко изобразить сноба всего несколькими нечаянными штрихами?

Не так давно мы читали этот пассаж в доме моего друга

Рэймонда Грея, эсквайра, молодого адвоката без малейшей практики, но, к счастью, с большим запасом оптимизма, который помогает ему дожидаться лучших времен и юмористически относиться к своему скромному положению в обществе. Но пока это положение не изменилось, суровые законы необходимости и расходы, сопряженные с выездами на слушание дел в северной Англии, заставляют мистера Грея жить в крохотном особнячке на кривой маленькой площади, в благоуханных окрестностях Грейз-инна.

Еще более замечательно то, что с Греем живет там и его жена. Миссис Грей – урожденная мисс Харли Бейкер: нечего, я думаю, и говорить, что семья эта очень почтенная. Они в родстве с Кэвендишами, Оксфордами, Маррибоунами и держат голову по-прежнему высоко, хотя их бывшее величие несколько поблекло. Мне известно, что миссис Харли Бейкер ни за что не пойдет в церковь без лакея, несущего за ней молитвенник; а мисс Уэлбек, ее сестрица, ходит за покупками только под охраной Фигби, своего пажа в ливрее с огромными пуговицами, хотя это самая безобразная старуха во всем приходе, да еще рослая и усатая, как гренадер. Надо удивляться, как это Фанни Харли Бейкер снизошла до брака с Рэймондом Греем. Она, самая хорошенькая и надменная из всей семьи; она, которая отказала сэру Коклу Байлзу Бенгальской гражданской службы; она, которая воротила носик от Эссекса Темпла, К. А., родственника благородного дома Альбинов; она, у которой было всего четыре тысячи фунтов

pour tout potage – и вдруг вышла за человека, у которого было разве немногим больше. Услышав о таком мезальянсе, все семейство испустило негодующий и гневный вопль. Миссис Харли Бейкер упоминает теперь о своей дочери как о погибшем создании, и всегда со слезами. Мисс Уэлбек говорит: «Я считаю этого человека негодяем», – а добрейшую миссис Перкинс, у которой на балу молодые люди познакомились, она прямо объявила мошенницей.

Тем временем мистер и миссис Грей живут себе в переулке близ Грейз-инна, с одной кухаркой и нянькой, у которых полны руки хлопот, и счастливы самым возмутительным и противоестественным образом. Им бы никогда и в голову не пришло проливать слезы из-за обеда, наподобие жалобно хнычущих дам семейства Обри, моего любимого сноба из романа «Десять тысяч в год»; напротив того, они принимают скромное пропитание, ниспосылаемое им Судьбой, очень охотно и с благодарностью, – мало того, по временам даже уделяя часть этого пропитания голодному другу, – что может засвидетельствовать благодарный автор.

Стоило мне обмолвиться об этих обедах и о превосходных лимонных пудингах, которые умеет готовить миссис Грей, нашему общему знакомому, великому мистеру Голдмору, директору Ост-Индской компании, – как лицо этого джентльмена выразило близкий к апоплексии ужас, и он едва пролепетал:

– Как! Разве они дают обеды?

По-видимому, он думал, что с их стороны это преступление, – и то уже удивительно, что они вообще обедают; ему, должно быть, представлялось, что они, собравшись у кухонного очага, тайком гложут кости и заедают их сухой коркой. Когда он встречает Греев в обществе, ему удивительно (и свое удивление он выражает всегда очень громко), как это жена может появляться прилично одетой, а на муже совершенно целый фрак, без единой заплаты. Мне пришлось слышать, как он распространялся насчет их бедности перед целой аудиторией в «Клубе Поджигателей», к которому имеем честь принадлежать и мы с Греем.

Мы почти каждый день встречаемся в этом клубе. В половине пятого мистер Голдмор является на Сент-Джеймс-стрит из Сити, и вы можете видеть, как он читает вечерние газеты, сидя в фонаре окна, выходящего на Пэл-Мэл, – большой, толстый, полнокровный мужчина, в светлом жилете, с большой связкой брелоков на большом животе. У него большие карманы, битком набитые письмами агентов и документами разных компаний, где он состоит директором. На ходу все его брелоки побрякивают. Хотел бы я иметь такого дядюшку – и чтобы своих детей у него не было. Я бы его любил и нежил и был к нему очень почтителен.

В самом разгаре сезона, в шесть часов вечера, когда весь свет собирается на Сент-Джеймс-стрит, и кареты вкатываются и выкатываются со стоянки среди толчеи кебов, апатичные лица франтов с эспаньолками смотрят из окон «Клу-

ба Уайта», и вы можете видеть, как почтенные седовласые джентльмены кивают друг другу сквозь зеркальные окна «Клуба Артура», красные куртки стремятся быть Бриарями, чтобы держать под уздцы всех господских лошадей сразу; перед дворцом Мальборо маститый швейцар в красной ливрее греется на солнышке, – в этот самый оживленный час лондонского дня вы видите светло-желтую коляску, запряженную парой вороных, с кучером в тесном парике из шелка-сырца, с двумя лакеями в пудре и бело-желтых ливреях, а в коляске – солидную женщину в переливчатом шелку, пуделя, розовый зонтик; все это подъезжает к воротам «Клуба Поджигателей», выскакивает паж и докладывает мистеру Голдмору (которому это отлично известно, ибо он глядит в окно, а с ним вместе еще человек сорок клубных поджигателей):

– Коляска подана, сэр.

Голдмор кивает головой.

– Так не забудьте, ровно в восемь, – говорит он мистеру Малигатони, тоже директору Ост-Индской компании, и, взойдя в коляску и плюхнувшись на сиденье рядом с миссис Голдмор, едет сначала на прогулку в Парк, а потом домой, на Портленд-Плейс. Глядя, как коляска уносится прочь, клубные денди помоложе втайне воспаряют духом. Это как бы часть их заведения: коляска принадлежит клубу, а клуб принадлежит им. Они провожают коляску сочувственным взглядом; а в Парке смотрят на нее с полным знанием дела. Но

стоп! Мы пока еще не дошли до «Клубных снобов». О мои доблестные снобы! Какой переполох поднимется среди вас, когда вы увидите эти очерки в печати!⁶⁵

Так вот, теперь вы можете судить, что за человек этот Голдмор. Тупой и надутый Крез с Леднхолл-стрит, в общем добродушный и любезный, любезный до жестокости.

– Мистер Голдмор всегда будет помнить, – говорит его супруга, – что не кто иной, как дедушка миссис Грей командировал его в Индию, и хотя эта молодая женщина вышла замуж весьма неосмотрительно, потеряв свое положение в обществе, ее муж, кажется, очень способный и работающий молодой человек, и мы готовы сделать все от нас зависящее, чтобы ему помочь.

И они приглашают Греев на обед два-три раза в течение сезона, а для усиления любезности дворецкому Баффу приказано всякий раз нанимать одноконный экипаж, чтобы привезти их на Портленд-Плейс, а потом отвезти домой.

Разумеется, я слишком хороший друг обеих сторон, чтобы не передать Грею, какого мнения о нем Голдмор и как он был изумлен, узнав, что безработный адвокат все-таки обедает. Фраза Голдмора насчет Грея даже стала ходячей шуткой среди нас, клубных остряков, и мы, бывало, спрашивали Грея, когда он в последний раз пробовал мясо, не отнесли ли к нему домой каких-нибудь остатков от обеда, и вообще

---

⁶⁵ Они закончены и находятся в верных руках. Так что убивать меня бесполезно. Все равно они будут напечатаны.

подтрунивали над ним на все лады.

И вот как-то раз, возвратившись домой из клуба, мистер Грей сообщил своей супруге удивительную новость: он пригласил Голдмора на обед.

– Дорогой мой, как ты можешь так жестоко шутить? – с дрожью в голосе сказала миссис Грей. – Да ведь миссис Голдмор не уместится в нашей столовой.

– Успокойтесь, миссис Грей; ее милость в Париже. Приедет только сам Крез, а потом мы поедем в театр – в «Сэдлерс-Уэлз». Голдмор говорил в клубе, что Шекспир, по его мнению, великий драматический поэт и ему следует оказывать покровительство. От таких его слов я вспылал энтузиазмом и пригласил его к нам на банкет.

– Господи! Чем же мы будем его кормить? У него два француза-повара, ты знаешь, еще миссис Голдмор всегда нам про них рассказывает, а сам он чуть не каждый день обедает с олдерменами.

На что Грей ответил ей, цитируя моего любимого поэта:

Простой баранины, о Люси,
Ты приготовь нам к трем часам:
Вкуснее и сочней, клянуся,
Не снилось блюда и богам.

– Но ведь кухарка захворала; а ты знаешь, какой неприятный человек этот Паттипан, кондитер...

– Молчи, фрау! – воскликнул Грей густым трагическим

басом. – Распоряжаться этим пиром буду я! Делай все так, как я тебе велю. Пригласи нашего друга Сноба разделить с нами пиршество. Я же беру на себя труд доставить все нужное.

– Не трать много, Рэймонд, – попросила жена.

– Успокойся, робкая подруга Не Имеющего Практики. Обед для Голдмора будет вполне соответствовать нашим скудным средствам. Лишь повинуйся во всем моим велениям.

И, поняв по плутовскому выражению его физиономии, что затевается какая-то сумасбродная шалость, я с нетерпением стал ждать завтрашнего дня.

Глава XLII

Снобы и брак

Ровно в назначенный час (кстати, не могу здесь не выразить презрения, ненависти и негодования по адресу жалких снобов, сенсации ради приезжающих на обед в девять, когда их приглашали к восьми. Так пусть же преследуют таких негодяев отвращение и неприязнь одних честных людей, неодобрение других и проклятие поваров – и мстят за общество, которое эти снобы попирают ногами!), повторяю, ровно в пять часов – время, назначенное мистером и миссис Рэймонд Грей, – можно было видеть молодого человека изящной наружности в новом фраке, чьи ровно подстриженные бакенбарды указывали на аккуратность, чья легкая походка изобличала стремительность (ибо он был голоден, как бывает всегда в обеденный час, в котором бы часу ни обедал) и чьи густые золотистые волосы, вьющиеся по плечам, выгодно оттенялись совершенно новым цилиндром стоимостью в четыре шиллинга девять пенсов, – повторяю, можно было видеть этого юношу, направлявшегося по Битлстон-стрит к Грейз-инну. Нет надобности говорить, что этой личностью был мистер Сноб. Он-то, будучи приглашен к обеду, никогда не опаздывает. Но продолжим наше повествование.

Хотя мистер Сноб, возможно, льстил себя надеждой, что производит сенсацию, выступая по Битлстоун-стрит со своей богато позолоченной тростью (и действительно, даю честное слово, несколько пар глаз глядело на меня из мастерской мисс Сквилсби – модистки с вывеской, что напротив Рэймонда Грея, – у нее еще в окне три шляпки из серебряной бумаги и две модных французских картинки, засиженные мухами), однако волнение, вызванное моим приходом, было ничто в сравнении с тем, какое взбудоражило всю эту маленькую улочку, когда в пять минут шестого по ней промчались кучер в сырцовом парике, желтая обивка и желтые лакеи, вороные кони и блистающая серебром упряжь мистера Голдмора. Улица эта очень маленькая, с очень маленькими домами, большинство из них с очень большими медными дощечками, такими же, как у мисс Сквилсби. Торговцы углем, архитекторы и землемеры, два врача, один стряпчий, один учитель танцев и, разумеется, несколько агентов по продаже домов занимают эти домики – маленькие двухэтажные строения с маленькими оштукатуренными портиками. Карета Голдмора высилась чуть ли не над крышами: вторые этажи могли бы пожать руку Крезу, покачивавшемуся на мягком сиденье; все окна этих вторых этажей в один миг заполнились детьми и женщинами. Были там миссис Хаммерли в папильотках, миссис Саксби в криво надетой накладке, мистер Риглз, который подглядывал сквозь кисейные занавески, не выпуская из рук горячего стакана с грогом, – словом, был

большой переполох на Битлстоун-стрит, когда карета мистера Голдмора подъехала к дверям мистера Рэймонда Грея.

– Как это любезно с его стороны, что он приехал с *двумя* лакеями! – сказала маленькая миссис Грей, тоже украдкой разглядывая карету. Самый огромный из слуг, спустившись со своего насеста, так стукнул в дверь, что едва не проломил ее. Все головы высунулись из окон; всюду светило солнце; даже мальчишка с шарманкой застыл на месте; лакей, карета, красное лицо Голдмора и его белый жилет блистали великолепием. Геркулес в плюше сделал шаг назад, чтобы отворить дворцу кареты.

Рэймонд Грей отворил свою дверь – он был в жилете и рубашке.

– Входите, Голдмор, – пригласил он, подбегая к карете. – Как раз вовремя, дружище. Откройте же дворцу, Как-вас-там, и выпустите вашего барина. – И Как-его-там повиновался машинально, причем лицо его выразило недоумение и ужас, по силе равные, быть может, только лишь ошеломленному изумлению, которое украсило багровую физиономию его хозяина.

– К кэкому времени прикажете кэ-ету, сэр? – спросил Как-его-там с тем особенным, неподражаемым и непередаваемым лакейским прононсом, который составляет одну из первых прелестей бытия.

– Самое лучшее, подайте карету к театру, вечером, – воскликнул Грей. – Отсюда до «Сэдлерс-Уэлза» всего два ша-

га, туда мы можем пойти и пешком. Билеты у меня есть для всех. Подавайте к театру «Сэдлерс-Уэлз» в одиннадцать.

– Да-да, в одиннадцать! – растерянно подтвердил Голдмор и вошел в дом такой смятенной походкой, словно его вели на казнь (да так оно и было, а этот негодник Грей был в роли палача). Карета отъехала, провожаемая бесчисленными взглядами с порогов и балконов: на Битлстоун-стрит и до сих пор вспоминают ее появление.

– Идите сюда и развлекайтесь со Снобом, – сказал Грей, отворяя дверь в маленькую гостиную. – Я вас позову, как только поджарятся котлеты. Фанни на кухне, присматривает за пудингом.

– Боже милостивый! – шепнул мне Голдмор. – Как он мог нас пригласить? Я, право, понятия не имел о такой... такой нищете.

– Обедать, обедать! – крикнул Грей из столовой, откуда шел пар и запах жареного; и, войдя туда, мы увидели миссис Грей, вполне готовую к приему гостей и точь-в-точь похожую на принцессу, у которой в руках, неизвестно почему, оказалось блюдо с картофелем; и это блюдо она поставила на стол, а ее супруг тем временем жарил бараньи котлеты в камине на рашпере.

– Фанни приготовила пудинг с вареньем, а котлеты по моей части. Вот хорошая котлетка, попробуйте, Голдмор.

И он шлепнул шипящую котлету на тарелку гостя. Какими словами, какими восклицательными знаками можно изобра-

зить растерянность набоба?

Скатерть была очень ветхая, заштопанная в двадцати местах. Горчицу подали в чайной чашке, серебряная вилка была у одного только Голдмора – у всех у нас были простые железные.

– Я не родился с серебряной ложкой во рту, – серьезно заметил Грей. – У нас всего-навсего одна серебряная вилка. Обычно ею ест Фанни.

– Рэймонд! – умоляющим тоном воскликнула миссис Грей.

– Она, знаете ли, привыкла жить лучше; и я надеюсь когда-нибудь подарить ей вилки и ножи. Говорят, бывают очень хорошие накладного серебра. Куда же к черту пропал этот мальчишка с пивом? А теперь, – сказал он, вскакивая с места, – я буду джентльменом. – И он надел свой сюртук и совершенно спокойно сел за стол, поставив на него четыре уже готовых котлеты.

– Мясо у нас бывает не каждый день, мистер Голдмор, – продолжал он, – и для меня такой обед – огромное удовольствие. Эх, богачи английские, у вас в домах покой, а вы бы знали, какие лишения приходится терпеть адвокатам без практики.

– Боже милостивый! – произнес мистер Голдмор.

– А где же лампопо? Фанни, сбегай в «Ключи» за пивом. Вот тебе шесть пенсов. – И каково же было наше изумление, когда Фанни поднялась из-за стола, собираясь идти за

пивом.

– Боже милостивый! Позвольте мне сходить, – воскликнул Голдмор.

– Ни за что на свете, дорогой сэр. Она к этому привыкла. Вам не дадут такого пива, как ей. Оставьте ее в покое, – сказал Рэймонд с удивительным самообладанием.

А миссис Грей вышла из комнаты и в самом деле скоро вернулась с подносом, на котором стоял оловянный кувшин с пивом. Маленькая Полли (которой на ее крестинах я имел честь *ex officio*⁶⁶ подарить серебряную кружечку) шла за матерью с двумя трубками и с самым плутовским выражением на круглом пухленьком личике.

– Фанни, милая, ты не сказала Тэплингу насчет джина? – спросил Грей, после того как велел Полли положить трубки на каминную полку, до которой эта малютка едва дотянулась. – В прошлый раз это был сущий скипидар, и пунш нельзя было пить, хоть ты сама его приготовила... Вы, верно, не воображали, Голдмор, что моей жене, урожденной Харли-Бейкер, приходится делать пунш из джина? Моя теща, верно, покончила бы жизнь самоубийством, если б увидела ее за таким занятием.

– Рэймонд, не надо всегда смеяться над мамой, – сказала миссис Грей.

– Ну-ну, она от этого не умрет, да я и не желаю ей смерти. И ты не готовишь пунш из джина... и не пьешь его... и...

---

⁶⁶ По долгу службы (*лат.*).

Голдмор, вам пива в стакан или в кружку?

– Боже милостивый! – еще раз воскликнул Крез, когда малютка Полли, ухватив кувшин обеими крохотными пятернями, с улыбкой поднесла его изумленному директору. Короче говоря, так начался обед и в скором времени таким же образом и закончился. Грей все время донимал своего незадачливого гостя, в самой возмутительной манере живописуя свои несчастья, бедность и борьбу за существование. Он рассказывал нам, как чистил ножи, когда они только что пожеглись; и как он, бывало, катал детей в колясочке; как быстро его жена умела печь блинчики; и что именно из его одежды она шила сама. Он велел своему клерку Тиббитсу (он и был тем должностным лицом, которое ходило за пивом в кабачок, а миссис Фанни только принесла кувшин из соседней комнаты) принести и бутылку портвейна, когда обед подошел к концу, и рассказал Голдмору историю о том, как эта бутылка попала к нему в руки, – историю столь же необыкновенную, как и все его прежние рассказы. Когда обед кончился и подошло время отправляться в театр, миссис Грей покинула нас; мы сидели в молчаливом раздумье над последними стаканами вина, как вдруг Грей хлопнул Голдмора по плечу и сказал:

– А теперь, Голдмор, сознайтесь откровенно!

– В чем именно? – спросил Крез.

– Хорошо вы пообедали?

Голдмор вздрогнул, как будто истина только что озарила

его. Он действительно хорошо пообедал, чего до сей минуты не понимал. Съеденные им три бараньих котлетки были самого высшего сорта; картофель – совершенство в своем роде; а пудинг даже слишком хорош. Пиво было холодное и пенистое, а портвейн – достоин глотки епископа. Я это говорю с тайной целью: у Грея в погребе еще остался такой портвейн.

– Ну что ж, – ответил Голдмор, помолчав некоторое время и обдумав важный вопрос, предложенный ему хозяином, – честное слово, теперь, когда вы сказали, я и сам вижу, что я... я и вправду пообедал как нельзя лучше, просто-таки замечательно, ей-богу! Ваше здоровье, Грей, милый мой, и здоровье вашей любезной супруги; а когда вернется миссис Голдмор, то я надеюсь почаще вас видеть у себя на Портленд-Плейс.

Но тут уже пора было в театр, и мы отправились в «Сэдлерс-Уэлз» смотреть мистера Фелпса.

Самое лучшее в этой истории (где каждое слово – правда, в чем я ручаюсь честью) было то, что после банкета, которым Голдмор остался так доволен, старик проникся горячим сочувствием к своему несчастному голодающему хозяину и решил помочь ему выдвинуться как адвокату. И, будучи директором только что основанной компании по страхованию жизни, он добился того, что Грея назначили туда постоянным юрисконсультом с весьма пристойным годовым окладом; и не далее как вчера, при разборе в Тайном сове-

те апелляции из Бомбея (по делу Бакмакджи-Бобачи против Рамчавдера-Бахавдера), лорд Бруэм поздравил Грея, который вел это дело, с его необычайно точными и глубокими познаниями в санскритском языке.

Не могу сказать, знает Грей санскритский язык или не знает, но именно Голдмор устроил его на это место, и я невольно почувствовал первые проблески уважения к надутому старому набобу.

Глава XLIII

Снобы и брак

– Мы, клубные холостяки, весьма вам признательны за то мнение, которое вы о нас составили, – сказал мне мой школьный и университетский товарищ Эссекс Темпл. – Вы нас честите эгоистами, краснолицыми, обрюзгшими и прочими лестными именами. Не стесняясь в выражениях, вы попросту посылаете нас к черту. Вы нам предоставляете догнивать в одиночестве и не признаете за нами права на честность, пристойное поведение, христианский образ жизни. Кто вы такой, мистер Сноб, чтобы нас осуждать? Кто вы такой, с вашей благодушной ухмылкой, с издевательским смехом над всем нашим поколением?

– Я вам расскажу о себе, – сказал Эссекс Темпл, – о себе и о моей сестре Полли, и можете делать с этим рассказом все, что угодно: издевайтесь над старыми девами и ругайте старых холостяков сколько влезет.

Скажу вам по секрету, что моя сестра Полли была помолвлена с адвокатом высшего ранга Шеркером, человеком, таланты которого отрицать невозможно, – черт бы его побрал вместе со всеми талантами, – но я-то всегда знал, что он подлец, эгоист и ханжа. Однако женщины обыкновенно не замечают таких недостатков в тех мужчинах, которых любовь по-

сылает им на пути. Шеркер, в котором сердечного тепла было не больше, чем в угре, много лет подряд ухаживал за Полли – неплохой партией для адвоката без практики, каким он тогда был. Приходилось ли вам когда-нибудь читать «Жизнеописание лорда Элдона»? Помните ли вы рассказ этого старого скряги-сноба о том, как он ходил покупать на два пенса килек и они их жарили потом вместе с миссис Скотт? И как он щеголяет своим смирением и выставляет напоказ свою убогую нищету – он, который в то время имел дохода не менее тысячи фунтов в год! Вот и Шеркер точно так же гордится своим благородием, точно так же доволен собственной низостью и, уж разумеется, никогда не женился бы без денег. Где сыскать такое благородство? Полли ждала и ждала безропотно, год за годом. Он-то не тосковал: любовь никогда не мешала ему спать по шесть часов в сутки и не соперничала с его честолюбием. Ему всегда приятнее было якшаться с каким-нибудь стряпчим, чем целоваться с Полли, хотя она и была самым прелестным созданием на свете; и в то время как она тосковала одна в своей комнатке, перечитывая десяток холодных писем, которыми этот проклятый фарисей ее осчастливил, он, разумеется, думал только о своей адвокатской практике – всегда холодный, чопорный, довольный собой, занятый только делом. Свадьба откладывалась с году на год, а за это время адвокат высшего ранга Шеркер стал тем знаменитым юристом, каким мы его знаем теперь.

За это время мой младший брат Помп Темпл, который

служил в Сто двадцатом гусарском полку и получил такое же небольшое наследство, какое пришлось на долю нам с сестрой, вдруг влюбился в нашу кузину, Фанни Фигтри, и, недолго раздумывая, женился на ней. Поглядели бы вы на свадьбу! Шесть подружек в розовом, чтобы держать невестин веер, букет, перчатки, флакон с духами и носовой платок; полная корзина белых бантов в ризнице – для лакеев и лошадей; внутри на скамьях – благородные зрители из любопытствующих знакомых; кто попроче и победней – на ступеньках церкви; все кареты всех наших знакомых завербованы тетюшкой Фигтри для сей okazji; и, само собой, четверка лошадей для свадебной кареты мистера Помпа.

Потом – завтрак, или *déjeuner*, – как вам будет угодно, – с духовым оркестром на улице и с полисменами для порядка. Счастливый жених истратил почти весь годовой доход на платья для подружек невесты и на хорошенькие подарки для них же, а невесте, конечно, нужно было приданое: кружева, атласы, футляры с золотыми вещами и прочая чепуха, а не то какая же это будет жена поручика? Помп ни минуты не колебался. Он расшвыривал свои деньги, как мусор, и миссис П. Темпл на своей лошадке Том Тидлер, подаренной мужем, стала самой лихой из офицерских жен в Брайтоне и Дублине. Как же надоедала нам с Полли старуха Фигтри своими рассказами о величии Помпа и о его аристократических знакомствах! Полли жила в семействе Фигтри, ибо я не настолько богат, чтобы взять ее к себе.

Мы с Помпом всегда были довольно далеки. Я ничего не смыслю в лошадях, и за это он, вполне естественно, презирал меня; а при жизни нашей матушки, когда добрая старушка платила все его долги и баловала его, я, пожалуй, завидовал ему немножко. Мир между нами поддерживала Полли.

Она поехала в Дублин погостить у Помпа, а вернувшись, привезла с собой много рассказов о его успехах: он адъютант лорда-наместника, его женой Фанни везде восхищаются, ее превосходительство крестила у них второго мальчика. Старшему мальчишке дали такую длинную цепь аристократических имен, что бабушка чуть не помешалась от радости. Вскоре Фанни и Помп сделали всей семье одолжение – переехали в Лондон, и там у них родился третий ребенок.

Полли была его крестной матерью, и как же теперь они полюбили друг друга, Помп и Полли! «Ах, Эссекс! – говорила мне Полли. – Он такой добрый, такой великодушный, так любит своих детей. Он такой щедрый, ну как же можно не любить его и не прощать его маленьких слабостей?»

Однажды (когда доктор Фингертри еще не разрешал миссис Помп выходить из спальни и ежедневно ее навещал), как вы думаете, кого я встретил на Чипсайде, имея дела в Сити, как не Помпа вместе с Полли? Бедняжка показалась мне гораздо счастливей и веселей, чем когда-либо за все последние двенадцать лет. А Помп, напротив того, почему-то смущался и краснел.

Я не мог ошибиться в выражении ее лица, где смешива-

лись лукавство и торжество. Она совершила какой-то самоотверженный поступок. Я пошел к нашему семейному маклеру. Оказалось, что в это утро она продала бумаг на две тысячи фунтов и подарила их Помпу. Ссориться было бесполезно – Помп уже получил эти деньги. Когда я добрался до дома матушки, он уже уехал в Дублин – а Полли все еще сияла. Он собирался составить себе состояние, вложив эти деньги в болота Бог Аллен – и не знаю куда еще. А на самом деле он собирался уплатить свой проигрыш на последних Манчестерских скачках. Вы, конечно, догадываетесь, какую часть капитала и процентов он вернул бедной Полли.

Это составляло больше половины ее денег, а потом брат получил от нее и еще тысячу. После того начались попытки отсрочить разорение и предупредить огласку, – что все мы участвовали в этой борьбе, и все принесли свою жертву (тут мистер Эссекс Темпл заколебался) – об этом нечего и говорить; но пользы от этих жертв было не больше, чем обычно бывает в таких случаях. Помп с женой уехали за границу, – я не хочу и спрашивать куда, трое детей остались у Полли, а господин адвокат высшего ранга Шеркер сообщил в официальном письме, что «расторгает помолвку в силу причин, о коих мисс Темпл сама должна была подумать, отчуждая большую часть своего состояния».

– И вот ваша знаменитая теория о браках бедняков! – воскликнул Эссекс Темпл, закончив эту историю. – Откуда вам известно, что я сам не хочу жениться? Как смее вы изде-

ваться над моей несчастной сестрой? Что мы такое, как не жертвы той безрассудной системы браков, которую вы, мистер Сноб, беретесь защищать? – И он решил, что в нашем споре победа осталась за ним, в чем я, как это ни странно, отнюдь не убежден.

Если бы не рабское преклонение перед снобизмом, разве не могли бы эти люди быть счастливы? Если счастье бедной Полли заключалось в том, чтобы обвить своими любящими руками шею такого бессердечного ханжи, как этот подлец, который ее обманул, она могла бы теперь быть счастлива – счастлива, как Рэймонд в известной балладе рядом с каменной статуей. Она несчастна потому, что господин адвокат высшего ранга Шеркер честолюбив и поклоняется деньгам, потому что он сноб и подлец.

Если несчастный Помп Темпл и его ветреная кокетка-жена разорились и вовлекли в свою беду других, то это из-за их страсти к титулам, к лошадям, к фамильному серебру, к каретам, к «Придворным известиям», к модным лавкам, – они пожертвовали бы чем угодно, лишь бы всего этого добиться.

А кто их ввел в заблуждение? Если бы в свете модной была простота, то разве эти глупые люди не следовали бы моде? Разве не любят в свете «Придворные известия», модные лавки, серебро и кареты? Господи помилуй! Да почитайте вы «Придворные известия», почитайте модные романы, наблюдайте человечество – от Пимлико до Ред-Лайон-сквер, и сами увидите, как сноб-бедняк подражает снобу-богачу,

как сноб-подхалим ползает на брюхе перед снобом-гордецом и как сноб-вельможа помыкает своим смиренным собратом. Разве идея равенства приходила когда-нибудь в голову богачу? И придет ли когда-нибудь? Разве герцогиня Фитцкопье (люблю громкие имена) поверит когда-нибудь, что ее соседка леди Крез точно такая же леди, как ее милость? Разве леди Крез перестанет вздыхать о вечерах герцогини и оказывать покровительство миссис Шелкибархат, муж которой пока еще не баронет? Разве миссис Шелкибархат подаст когда-нибудь дружески руку бедной миссис Сидди и бросит свои недостойные выкладки касательно ее доходов? Разве миссис Сидди, голодающая в своем большом доме, переедет в удобный маленький особнячок или в меблированную квартиру? Разве ее домохозяйка мисс Летсем перестанет возмущаться фамильярностью торговцев или плакаться на дерзость и наглость своей служанки Сью, которая носит цветы на шляпке, словно какая-нибудь леди?

Но зачем надеяться, зачем желать прихода таких времен? Разве я желаю всем снобам гибели? Желаю, чтобы не нужны стали эти очерки? Ведь ты тоже сноб и брат им всем, о сноб-самоубийца!

Глава XLIV

Клубные снобы

Так как я хочу в особенности угодить дамам (которым кланяюсь самым низким и почтительным поклоном, сопровождая его приличными для праздников поздравлениями), то мы теперь, с вашего разрешения, займемся обличением того разряда снобов, против которых особенно ожесточаются женские сердца: я имею в виду клубных снобов. Мне крайне редко приходилось слышать, чтобы даже самые кроткие и уступчивые женщины говорили без озлобления о клубах, этих общественных учреждениях, этих пышных дворцах возле Сент-Джеймс-стрит, в которые открыт доступ только мужчинам; в то время как у дам имеются всего-навсего сомнительные трехконные кирпичные ящики в Белгрэвии, в Паддингтоне или же в районе между дорогами, ведущими в Эджуэр и в Грейз-инн.

Во времена моего дедушки гнев женщин точно так же вызывало масонство. Моя двоюродная бабушка (чей портрет до сих пор хранится в нашей семье) забралась однажды в футляр старинных часов в ложе Розенкрейцеров в Бангэе, что в графстве Саффолк, с целью подглядеть, что творится в этом обществе, членом которого состоял ее муж, и, испугавшись неожиданного хрипа и звона часов, пробивших один-

надцать (как раз в ту минуту, когда помощник Великого мастера вносил мистическую жаровню, чтобы исполнить обряд принятия неофита), ворвалась в собрание ложи – и тут же была единогласно и пожизненно избрана заместительницей Великого мастера. Хотя эта весьма замечательная и отважная женщина не обмолвилась ни единым словом о тайнах посвящения, она, однако же, внушила всему нашему семейству такой ужас к таинствам масонов, что никто из нас с тех пор не вступил в это братство и не носил устрашающих масонских знаков.

Известно, что Орфей был растерзан в клочки некими фракийскими дамами, справедливо негодовавшими на него за принадлежность к Ложе Гармонии. «Пускай возвращается к своей Эвридике, – заявили они, – по которой он будто бы так горюет». Но эта история изложена в изящнейшем словаре доктора Лемприера гораздо более убедительно, чем в состоянии описать мое слабое перо. Поэтому мы сразу же, без дальнейших разглагольствований, переходим к нашей теме – о клубах.

По-моему, в клубы не следует допускать холостяков. Если б моему приятелю из полка Куцых Юбок некуда больше было деваться, если б у него не было нашего клуба «Юнион Джек» (я состою в «Юнион Джеке» и еще в девяти подобных учреждениях), кто знает, может быть, он и не остался бы холостяком. Вместо того чтобы окружать холостяков комфортом и роскошью, как это делается в клубах, им, мне

кажется, надо всячески отравлять там существование. Надо всячески заботиться о том, чтобы досуг стал им невольготу. На мой взгляд, нет ничего противнее молодого Смита, здорового и цветущего, когда он заказывает в клубе обед из трех блюд, или пожилого Джонса, валяющегося (если прилично так выразиться) в покойном и мягком клубном кресле с интереснейшим новым романом или последним номером журнала в руках; или же старика Брауна, этого старого эгоиста и негодника, который литературой не интересуется, но любит, заняв лучший из клубных диванов, расположиться на вечернем выпуске «Таймс», причем «Морнинг кроникл» он держит на коленях, «Гералд» у него засунут между сюртуком и жилетом, «Стандарт» – под мышку справа, «Глобус» – под мышку слева, а сам он в это время читает «Дейли ньюз».

– Попрошу у вас «Панч», – говорит этот бессовестный старый обжора, обращаясь к нашему другу, который только что весело смеялся, читая этот журнал.

Такой эгоизм недопустим. Нет, нет. Молодому Смигу, вместо того чтобы лакомиться клубным обедом и клубным вином, следовало бы сидеть – где? – разумеется, за парадным чайным столом, рядом с мисс Хигс, прихлебывать чай и жевать безобидную горячую булочку, в то время как старая миссис Хигс благосклонно взирает на это невинное времяпрепровождение, а мой друг, гувернантка Хигсов, мисс Уирт, до которой никому нет дела, играет на фортепианах последнюю сонату Тальберга.

А где должен быть пожилой Джонс? В его возрасте ему уже полагалось бы иметь детей, быть отцом семейства. В такой час, – скажем, в девять вечера, – колокольчик в детской только что прозвонил, призывая детей ко сну. Ему же и миссис Джонс полагалось бы, по всем правилам, сидеть в креслах по обе стороны камина и чтобы между ними стояла бутылка портвейна, уже не очень полная, не такая, как была час тому назад. Миссис Джонс выпила из нее две рюмки, миссис Грамбл (теща мистера Джонса) – три, сам Джонс прикончил остальное и теперь с комфортом дремлет, пока еще не пришло время ложиться спать.

А Браун, этот старый еретик и пожиратель газет, какое он имеет право торчать в клубе, когда уже ночь на дворе? Ему бы следовало сейчас играть в вист с женой, с мисс Мак-Виртер и со своим домашним лекарем. Свечку ему пусть принесут ровно в десять вечера, и пусть отходит ко сну как раз в то время, когда молодежь подумывает о танцах. Насколько лучше, проще, благороднее такое времяпрепровождение было бы для всех этих господ, чем их ежевечерние оргии в нашем омерзительном клубе.

А вы, дамы, подумайте о тех мужчинах, которые бывают не только в клубной столовой и библиотеке, но пользуются еще и другими апартаментами в этих отвратительных вертепах, от которых я намереваюсь не оставить камня на камне, – подумайте о негодном Кэнноне, который, в его-то возрасте и с его брюхом, сняв сюртук, всю ночь напролет ката-

ет шары в клубной бильярдной и держит пари с этим мерзким капитаном Скоттом! – подумайте о Пэме, который играет в темной комнате с Бобом Трампером, Джеком Дьюс-эйсом и Чарли Воулем, играет в карты, бедняжка, по гинее за пуант и по пяти фунтов за роббер! А главное, подумайте, да, подумайте о том гнусном логове, которое, как мне говорили, учреждено в некоторых клубах, – о так называемой «курилке», – подумайте же, какие развратники собираются там, подумайте о том разливанном море зловонного пунша из виски и еще более опасного – из хереса, какое они выпивают; подумайте о том, как эти господа возвращаются домой с первыми петухами и отпирают двери тихого сонного дома своим карманным ключом системы Чебба; подумайте о них, об этих лицемерах, которые снимают предательские сапоги, прежде чем прокрасться наверх; а их дети в это время уже спят, и одна только верная супруга при свете угасающего ночника ждет его в той комнате, которая вскоре станет ей ненавистна, вся пропитавшись запахом сигар! Я не сторонник насильственных мер, по натуре я вовсе не поджигатель, но если бы вы, дорогие мои дамы, захотели поджечь все клубы на Сент-Джеймс-стрит и убить мистера Чебба, то нашелся бы по крайней мере один сноб, который вам посочувствовал бы.

По-моему, в клубы следует допускать только тех мужчин, которые женаты, но не имеют профессии. Даже для самой примерной жены постоянное присутствие мужа в доме едва

ли желательно. Скажем, если девочки садятся играть на рояле, что в каждом приличном английском семействе продолжается не меньше трех часов в день, то невозможно требовать от бедного папы, чтобы он все это время сидел в гостиной и слушал бесконечную какофонию и визги, извлекаемые из фортепиано во время этих необходимейших для девушки занятий. Если человека, да еще наделенного хорошим слухом, ежедневно подвергать такой пытке, то он в конце концов взбесится.

Или, предположим, уважаемая леди, вам вздумалось отправиться к модистке или к Хоуэлу и Джеймсу, тогда совершенно ясно, что в это время вашему мужу гораздо лучше сидеть в клубе, чем в карете рядом с вами или же в изумлении наблюдать, влезши на табурет у Шаля и Лента, как молодые денди прилавка раскладывают перед вами свои товары.

Таких мужей следует выпроваживать из дому пораньше, сразу же после завтрака, и, если они не члены парламента, не директора железнодорожных компаний или страховых обществ, их следует отправлять в клуб, строго наказав, чтобы они ни в коем случае не возвращались домой до обеда. Для меня, человека в высшей степени разумного, нет ничего приятнее, чем видеть этих благородных людей за их достойными занятиями. Когда я прохожу по Сент-Джеймс-стрит, пользуясь, как и все прочие прохожие, привилегией заглядывать в окна клубов Блайта, Фудла или Снука или же в большое окно-фонарь «Клуба Созерцателей», я с почтительным одобре-

нием люблюсь этими фигурами в окнах – этими румяными старыми чучелами, этими заплесневелыми старыми франтами, этими солидными и праздными людьми в набрюшниках, лоснистых париках и тесных галстуках. Таким господам, разумеется, всего лучше сидеть в клубе весь день. Когда вы с ними расстаетесь, дорогие мои дамы, то подумайте о том, с каким восторгом вы будете их встречать по возвращении. С домашними делами вы уже покончили, в лавках побывали, отдали необходимые визиты, прогуляли своего пуделя по Парку; ваша горничная-француженка уже приготовила для вас туалет, в котором вы так восхитительно выглядите при свечах, – и вот вы готовы приобщить к радостям домашнего очага того, кого весь день не было дома.

Таким господам, разумеется, необходимо иметь свой клуб, и потому мы не включаем их в разряд клубных снобов – за тех мы примемся на будущей неделе.

Глава XLV

Клубные снобы

Появление последнего очерка о «Клубных снобах» произвело в клубах такую сенсацию, что я не могу не считать себя польщенным, ибо и сам принадлежу к их числу.

Я состою в девяти клубах: «Юнион-Джек», «Штык и Пояс» – военные клубы. «Истинно Синие», «Не сдадимся», «Синие с Желтым», «Гай Фокс» и «Дорога Катона» – клубы политические. «Бруммель» и «Регент» – клубы для франтов. «Акрополь», «Палладиум», «Ареопаг», «Пникс», «Пентеликон», «Илиссус» и «Полюфлойсбойо Талассес» – клубы литературные. Я никогда не мог дознаться, откуда у этих последних клубов взялись такие названия: сам я по-гречески не знаю и далеко не уверен, что хоть кто-нибудь из наших членов знает этот язык.

Предупредив публику о своем намерении писать про клубных снобов, я стал замечать, что мое появление в любом клубе вызывает переполох. Члены клуба поднимаются с мест, сбиваются в кучу, кивают и хмурятся, глядя на вошедшего в комнату мистера Сноба.

– Бесстыдник, чертов нахал! Попробуй только он меня протащить в печати, я ему все кости переломаяю! – ворчит полковник Блодьер.

– Говорил я вам, что не надо принимать в клуб этих писак, – обращается Рэнвил-Рэнвил к своему коллеге Спуни из ведомства Сургуча и Тесьмы. – Эти господа очень хороши на своем месте, и я, как общественный деятель, даже подаю им руку при встрече и все такое; но чтоб они вторгались в нашу личную жизнь – это, знаете ли, уж слишком! Идемте, Спуни. – И оба педанта надменно удаляются.

Когда я вошел в кофейню клуба «Не сдадимся», старик Джокинс разглагольствовал перед кучкой посетителей, по обыкновению зевавших. Он стоял у камина, размахивая «Стандартом».

– Что я говорил Пилю в прошлом году? Если вы затронете хлебные законы, то придется затронуть и сахарный вопрос, а если затронете сахар, то придется затронуть и чай. Я не монополист. Я – человек либеральный, но не могу забыть, что стою на краю пропасти, – а если у нас будет свобода торговли, то я требую взаимного обмена. И что же мне ответил сэр Роберт Пиль? Мистер Джокинс... – сказал он.

Тут взгляд Джокинса неожиданно упал на вашего покорного слугу, и он с виноватым видом оборвал фразу – ту самую глупую, старую, набившую оскомину фразу, которую все мы слышали сотни раз.

Джокинс один из самых постоянных посетителей клуба. Каждый день он торчит все на том же месте перед камином, держит в руках все тот же «Стандарт», в котором прочиты-

вает передовицу, и потом пересказывает ее *ore rotundo*⁶⁷ своему соседу, который только что сам прочел ее от слова до слова в газете. У Джокинса есть деньги, что заметно по его манере завязывать галстук. Утро он проводит в Сити, слоняясь по банкирским и маклерским конторам, и рассказывает там:

– Я вчера говорил с Пилем, он намерен сделать то-то и то-то. Мы с Грэхемом говорили об этом деле, даю вам честное слово, его мнение совпадает с моим, а это, как-его-там, пока что единственная мера, которую предпримет правительство.

Ко времени выхода вечерних газет он уже в клубе.

– Могу вам сообщить мнение Сити, милорд, – говорит он, – а как на это смотрит Джонс Лойд, вкратце сводится к следующему... – это мне сами Ротшильды сказали. Мнение на Марк-лейн составилось вполне определенное.

Его считают весьма осведомленным человеком. Живет он, конечно, в Белгрэвии, в приличном, тусклой окраски доме, и все у него там солидное, скучное и комфортабельное, как полагается. Его обеды упоминает «Морнинг гералд» среди званых вечеров текущей недели; его жена и дочери раз в год весьма эффектно появляются на дворцовых приемах, а сам он в этот день приезжает в клуб в мундире вице-губернатора.

Он любит начинать беседу с вами таким образом:

– Когда я был в палате, то я, и т. д. – Он и правда три

---

⁶⁷ С округленным ртом (*лат.*) – то есть изящным слогом.

недели был депутатом от Скитлбери в первом пореформенном парламенте, однако лишился места за взятки, после чего еще трижды и без всякого успеха баллотировался от того же избирательного округа.

Другого рода политический сноб, какого мне приходилось видеть в большинстве клубов, – это человек, которого заботит не столько внутренняя политика, сколько внешняя, коей он великий знаток. Думаю, что такого рода людей трудно найти где-либо помимо клубов. Именно для них газеты печатают статьи об иностранной политике, что обходится каждой газете тысяч десять в год. Он серьезно встревожен замыслами России и вопиющим коварством Луи-Филиппа. Именно он ожидает, что французский флот, того и гляди, появится на Темзе, он не спускает глаз с американского президента и прочитывает его речи от начала до конца (не позавидуешь!). Он знает по именам всех соревнующихся политических лидеров Португалии. Знает, из-за чего они борются; именно он говорит, что лорда Эбердина следует судить, а лорда Пальмерстона повесить, или наоборот.

У такого сноба излюбленная тема: лорд Пальмерстон продался России; точно известно, за сколько рублей и какая фирма в Сити его продала. Я как-то подслушал разговор такого сноба. Это капитан Спитфайр К. Ф. (кстати сказать, виги отказались дать ему корабль) беседовал после обеда с мистером Миннсом:

– Миннс, вы знаете, почему княгиня Скрагамовская не

была на вечере у леди Пальмерстон? Потому что она не может показаться людям на глаза – а почему не может? Сказать вам, Миннс, почему? Вся спина у нее иссечена до крови – прямо как сырое мясо, сэръ! В прошлый вторник, ровно в двенадцать часов, в Эшбернхем-хаус явились три барабанщика из Преображенского полка – а в половине первого в желтой гостиной русского посольства, в присутствии супруги посла, четырех горничных, православного попа и секретаря посольства, княгиня Скрагамовская получила тринадцать дюжин. Ее исполосовали кнутами, сэръ, кнутами, в самом сердце Англии – на Беркли-сквер, – только за то, что она говорила, будто у великой княгини Ольги волосы рыжие. А теперь скажите мне, сэръ, как по-вашему, может ли лорд Пальмерстон после этого оставаться министром?

Миннс. Боже правый!

Миннс ходит за Спитфайром по пятам и считает его величайшим и мудрейшим из людей.

Глава XLVI

Клубные снобы

Почему бы какому-нибудь великому писателю не написать «Тайны клубных домов» или «Разоблачение Сент-Джеймс-стрит»? Отличный был бы сюжет для автора с воображением. Все мы помним, как еще мальчишками бывали на ярмарке и, потратив все свои деньги, с благоговением и страхом шатались вокруг балагана, гадая о том, какие зрелища показывают внутри.

Человек есть драма – драма Чудес и Страстей, Тайн и Подлости, Красоты и Верности и т. п. Каждая Грудь есть Палатка на Ярмарке Тщеславия. Но оставим этот прописной стиль: я бы умер, если бы придерживался его на протяжении целого столбца (да и хорош был бы столбец из одних прописных, кстати сказать). В клубе, хотя бы в комнате не было ни одного знакомого лица, вы всегда имеете возможность наблюдать незнакомцев и размышлять о том, что творится в этих палатках под занавесом их душ, их сюртуками и жилетами. Это развлечение не приедается. В самом деле, я слышал, будто есть в Лондоне такие клубы, где никто ни с кем никогда не разговаривает. Все сидят в кофейной в полном молчании и наблюдают друг за другом.

А между тем как мало можно определить по внешности

человека! В нашем клубе есть один завсегда – крупный, грузный, пожилой мужчина, роскошно одетый, несколько лысоватый, всегда в лакированных сапогах и в боа, когда выходит на улицу; манеры у него спокойные; он всегда заказывает и съедает не слишком обильный, но изысканный обед, – все эти последние пять лет я его принимал за сэра Джона Поклингтона и уважал, как человека, имеющего пятьсот фунтов дохода *per diem*; а оказалось, что он всего-навсего служащий какой-то фирмы в Сити; дохода у него и двухсот фунтов не наберется, и фамилия его – Джаббер. А сэр Джон Поклингтон, напротив того, маленький, грязный человечек, весь перепачканный нюхательным табаком; он вечно жалуется на плохое пиво и ворчит, что с него взяли полтора пенса лишних за селедку; он сидел за соседним с Джаббером столиком в тот день, когда кто-то наконец показал мне настоящего баронета.

Возьмите другого рода тайну. Я вижу, например, как старик Подхалим украдкой заглядывает во все комнаты клуба; его остекленевшие глаза смотрят бессмысленно, он вечно ухмыляется грязной ухмылкой – он заискивает перед каждым, кого бы ни встретил, пожимает вам руки, благодарит и выказывает самый сердечный, проникновенный интерес к вашему здоровью и благополучию. Вы знаете, что он шарлатан и мошенник, и он знает, что вам это известно. Но все-таки он продолжает кривляться и, куда бы ни пополз, оставляет за собой дорожку льстивой слизи. Кто может разгадать этого

человека, проникнуть в его тайну? На что он рассчитывает, лебезя перед вами или передо мной? Вы не знаете, что скрывается под этой ухмыляющейся маской. Вы питаете к нему только смутное, инстинктивное отвращение: оно предупреждает вас, что перед вами мошенник, — а дальше этого вся душа Подхалима для вас — загадка.

Мне, пожалуй, приятнее размышлять о людях молодых. У этих игра идет более открыто. Вам словно бы известно, какие карты у них на руках. Взять, например, господ Спэйвина и Кокспора.

Почти во всех клубах можно, вероятно, найти экземпляры этого сорта молодых людей. Они ни с кем в клубе не знакомы. Они вносят с собой в комнаты крепкий запах сигар и, забившись в уголок, бормочут что-то о скачках. Историю того короткого периода, когда они были украшением общества, они вспоминают по кличкам своих лошадей, бравших тогда призы. Как политические деятели толкуют о «годе Реформы» или о «годе, когда виги ушли» и т. д., так и эти молодые деятели спорта говорят о «годе Тарнэшена», «годе Оподельдока» или о годе, когда Катавампос пришел вторым в скачках на Честерский кубок. Утром они играют на бильярде, за завтраком пьют светлый эль и запивают его чем-нибудь покрепче. Они читают «Беллову жизнь» (очень приятная газета, выказывающая большую эрудицию в ответах своим читателям). Они заглядывают к Тэттерсолу, а после того финансируют в Парке, засунув руки поглубже в карманы накидок.

Что меня особенно поражает в поведении этих молодых спортсменов – так это их поразительная серьезность, краткость речей, озабоченный и угрюмый вид. В курилке клуба «Регеут», когда вся комната покатывается со смеху от шуточек Джо Миллерсона, вы слышите, как господу Спэйвин и Кокспор бормочут где-нибудь в углу.

– Приму ваши двадцать пять против одного, ставлю на Братца против Синего Носа, – шепчет Спэйвин.

– За такую цену не возьмусь, – отвечает Кокспор, угрожающе мотая головой.

Из головы у этих молодых неудачников не выходит книжка скаковых пари. Я, кажется, ненавижу ее еще больше, чем «Книгу пэров». От «Книги пэров» есть все же какая-то польза, хотя, вообще-то говоря, почти все там враки: де Могинс вовсе не произошел от великана Хогина-Могина, да и другие родословные тоже наполовину вымышлены и не менее глупы; однако читать девизы очень интересно, – не все, но некоторые, – а сама книжка являет собой нечто вроде лакея истории, в золотых галунах и в ливрее, и в этом смысле может пригодиться. Но какую пользу можно извлечь из «Книжки скаковых пари»? Если бы я мог стать на одну неделю халифом Омаром, я бы сжег на костре все эти мерзкие манускрипты: от книжки милорда, который «связан» с конюшней Джека Снафла, что позволяет ему обводить вокруг пальца менее осведомленных мошенников и облапошивать юнцов, до книжки Сэма, мальчишки от мясника, который ставит в

распивочной свои восемнадцать пенсов, в надежде выиграть «целых двадцать пять шиллингов».

В скаковых сделках и Спэйвин и Кокспор всегда готовы надуть родного отца и обжулить лучших друзей, лишь бы выиграть хоть одну ставку. Когда-нибудь мы услышим, что тот или другой из них сбежал с набранными деньгами, – и не умрем с горя по этому случаю: ведь мы с вами не играли на скачках. Посмотрите: вон мистер Спэйвин прихорашивается перед зеркалом, собираясь уходить, и накручивает жиденький локон сбоку. Поглядите на него! Только в тюрьме да на ипподроме можно увидеть такое подлое, насквозь прожженное, мрачное лицо!

Среди клубной молодежи гораздо человечнее и приятнее молодой сноб-сердцеед. Я как раз застал в туалетной Фанта, беседующего со своим неразлучным другом Финтом.

Фант. Честное слово, Финт, она посмотрела на тебя!

Финт. Ну что ж, Фант, если ты это сам говоришь, она и вправду взглянула на меня довольно нежно. Вот посмотрим, что будет нынче вечером, на французской пьесе.

И, приведя себя в порядок, эти два безобидных денди уходят наверх обедать.

Глава XLVII

Клубные снобы

Оба рода молодых людей, описанные мною в последней главе под легкомысленными именами Финт и Фант, довольно часто встречаются в клубах. Финт и Фант ровно ничего не делают. Оба они происходят из среднего сословия. Один из них, возможно, прикидывается адвокатом, другой нанимает модно убранную квартиру неподалеку от Пикадилли. Оба они денди, но как бы второго сорта; им далеко до великолепной небрежности манер и восхитительной пустоты и глупости, которыми отличаются знатные и родовитые вожаки этой породы; но жизнь они ведут такую же скверную (хотя бы только напоказ) и совершенно так же ни к чему не пригодны. Я не собираюсь вооружиться громами и обрушить их на головы этих мотыльков с Пэл-Мэл. Они не могут причинить обществу большого вреда и не способны на сумасбродства в личной жизни. Они не могут истратить тысячу фунтов на брильянтовые серьги для оперной танцовщицы, как лорд Тарквин; ни тот, ни другой не открыли трактира и не сорвали банк в игорном клубе, как молодой граф Мартингал. У них есть свои достоинства, свои добрые чувства, они не мошенничают в денежных сделках — но в ролях светских молодых людей второго сорта они и им подобные до того ничтожны,

самодовольны и нелепы, что в произведении, трактующем о снобах, им просто необходимо уделить место.

Финт бывал за границей, где, как он дает вам понять, имел потрясающий успех среди немецких графинь и итальянских княгинь, которых он встречал за табльдотом. Стены в его квартире сплошь увешаны портретами актрис и балетных танцовщиц. Он проводит утро в роскошном халате, среди аромата курительных свечек, за чтением «Дон-Жуана» и французских романов (кстати сказать, жизнь автора «Дон-Жуана», описанная им самим, была образцом жизни сноба). Накупив грошовых французских гравюрок, изображающих томных женщин в домино, гитары, гондолы и прочее тому подобное, – он рассказывает вам про них целые истории.

– Плохая гравюра, – говорит он, – я это понимаю, но мне она нравится, и этому есть свои причины. Она мне напоминает кого-то, – ту, кого я знал под иными небесами. Слыхали вы имя принципессы ди Монте Пульчиано? Я встретил ее в Римини. Милая, милая Франческа! А вот это златокудрое и ясноглазое существо в тюрбане с райской птицей и с попугаем-неразлучником на руке изображает, должно быть... вы ее, возможно, не знаете... но она известна в Мюнхене, любезный мой Фант, – все там знают графиню Оттилию фон Эйленшреккенштейн. Боже, как она была прелестна, когда я танцевал с ней в день рождения князя Аттилы Баварского в тысяча восемьсот сорок четвертом году. Нашим визави был князь Карломан, и князь Пепин участвовал в том же контр-

дансе. В букете у нее был белый нарцисс. Фант, этот цветок и сейчас у меня!

Его физиономия принимает страдальческое и загадочное выражение, и он зарывается головой в подушки дивана, словно погружаясь в водоворот страстных воспоминаний.

В прошлом году он произвел немалую сенсацию, поставив на свой стол миниатюру в сафьяновом футляре, запертом на золотой ключик, который он всегда носил на шее, – а на футляре была вытиснена змея – символ вечности – с буквою «М» в круге. Иногда он ставил этот футляр на сафьяновый письменный столик, словно на алтарь, – обычно там же стояли цветы, – и посреди разговора вдруг вскакивал и целовал футляр. Или кричал из спальни лакею: «Хикс, принесите мне мой ларец!»

– Не знаю, кто она такая, – говаривал Фант, – да и кто может знать все его романы? Десборо Финт, сэра, раб нежной страсти. Думаю, вы слышали историю итальянской княгини, которую заперли в монастырь Святой Барбары в Римини, – он вам не рассказывал? Тогда и я должен молчать; или же историю той графини, из-за которой он едва не подрался на дуэли с князем Ведекиндом Баварским? Может быть, вы не слышали даже и про красавицу из Пентонвилля, дочь весьма уважаемого пастора-диссидента? Сердце ее было разбито, когда она узнала, что Финт помолвлен (с прелестной девушкой из знатной семьи, которая потом изменила ему), и теперь она в Хенуэлле.

Вера Фанта в своего друга доходит до безграничного обожания.

– Какой это был бы талант, сэр, если бы сколько-нибудь поработал! – шепчет он мне. – Он мог бы стать кем угодно, если бы не его страсти. Прекраснее его стихов ничего быть не может. Он написал продолжение «Дон-Жуана», положив в основу поэмы собственные похождения. Читали ли вы его «Стансы к Мэри»? Это выше Байрона, да, сэр, – выше Байрона!

Я был рад это услышать от такого компетентного критика, как Фант: сказать по правде, я сам сочинил эти стихи для простака Финта, которого застал однажды погруженным в раздумье над довольно-таки засаленным старомодным альбомом, куда он не вписал еще ни одного слова.

– Не могу, – произнес он, – бывает, что я напишу сразу целую балладу, а сегодня – ни единой строчки. О Сноб, такой счастливый случай! Такое божественное создание! Она просила меня написать стихи ей в альбом, – а я не могу!

– Она богата? – спросил я. – Мне казалось, что вы женились разве только на богатой наследнице.

– Ах, Сноб! Она – само совершенство, и с такими связями – а я не могу выжать из себя ни единой строчки.

– А в каком духе вам требуется? – спросил я. – Погорячей и послаще?

– Перестаньте, Сноб, не надо! Вы топчете самые святые чувства. Мне нужно что-нибудь страстное и нежное – в ду-

хе Байрона. Я хочу ей сказать, что в пиршественных чертогах... ну и так далее, вы сами понимаете, – я думаю только о ней, что я презираю свет, что я им пресыщен, знаете ли, – ну и еще что-нибудь... какая-нибудь там «газель» или «бульбуль».

– А под конец – ятаган, – заметил автор этих строк, и мы приступили к делу:

К Мэри

Средь светской толпы на бале
Я всех кажусь веселей;
На шумных пирах и собраниях
Мой смех звучит всех звончей.
Все видят, как я улыбаюсь —
Насмешливо иль свысока,
Но душа моя горько рыдает;
Ты так от меня далека.

– Ну, Финт, как по вашему мнению, ловко? – спросил я. – Признаться, я и сам чуть не плачу.

– Дальше, пожалуй, – начал Финт, – мы скажем, что весь мир у моих ног – чтобы она, понимаете ли, приревновала; ну и так далее, в том же роде, и что я уезжаю путешествовать, понимаете ли. Быть может, это подействует на ее чувства.

И «мы» (как выразился этот несчастный педант) снова взялись за дело:

Я вижу и лесть и дружбу
От старца и юнца;
Красавицы мне предлагают
За злато свои сердца.
Пускай! Я всех презираю,
Они – рабы мои,
И втайне к тебе обращаю
Все помыслы свои.

– А теперь – о путешествии, любезный Финт.
Я начал прерывающимся от волнения голосом:

Прости! Это ты научила
Сердце мое любви,
Но тайну мою до могилы
Я буду хранить в груди.
Ни слова, ни вздоха о страсти...

– Послушайте, Сноб! – прервал Финт вдохновенного барда (в ту самую минуту, когда я собирался разразиться настолько трогательным четверостишием, что оно довело бы читателя до истерики). – Послушайте... гм... не могли бы вы сказать, что я... ношу мундир и что жизнь моя в опасности?

– Вы носите мундир? Ваша жизнь в опасности? Каким же это образом?

– Н-ну, – отвечал Финт, густо краснея, – я сказал ей, что уезжаю... в Эквадор... с военной экспедицией.

– Юноша, вы гнусный обманщик! – воскликнул я. – До-

писывайте эти стихи сами!

Он их и дописал совершенно вне всякого размера, да еще хвастался потом в клубе, выдавая их за свои собственные.

Бедняга Фант твердо веровал в таланты своего друга до прошлой недели, когда он появился однажды в клубе с странной улыбкой на физиономии.

– О Сноб, я сделал *такое* открытие! Отправился сегодня на каток – и вдруг кого же я вижу, как не Финта под ручку с этой роскошной женщиной, с этой леди знатного рода и с огромным состоянием, ну, да вы знаете, Мэри, та самая, которой он еще написал такие прелестные стихи. Ей сорок пять лет. Она рыжая. Нос у нее как ручка от насоса. Ее отец нажил состояние на торговле ветчиной и говядиной, и на будущей неделе Финт должен сочетаться с ней браком.

– Тем лучше, мой юный друг! – воскликнул я. – Гораздо лучше будет для женского пола, если этот опасный сердце-ед перестанет губить сердца, если эта Синяя Борода уйдет на покой. Да и для него самого это много лучше. Поскольку во всех этих невероятных любовных историях, которым вы так слепо верили, нет ни единого слова правды, Финт никому не повредил, кроме самого себя, и теперь вся его любовь сосредоточится на мясной лавке тестя. Бывают такие люди, любезный мой Фант, которые проделывают все это всерьез и тем не менее достигают высокого положения в обществе. Но эти люди – не предмет для шуток и, будучи, несомненно, снобами, остаются в то же время и негодьями. Их дела под-

судны одному только Суду Всевышнего.

Глава XLVIII

Клубные снобы

Бахус – вот то божество, которому Фант поклоняется особенно усердно.

– А по мне, лучше вино, мой милый, – говорит он своему другу Финту, разглагольствующему о какой-нибудь прелестной женщине, – и, поднимая кверху бокал, полный багряной влаги, и значительно подмигнув Финту, отпивает глоток, после чего причмокивает губами, изображая величайшего из знатоков.

Я замечал такое крайнее пристрастие к вину чаще всего у молодежи. Щенки из университета, слётки из армии, птенцы из привилегированных школ, украшающие собой наши клубы, частенько высказываются весьма решительно по данному вопросу.

– Это вино отдает пробкой, – говорит Щенок; хитрец-лакей уносит графин и возвращается с тем же вином в другом графине, а наш юный гурман объявляет его превосходным.

– Долой шампанское! – говорит Слёток. – Оно годится только для женщин и детей. По мне, куда лучше херес за обедом, а после обеда – мой кларет двадцать третьего года.

– Что такое нынешний портвейн? – вопрошает Птенец. – Отвратительно густое сладкое пойло – где же то старое сухое

вино, которое мы прежде пивали?

До прошлого года Слёток пил только слабое пиво за столом доктора Порки; а Птенец пивал сухой старый портвейн в одном трактире близ Вестминстерской школы, – до тех пор пока в 1844 году не вылетел из этого гнезда.

Всякий, кому приходилось разглядывать карикатуры тридцатилетней давности, должен помнить, как часто художники изображали красные носы, угреватые лица и прочие черты отпетых пьяниц. Теперь они встречаются гораздо реже (в натуре, а следовательно, и на картинках), чем в то доброе старое время; но все же еще можно найти среди нашей клубной молодежи юнцов, которые чванятся попойками и чьи лица, желтого и весьма нездорового цвета, по большей части украшены этими знаками, от которых, говорят, можно избавиться «Калидором» Рауленда.

– Я так нарезался вчера вечером – боже ты мой! – говорит Гопкинс Томкинсу с дружеской откровенностью. – Я тебе расскажу, что мы делали. В полдень мы позавтракали с Джеком Герингом и до четырех пробавлялись коньяком с содовой и сигарами, потом с часок погуляли по Парку, потом пообедали, до вечера пили подогретый портвейн; потом заглянули на часок в Хэймаркет; потом вернулись в клуб, ели отбивные и пили пунш, пока не помутилось в глазах, – эй, официант, подайте мне рюмку вишневки!

Клубные лакеи, самые вежливые, самые любезные, самые терпеливые из людей, изнемогают от прихотей этих безжа-

лостных юных пьяниц. Но если читателю захочется увидеть на сцене законченный портрет молодого человека этого сорта, я бы рекомендовал ему посмотреть остроумную комедию «Лондонская наглость», милые герои которой представлены не только как пьяницы и ночные гуляки, но проявляют и много других восхитительных черт: они мошенничают, лгут и распутничают всюю, что весьма поучительно для публики.

Насколько отличается поведение этих возмутительных юнцов от скромных манер моего друга мистера Папворти, который говорит Поппинсу, старшему лакею в клубе:

Папворти. Поппинс, я хочу пообедать пораньше, найдется у вас какая-нибудь холодная дичь?

Поппинс. Есть паштет из дичи, сэр; холодная куропатка, сэр; холодный фазан, сэр; холодный павлин, сэр; холодный лебедь, сэр; холодный страус, сэр, и т. д., и т. д. (смотря по обстоятельствам).

Папворти. Какой у вас самый лучший кларет, Поппинс? – то есть, я хочу сказать, большими бутылками?

Поппинс. Имеется Лафит Купера и Магнума, сэр; Сен-Жюльен Лакмуса и Пробки, сэр; Леовилль фирмы Пли! – считается превосходным вином, сэр; и, думаю, вам понравится Шато-Марго Джаггера.

Папворти. Гм... э-э... так дайте мне горбушку хлеба и стакан пива. Я буду только завтракать, Поппинс.

Капитан Скандал – тоже клубное пугало, но совсем иного рода. Он известен тем, что способен поднять на ноги весь

клуб из-за бараньей котлетки.

– Взгляните, сэр! Разве это прожарено, сэр? Понюхайте, сэр! Разве это мясо годится для джентльмена? – рычит он на старшего лакея, который стоит перед ним навывтяжку, весь дрожа, и тщетно уверяет его, что епископ Буллоксмитский только что скушал три точно такие же котлетки от того же филея.

Лакеи со всего клуба сбежались и толпятся вокруг одной капитанской котлетки. Он осыпает Джона самой отборной бранью за то, что ему до сих пор не несут пикули; выкрикивает самые ужасающие проклятия из-за того только, что Том не идет с соусом; и вот Питер бежит с графином воды и натывается на Джимса, который несет «блистающие подносы с хлебом». Всякий раз, когда Скандал входит в комнату (такова сила характера), лакеи бросают все другие столы, джентльменам приходится обедать как попало, а все эти великаны-лакеи дрожат от страха. Капитан этим пользуется. Он бранится, в силу чего ему прислуживают лучше. В клубе к нему летит десяток лакеев, готовых выполнять его приказания.

Тем временем бедная миссис Скандал сидит с детьми где-то в грязной квартирке, и прислуживает ей девчонка из приюта, в деревянных калошках.

Глава XLIX

Клубные снобы

Каждая благовоспитанная англичанка посочувствует герою этой душераздирающей повести, истории Сэквила Мэйна, которую я собираюсь рассказать. Мы уже говорили о клубных удовольствиях: давайте же бросим мимолетный взгляд на опасности, коими грозят такие учреждения, а для этой цели я должен представить вас моему молодому другу Сэквилу Мэйну.

Меня познакомили с этим джентльменом и его очаровательной супругой на балу в доме моей почтенной приятельницы миссис Перкинс. Заметив юное создание в белом платье с развевающимся розовым поясом в ярд шириной и в белых атласных башмачках, кружившееся в вихре польки с немецким дипломатом мосье Спрингбоком, в зеленом венке на удивительных черных волосах, самых черных, какие мне пришлось видеть в жизни, – заметив, повторяю, прелестное молодое существо, которое изящно кружилось по залу в изящнейшем танце, в своем круговом движении показывая мне личико то в профиль, то в три четверти, то анфас, – короче говоря, увидев такое личико, которое в любом положении казалось миловидным, розовым и счастливым, я, вполне естественно, полюбопытствовал узнать, чье же оно,

это привлекательное личико, и спросил Уэгли, который стоял рядом, разговаривая с одним своим знакомым, кто такая эта дама.

– Которая? – переспросил Уэгли.

– Вот эта, с угольно-черными глазами, – ответил я.

– Т-с-с! – прошипел Уэгли, а джентльмен, с которым он разговаривал, отошел от него в видимом расстройстве.

Дав ему отойти подальше, Уэгли рассмеялся.

– Угольно-черные глаза! Вы попали в самую точку, – сказал он. – Это миссис Сэквил Мэйн, а разговаривал со мной ее муж. Он торгует углем, любезный Сноб, и я не сомневаюсь, что именно он поставляет мистеру Перкинсу уоллсендский уголь со своего склада. Когда при нем упоминают об угле, он корчится, словно в раскаленной топке. Он сам, его супруга и матушка весьма гордятся семейством миссис Сэквил: она бывшая мисс Чафф, дочь капитана Чаффа К. Ф. А вон и его вдова, та дородная особа в малиновом муаре за карточным столом, что ссорится из-за лишней взятки со стариком Дампсом.

Так оно и оказалось в самом деле. Сэквил Мэйн, чье имя звучит во сто раз элегантнее, нежели имя Чафф, жил счастливо, имея хорошенькую супругу и благородного происхождения тещу, в чем многие могут ему позавидовать. Вскоре после его женитьбы старуха Чафф соизволила приехать к нему погостить – недельки на две – в уютный домик на Кеннингтонском поле, и ей так полюбились это место, что она

прожила в нем последние четыре года безвыездно. С собой она привезла и сына, Нельсона Коллингвуда Чаффа; но он не сидит постоянно дома, как его мамаша, а ходит в школу Гильдии портных, где получает солидное классическое образование.

Если уж эти люди, столь близкие супруге Мэйна и по справедливости столь дорогие для нее, могут препятствовать счастью самого Мэйна, то найдется ли на свете человек, которому в жизни не на что жаловаться? И когда я впервые повстречался с мистером Мэйном, вряд ли кому на свете жилось лучше, чем ему. Его домик являл собой образец изящества и комфорта, стол и винный погреб изобиловали лучшими припасами. Имелось все для наслаждения жизнью, однако же ничего показного. Омнибус отвозил его утром в контору; к обеду он возвращался пароходом к счастливейшему из семейных очагов, где коротал долгие вечера, читая вслух модные романы своим дамам, занимавшимся рукоделием, или сопровождал пение своей жены изящнейшей игрой на флейте; или же предавался еще какому-нибудь из сотни приятных и невинных развлечений домашнего круга. Миссис Чафф украшала гостиную изумительными вышивками собственной работы. Миссис Сэквил с неподражаемым талантом плела из тесьмы чехольчики на вышитые ее мамашей подушки. Она умела еще делать домашнее вино. Умела варить варенье и мариновать огурцы. У нее был и альбом для стихов, куда Сэквил Мэйн, будучи еще женихом, вписывал кра-

сивым бухгалтерским почерком избранные отрывки из Байрона и Мура, соответствующие его жениховскому положению. У нее, кроме того, имелась и большая рукописная книга кулинарных рецептов – словом, она обладала всеми качествами, какие полагаются благовоспитанной и добродетельной англичанке.

– Что же касается Нельсона Коллингвуда, – говорил Сэксвил, посмеиваясь, – то без него нам в доме никак нельзя обойтись. Если б он не портил вышивок, то через полгода мы бы не знали, куда деваться от подушек; а кто, кроме него, стал бы пить Лорино домашнее вино?

Сказать по правде, господа из Сити, которые приезжали к ним обедать, ни за что не соглашались пить это вино, – признаюсь, я и сам стал не менее разборчивым, сойдясь поближе с их семейством.

– Однако же, сударь, это зеленое имбирное вино пили лучшие наши люди, гордость Англии, – восклицала миссис Чафф. – Лорд адмирал Эксмут пил и хвалил его у капитана Чаффа на борту «Навуходоносора» в тысяча семьсот семьдесят четвертом году в Алжире; а три дюжины бутылок было с ним на фрегате «Камертон»; этим вином угощали экипаж перед славным сражением адмирала с кораблем «Грозный», под командой капитана Шуфлёра, в Панамском заливе.

Однако все это нисколько не помогало делу, хотя престарелая вдова рассказывала эту историю каждый раз, когда на стол подавали вино; вопреки тому, что когда-то именно оно

воодушевило британских моряков на битву и победу, нам, отнюдь не героям, но мирным людям нового времени, оно пришлось не по вкусу.

Я как сейчас вижу Сэквила в тот день, когда Уэгли представил меня всему семейству. Это было в июле месяце, в воскресенье, и Сэквил Мэйн возвращался из церкви, ведя под руку слева жену, а справа тещу (в красном муаре, по обыкновению). Нескладный подросток, нечто вроде недоросля-лакея, шел за ними, неся сверкающие позолотой молитвенники – а у дам в руках были роскошные зонтики с кисточками и бахромой. Большие золотые часы миссис Чафф, припиленные к ее желудку, горели, как огненный шар. Нельсон Коллингвуд шел поодаль, швыряя камешками в лошадь на Кеннингтон-Коммон. На этом зеленом лугу мы и встретились, и мне не забыть ни величавой учтивости миссис Чафф, которая припомнила, что имела уже удовольствие видеть меня у миссис Перкинс, ни презрительного взгляда, брошенного ею мимоходом на убогого старичка, проповедовавшего с бочки нечто крайне маловразумительное скептически настроенным кондукторам омнибуса и нянюшкам с детьми.

– Ничего не могу с собой поделаться, сэр, – обратилась она ко мне. – Я вдова офицера британского флота, меня учили почитать нашу церковь и нашего короля, и я совершенно не выношу радикалов и диссидентов.

Такие прекрасные правила произвели, как я заметил, сильное впечатление на Сэквила Мэйна.

– Уэгли, – сказал он моему спутнику, – если вы не имеете в виду ничего лучшего, почему бы вам с вашим другом не отобедать у нас? Мистер Сноб, сэр, баранину сию минуту снимут с вертела. Лора и миссис Чафф будут очень рады вас видеть, а я могу вам обещать радушный прием и стаканчик портвейна не хуже, чем у кого другого в Англии.

«Это будет куда лучше, чем обедать в «Саркофаге», – подумал я, ибо именно в этом клубе мы с Уэгли намеревались нынче откусать; поэтому мы приняли любезное приглашение, которое и привело впоследствии к более близкому знакомству.

Все в этом доме и в этом семействе дышало таким добродушием, комфортом и благосостоянием, что даже циник перестал бы там ворчать. Миссис Лора была вся приветливость и улыбки и в своем простом утреннем платье казалась не менее авантажной, чем в бальном туалете у миссис Перкинс. Миссис Чафф так и сыпала рассказами о «Навуходоносоре» в 1774 году, о битве между «Камертоном» и «Грозным», о героическом сопротивлении капитана Шуффлёра и о том, сколько он нюхал табаку, и т. д., и т. д. – все это на первый раз показалось мне много занимательнее, чем впоследствии. Сэквил Мэйн оказался превосходным хозяином. Он соглашался со всем, что бы ни говорили гости, и безоговорочно менял свое мнение, если ему возражали. Он не принадлежал к числу тех, кто мог бы тягаться с Шенбейном или монахом Бэконом, не пытался снимать с неба звезды, как

яблоки с ветки, – это был добрый, простой, честный, покладистый малый, влюбленный в свою жену, дружески расположенный ко всем на свете, довольный сам собой, довольный даже своей тещей. Нельсон Коллингвуд, помнится, к концу вечера, когда на стол подали виски с водой, слегка захмелел. Это ни в малой мере не вывело Сэквила из равновесия.

– Джозеф, отведите его наверх, – сказал он лакею-недорослю, – и, Джозеф... не говорите ничего его матушке.

Что же могло сделать несчастным человека с таким счастливым характером? Что могло быть причиной тревоги, раздоров и отчуждения в такой дружной и сплоченной семье? Любезные дамы, я тут ни при чем – во всем виновата миссис Чафф, – но конца этой истории вам придется подождать.

Глава L

Клубные снобы

Причиной несчастья, постигшего простодушного и доброго Сэквила, надо считать единственно этот мерзкий клуб «Саркофаг», а в том, что он вообще вступил в этот клуб, был отчасти виноват и пишуший эти строки.

Заметив, что теща его, миссис Чафф, питает склонность к аристократам – в самом деле, с языка у нее не сходили лорд Коллингвуд, лорд Гэмбиер, сэр Джейхелиил Brenton и плимутские и госпортские балы, мы с Уэгли, по нашему обыкновению, стали подыгрывать ей в разговоре, поминая лордов, герцогов, маркизов и баронетов так часто, словно эти сановники приходились нам близкими друзьями.

– Лорд Секстонбери, по-видимому, уже утешился после кончины своей супруги, – говорил я. – Вчера в клубе они с герцогом порядком выпили и были очень веселы, правда, Уэгли?

– Славный малый этот герцог, – отвечал Уэгли. – Сударыня, прошу вас, вы знаете свет и его обычаи, так не посоветуете ли вы мне, как быть в таком случае? В прошлом июне его светлость с сыном, лордом Каслрампантом, Том Смит и я обедали в клубе, и я предложил держать пари на Дерби против Караморы – сорок к одному, но только соверенами. Его

светлость принял это пари, и, разумеется, я выиграл. Он мне до сих пор не заплатил. Так вот, могу ли я напомнить такой особе, чтобы он вернул мне один соверен? Да, пожалуйста, сударыня, мне еще один кусочек сахара.

К счастью, сам Уэгли дал ей возможность не ответить на этот вопрос, ибо он поверг в смятение все почтенное семейство, окружавшее нас. Все они удивленно переглядывались, а на нас взирали в немом изумлении, как отважный Кортес на Тихий океан. Рассказы миссис Чафф касательно флотской аристократии значительно поблекли, а милая миссис Сэквил вдруг забеспокоилась и ушла наверх взглянуть на детей; не на юное чудовище, Нельсона Коллингвуда, который заснул, охмелев после виски с водой, а на тех двух малюток, которые появились на минуту за десертом и чьими счастливыми родителями были мистер и миссис Сэквил.

Следствием этой и дальнейших встреч с мистером Мэйном явилось то, что мы выставили его кандидатуру в члены «Саркофаг-клуба».

Выборы прошли не совсем гладко – неизвестно как распространился слух, что кандидат торгует углем. Можете быть уверены, что некоторые гордецы и большинство выскочек в клубе собирались прокатить его на воронях. Однако мы успешно побороли оппозицию. Выскочкам мы указали на то, что Лэмбтоны и Стюарты тоже торговали углем; гордецов умаслили, рассказав о его благородном происхождении, благородной натуре и благородных манерах, а в день выборов

Уэгли расхаживал по клубу, повествуя весьма красноречиво о битве между «Камертоном» и «Грозным» и о доблести капитана Мэйна, папаши нашего друга Сэквила. В повествование вкралась небольшая ошибка, но нашего кандидата мы провели, притом с самым незначительным числом черняков в избирательных урнах: разумеется, черный шар положил Байлз, который всем вообще кладет черные, и Банг, который смотрит на торговцев углем свысока, ибо сам не так давно ушел на покой, оставив виноторговлю.

Недели две спустя я увидел Сэквила Мэйна при следующих обстоятельствах.

Он показывал наш клуб своим домашним. Он привез их в светло-голубом экипаже, дожидавшемся у дверей клуба; на козлах рядом с кучером восседал лакей-недоросль во взятой напрокат ливрее. Нельсон Коллингвуд, хорошенькая миссис Сэквил, вдова капитана Чаффа (мы ее звали вдовой коммодора Чаффа) – все были налицо; последняя, само собой разумеется, в малиновом муаре, который, как он ни великолепен, все же совершенно померк в сравнении с великолепием «Саркофага». Восхищенный Сэквил Мэйн демонстрировал своим дамам красоты клуба. Этой маленькой компании он показался сущим раем.

В «Саркофаге» представлены все известные стили архитектуры и внутреннего убранства. Большая библиотека – в елизаветинском стиле; малая – в готическом; столовая – в строго дорическом; приемная – в египетском; гостиные – в

стиле Людовика XIV (вероятно, потому, что их безобразные украшения были в моде при Людовике XV); дворик – мавританско-итальянский. Повсюду мрамор, панели кленового дерева, зеркала, арабески – и подделка под мрамор и золото. Завитушки, монограммы, драконы, купидоны, нарциссы и другие цветы рассыпаны по стенам, словно из рога изобилия. Вообразите, что было бы, ежели бы каждый музыкант в оркестре Жюльена играл фортиссимо и при этом каждый исполнял бы свою мелодию; именно так ошеломляюще действует на меня убранство нашего клуба. Миссис Чафф, ослепленная волнением, которого я не в силах описать, а она не смела обнаружить, проходила по клубу в сопровождении своих детей и зятя, дивясь этой кричащей мешанине.

В большой библиотеке (двести двадцать пять футов на сто пятьдесят) миссис Чафф увидела одного-единственного человека – Тигса. Он лежал на диване темно-красного бархата, читая французский роман Поль де Кока. Книжка была очень маленькая, Тигс тоже очень невелик ростом. В огромном зале библиотеки он казался просто пылинкой. Когда дамы проходили мимо него, затаив дыхание, в страхе перед необозримым простором этой величественной пустыни, он бросил на прекрасных незнакомок убийственно коварный взгляд, словно говоря: «Ну не молодец ли я?» И я уверен, что так они обе и подумали.

– Кто это такой? – громким шепотом спросила миссис Чафф, когда мы были в пятидесяти шагах от него, на другом

конце комнаты.

– Тигс! – отвечал я таким же шепотом.

– Здесь очень уютно, не правда ли, милая? – развязно начал Мэйн, обращаясь к миссис Сэквил. – Видишь, тут есть все журналы, все письменные принадлежности, все новые книги – избранная библиотека, в которой имеются все самые выдающиеся сочинения, – ну-ка, что у нас тут? «Монастикон» Дагдэйла, весьма ценная книга и, как я слышал, весьма занимательная.

И, предложив жене посмотреть одну из этих книг, он взялся за том VII, который привлек его внимание странным обстоятельством: из его корешка торчала медная дверная ручка. Вместо книжки, однако, он вытащил ящик, где нерадивая горничная хранила щетку и пыльную тряпку, – Мэйн уставился на них крайне растерянным взглядом, а Нельсон Коллингвуд, потеряв всякое уважение к нашему клубу, громко расхохотался.

– В жизни не видывал такой чудной книги, – сказал Нельсон, – хорошо, ежели бы у нас в школе только такие и были.

– Тише, Нельсон, – остановила его миссис Чафф, и мы проследовали далее, в другие, не менее великолепные апартаменты.

Как наши дамы восхищались портъерами в гостиной (розовая с серебром парча, самая практичная и весьма подходящая для Лондона), и прикидывали цену за ярд, и нежились на мягчайших диванах, и гляделись в громадные зеркала!

– А ведь недурно бы побриться перед таким зеркалом? – сказал Мэйн своей теще. (Он с каждой минутой становился все развязнее и хвастливее.)

– Да ну вас, Сэквил! – ответила та в полном восторге и, став вполоборота, расправила красные муаровые оборки и внимательно оглядела себя в зеркало; взглянула на себя один-единственный раз и миссис Сэквил, и, право же, зеркало на этот раз отразило очень милое, смеющееся личико.

Впрочем, что такое женщины перед зеркалом? Господь с ними, бедняжками, ведь это их настоящее место. Они естественно обращаются к зеркалу. Оно им льстит, они же его украшают. Но на что мне нравится смотреть и за чем я наблюдаю со всевозрастающей радостью и умилением – так это мужчины перед большими клубными зеркалами. Как брыластый Гиллс подтягивает кверху воротнички, ухмыляясь отражению собственной угреватой физиономии. Как толстяк Халкер торжественно глядит на свою внушительную особу, обдергивая фрак, чтобы лучше обрисовалась талия. Как Фред Минчин жеманно глядится в зеркало, проходя в столовую, и посылает отражению своего белого галстука самодовольную и глуповатую улыбку. Сколько же тщеславия отразилось в этом клубном зеркале!

Итак, дамы с величайшим удовольствием прошлись по всему клубу. Они осмотрели столовую, видели столики, уже накрытые к обеду, и джентльменов, сидевших за вторым завтраком, и велеречивого Джокинса, по обыкновению всех

просвещавшего; видели читальню и какая там поднялась суета, когда принесли вечерние газеты; видели кухню, это чудо искусства, где шеф-повар командовал двумя десятками хорошеньких судомоек и десятью тысячами блестящих кастрюль, – а затем уселись в светло-голубую коляску, совершенно разомлевшие от удовольствия.

Сэквил не сел в коляску, хотя малютка Лора нарочно уселась спиной к лошадям, уступив ему место на лучшем сиденье, рядом с красным муаром миссис Чафф.

– У нас сегодня твои любимые блюда, – сказала она робким голосом, – разве ты не едешь с нами, Сэквил?

– Сегодня я съем котлетку здесь, в клубе, милая, – ответил Сэквил. – Поезжайте домой, Джеймс.

Он снова поднялся на крыльцо «Саркофага», а хорошенькая Лора грустно смотрела ему вслед из отъезжающей голубой коляски.

Глава LI

Клубные снобы

Зачем мы с Уэгли поступили так жестоко, зачем рекомендовали Сэквила Мэйна в этот мерзкий «Саркофаг»? Пусть наша неосторожность послужит примером и предостережением другим джентльменам; пусть о его судьбе и о судьбе его бедной жены помнят все женщины Англии. Последствия его вступления в клуб были вот каковы.

Одним из первых пороков, которыми обзавелся этот несчастный в нашем вертепе, было курение. Некоторые денди в клубе, как, например, маркиз Макабо, лорд Дудийн и другие господа высокого полета, обыкновенно предаются этому своему пристрастию наверху, в бильярдной, – и вот, частью для того, чтобы сойтись с ними поближе, частью же по природной склонности к преступлению, Сэкивил Мэйн последовал их примеру и усвоил себе эту отвратительную привычку. Нечего и говорить, сколь плачевны бывают ее последствия как для мебели, так и для нравственности, ежели человек начинает курить в семейном кругу. Сэкивил курил дома в столовой, причиняя жене и теще такие терзания, какие я даже не берусь описать.

После того он сделался отъявленным бильярдистом, тратя часы за часами на эту пустую забаву; без стеснения дер-

жал пари, играя весьма посредственно и проигрывая бешеные деньги капитану Споту и полковнику Кэннону. Он играл с этими господами по сотне партий зараз и не только оставался в бильярдной до четырех или пяти часов утра, но и до полудня его видели в клубе, где он предавался бильярдной игре, нанося ущерб своему делу, губя свое здоровье и забывая о жене.

От бильярда до виста – один шаг, а когда человек пристрастится к висту, да еще по пяти фунтов за роббер, то, по моему разумению, он погиб окончательно. Как могла идти торговля углем и как могла его фирма поддерживать деловые связи, когда ее глава не выходил из-за карточного стола?

Общаясь с лицами благородного происхождения и франтами с Пэл-Мэл, Сэквил стал стыдиться своего уютного жилища на Кеннингтонском поле и перевез свое семейство в Пимлико, где (хотя теща его, миссис Чафф, и радовалась вначале, поскольку квартал был самый модный и расположен вблизи от ее возлюбленной монархини) бедная малютка Лора с детьми почувствовали себя несравненно хуже. Где были ее приятельницы, приходившие к ней по утрам с рукодельем? В Кеннингтоне и в Клепеме. Где остались маленькие товарищи ее детей? На Кеннингтонском поле. В великолепных каретах, с громом кативших взад и вперед по однообразно-серым улицам нового квартала, не сидели подружки общительной маленькой Лоры. Дети, чинно гулявшие в сопровождении бонны или строгой гувернантки, вовсе не походи-

ли на тех счастливиц, которые запускали змея или играли в «классы» на своем любимом старом поле. И в церкви тоже – ах! – какая была разница между Св. Бенедиктом в Пимлико, с его открытыми, без решеток, скамьями, его монотонной службой, восковыми свечами, гирляндами цветов и процессиями, и простодушной стариной Кеннингтона! И лакеи, ходившие к Св. Бенедикту, тоже были такие великолепные и такие огромные, что Джеймс, лакей-недоросль, трепетал перед ними и никак не соглашался носить молитвенники в эту церковь, говоря, что уж лучше он попросит расчета.

Обставить новый дом тоже стоило немалых затрат.

И – о, великие боги! – какая разница между унылыми банкетами на французскую ногу, которые Сэквил задавал в Пимлико, и веселыми обедами в Кеннингтоне! Ни бараньих окорочков, ни «лучшего во всей Англии портвейна», – зато все кушанья подавали на серебре, рекой лилось ужасное дешевое шампанское, лакеи были в перчатках, а гости – одни клубные денди, среди которых миссис Чафф держалась принужденно, а миссис Сэквил неизменно молчала.

Не то чтобы сам хозяин часто обедал дома. Этот несчастный стал совершенным эпикурейцем и обыкновенно обедал в клубе в обществе клубных гурманов: со старым доктором Утробби, полковником Крамли (поджарым, словно борзая, и с челюстями, словно у щуки) и всей остальной компанией. Здесь вы могли видеть, как этот несчастный упивался шампанским Силлери и обжирался французскими деликатеса-

ми, и я частенько поглядывал на него из-за своего столика (скромное пиршество на котором состояло из холодного мяса, жидкого клубного пива и полбутылки марсалы), вздыхая при мысли о том, что это – моих рук дело.

И не только он один присутствовал в моих покаянных мыслях. Где сейчас его жена? – думал я. Где бедная, добрая и милая малютка Лора? В эту самую минуту, когда в детской ложатся спать, а этот бездельник лакает вино в клубе, невинные малютки лепечут молитвы на коленях у Лоры, и она учит их говорить: господи, помилуй папу!

После того как она уложит детей спать, ее трудовой день окончен, ей больше нечего делать, и она остается в совершенном одиночестве на всю ночь, и грустит, и ждет его. Какой позор! Да ступай же ты домой, пьяный бездельник!

Как Сэквил расстроил свое здоровье, как он погубил свое дело, как он не раз попадал во всякие переделки, как он залез в неоплатные долги, как стал членом правления железной дороги, как, наконец, заколотили дом в Пимлико, как Сэквил перебрался в Булонь, – обо всем этом я бы мог рассказать, если бы не стыдился своего участия в таком деле. Семья возвратилась в Англию, ибо, ко всеобщему удивлению, миссис Чафф выложила большую сумму денег (никому не известно, каким образом она их скопила) и заплатила долги Сэквила. Он теперь в Англии, но живет в Кеннингтоне. Его имя давно вычеркнуто из списков «Саркофага». Когда

мы встречаемся, он переходит на другую сторону улицы, да и я больше не захожу к ним, – мне было бы грустно видеть выражение упрека и печали на кротком личике Лоры.

Однако же я горжусь мыслью, что влияние первого из английских Снобов на клубы вообще было не только пагубным: капитан Скандал теперь боится кричать на лакеев и съедает свою баранью котлетку, не требуя перевернуть ради этого небо и землю. Гобмуш не забирает больше двух газет сразу для себя лично. Тигс не звонит больше в колокольчик, требуя, чтобы слуга пробежал четверть мили для того, чтобы подать ему второй том, который лежит рядом, на соседнем столе. Гроулер перестал расхаживать в столовой от столика к столику, проверяя, что другие едят за обедом. Тротти Век берет в прихожей свой собственный зонтик, бумажный, а принадлежащий Сидни Скреперу плащ на шелковой подкладке возвращен Джоббинсом, который, оказывается, просто принял его за свой. Финт бросил рассказывать истории о покоренных им сердцах. Снукс уже не считает достойным джентльмена закидывать всех адвокатов червяками. Мистер Сморкун более не сушит перед камином большой красный носовой платок, к общему восторгу двухсот присутствующих членов клуба; и если хоть один клубный сноб был возвращен на праведный путь, если хоть один бедный Джон был избавлен от лишней беготни и брани, – скажите сами, други и братие, разве напрасно были написаны эти очерки о клуб-

ных снобах?

Глава последняя

Право, не знаю, как это случилось, дорогие друзья и собратья снобы, – но мы с вами пробыли вместе целый год, болтая и понося весь род человеческий, и даже если б нам суждено было прожить и еще сотню лет, то все же, я думаю, у нас нашлось бы, что сказать о снобах, – настолько необъяснима эта тема.

Самое это понятие прочно вошло в сознание англичан. Каждый день к нам поступает множество писем с выражением сочувствия, в них обращают внимание Английского Сноба на еще не описанные разновидности этой породы. «Где же ваши снобы-театралы, где же снобы-коммерсанты, снобы-медики и хирурги, снобы-чиновники, снобы-юристы, снобы-актеры, снобы-музыканты, снобы-спортсмены?» – пишут мои уважаемые корреспонденты. «Вы, конечно, не упустите случая описать выборы канцлера Кембриджского университета и покажете нам профессоров-снобов, которые, обнажив головы, смиренно идут на поклон к двадцатишестилетнему принцу и умоляют его стать главой их прославленного Университета?» – пишет нам один друг, запечатавший письмо печаткой клуба «Кем и Айзис». «Прошу Вас, – восклицает другой, – теперь как раз открывается сезон в Опере, так прочтите же нам лекцию о снобах в оперной ложе». И в самом деле, мне очень хотелось бы написать главу о profes-

сорах-снобах и еще одну о снобах-модниках. Думать о милых моих театральных снобах я не могу без боли душевной, и я жажду дорваться до художников-снобов, с которыми мне давно, очень давно хочется побеседовать.

Но что толку откладывать? Когда я разделяюсь с этими снобами, появятся новые, с которых тоже надо будет писать портреты. Этой работе нет конца. Одному человеку она не под силу. Тут всего пятьдесят два кирпича – а построить надобно целую пирамиду. Лучше уж поставить точку. Подобно тому как Джонс, рассказав свой лучший анекдот, всегда выходит из комнаты, а Цинциннат и генерал Вашингтон удалились в частную жизнь, достигнув апогея славы, – подобно тому как принц Альберт, заложив первый камень Биржи, предоставил каменщикам довершить это здание и отправился домой обедать, – подобно тому как стихотворец Банн выходит в конце сезона к рампе и с чувствами слишком буйными и потому не поддающимися описанию благодарит своих добрых друзей-зрителей, – вот так же, друзья, первый Сноб Англии под крики и рукоплескания народа, упоенный своим блистательным триумфом, однако же не теряя природной скромности, прощается с вами.

Но только на один сезон. Не навеки. Нет-нет. Есть один знаменитый писатель, которым я искренне восхищаюсь – и который вот уже десять лет прощается с публикой в каждом своем предисловии, а потом снова появляется перед нею именно тогда, когда она уже успела о нем соскучиться. Как

у него хватает мужества прощаться с читателями так часто? Думаю, что Банн не лицемерит, когда благодарит публику. Разлука всегда тягостна. Нам дорог даже самый скучный из наших приятелей. Даже Джокинсу мне было бы грустно пожать руку в последний раз. По моему мнению, добропорядочный каторжник, возвращаясь из ссылки на родину, должен грустить о Ван-Дименовой земле. Поверьте, когда опускается занавес над последним спектаклем рождественской пантомимы, бедный старик клоун не может не быть печален. И с какой же радостью он выбегает на подмостки ровно через год, 26 декабря, восклицая:

– А вот и мы! Здравствуйте, как поживаете!

Но не слишком ли я расчувствовался – лучше вернемся к нашей теме.

Понятие «сноб» прочно вошло в сознание англичан. Слово «сноб» заняло свое место в нашем честном английском словаре. Дать ему точное определение мы, пожалуй, не сумеем. Мы не можем сказать, что такое «сноб», как не можем определить, что такое «остроумие», «юмор» или же «лицемерие», хотя мы знаем, что это такое. Несколько недель тому назад, когда мне выпало счастье сидеть рядом с одной молодой девушкой за гостеприимным столом, где нудно и напыщенно разглагольствовал бедняга Джокинс, я написал на белейшей камчатной скатерти «С...б» и обратил внимание моей соседки на эту коротенькую надпись.

Девушка улыbnулась. Она сразу поняла, в чем дело, мгно-

венно отгадав две недостающие буквы, скрытые за точками, и я прочел в ее глазах согласие с тем, что Джокинс действительно сноб. Правда, дамы пока еще редко пользуются этим словом, но их улыбающийся ротик принимает неизъяснимо прелестное выражение, когда они его произносят. Если какая-либо молодая леди в этом усомнится, пусть у себя в комнате попробует произнести это слово перед зеркалом. Если только она проделает этот несложный опыт, то, клянусь жизнью, она непременно улыбнется и признает, что это слово удивительно красит ее ротик. Хорошенькое круглое словцо, все состоящее из мягких букв; кроме одной свистящей в начале, как бы для придания ему пикантности.

Тем временем Джокинс продолжал нести чушь, хвастаться и морить всех со скуки, несколько этого не сознавая. Нет сомнения, что он будет орать и реветь, как осел, до бесконечности или, по крайней мере, до тех пор, пока его слушают. Никакими словами сатиры нельзя переделать натуру человека и сноба, точно так же, как нельзя превратить осла в зебру, исполосовав его кнутом.

Однако мы можем предостеречь наших соседей, сообщив им, что тот, кем восхищаются они вместе с Джокинсом, попросту мошенник. Мы можем на опыте проверить, сноб он или нет, тщеславный ли он шарлатан, хвастун ли он, лишенный смиренномудрия, не знающий милосердия и чванящийся своей мелкой душонкой. Как он обращается с большими людьми и как – с маленькими? Как он ведет себя в присут-

ствии его светлости герцога и как – в присутствии лавочника Смита?

И мне кажется, что все английское общество заражено проклятым предрассудком сребролюбия, что мы низкопоклонничаем, льстим и заискиваем у одних, а других презираем и дерем перед ними нос – все мы, снизу доверху, от низших и до высших. Моя жена весьма сдержанно – «с надлежащим достоинством», как она изволит выражаться, – разговаривает с нашей соседкой, женой лавочника; в то же время она, то есть миссис Сноб, Элиза, жизни не пожалела бы, лишь бы быть представленной ко Двору, как ее кузина, супруга капитана. Элиза, конечно, прекрасная женщина, но ей стоит невыразимых мучений признаться, что мы живем на Верхней Томсон-стрит, в Сомерстауне. И хотя я уверен, что миссис Бакенбард любит нас гораздо нежнее, чем своих родственников Шлипшлэпов, но вы бы послушали только, как она без конца болтает о леди Шлипшлэп, – и: «Я сказала сэру Джону, «милый мой Джон», – и о доме Шлипшлэпов, и об их приемах на Хайд-парк-Террас.

Леди Шлипшлэп, встречаясь с Элизой, которая доводится какой-то дальней родственницей этому семейству, протягивает ей один палец, который моя супруга вольна пожать с самым искренним умилением.

Но если бы вы только видели, как ведет себя ее светлость в день званого обеда, когда к ней приезжают лорд и леди Ослофф!

Больше я не в силах терпеть эту дьявольскую выдумку – знатность, убивающую в людях данное им природой милосердие и искренность дружбы. «Надлежащее достоинство» – как же! Ранги, привилегии – еще чего! Табель о рангах – это ложь, сжечь ее надо. Она была хороша для церемониймейстеров доброго старого времени. Выступи же вперед, великий маршал, установи в обществе равенство – и пусть твой жезл заменит все вызолоченные палочки старого двора. Если это не святая истина, – если весь мир не идет в этом направлении, – если преклонение перед величием, унаследованным от предков, не надувательство и не идолопоклонство – давайте вернем назад Стюартов и отрежем Свободной Печати уши у позорного столба.

Если бы наши родственники, Шлипшлёпы, захотели познакомить меня с лордом Ослофф, то после обеда я бы воспользовался случаем и сказал бы ему самым добродушным тоном:

– Сэр, Фортуна ежегодно дарит вам несколько тысяч фунтов. Неизреченная мудрость наших предков поставила вас надо мной начальником и наследственным законодателем. Наша замечательная конституция (гордость британцев и предмет зависти соседствующих народов) обязывает меня признать вас сенатором, главой и опекуном. Вашему старшему сыну, Фиц-Хихоу, обеспечено место в парламенте; ваши младшие сыновья, молодые Игого, любезно согласятся стать капитанами гвардии и подполковниками или же наши-

ми представителями при иностранных дворах, а не то и пасторами в богатом приходе. Наша замечательная конституция (гордость и зависть и т. д.) провозглашает, что все эти преимущества принадлежат вам по праву, невзирая на вашу тупость, ваши пороки, ваш эгоизм и вашу полнейшую непригодность к делу. Как бы вы ни были тупы (а мы имеем столько же оснований предполагать, что вы, милорд, сущий осел, как и то, что вы просвещенный патриот), но все же, как бы вы ни были тупы, говорю я, никто не обвинит вас в чудовищной глупости – в равнодушии к благам жизни, коими вы пользуетесь, или же в том, что вы стремитесь расстаться с ними. Нет, хоть мы со Смитом и патриоты, но при более счастливых обстоятельствах, ежели бы сами были герцогами, мы, несомненно, тоже сумели бы постоять за свои привилегии.

Мы милостиво согласились бы занять высокие посты. Мы не возражали бы против той самой замечательной конституции (гордости и зависти и т. д.), которая сделала нас начальниками, а весь остальной мир нашими подчиненными; мы не стали бы слишком придираться к идее наследственного превосходства, которое привело столько простых людей к нашим ногам. Быть может, мы сплотились бы вокруг хлебных законов; восстали бы против Билля о реформе; скорее умерли бы, чем отменили акты против католиков и диссидентов; и мы тоже, при помощи нашей прекрасной системы классового законодательства, довели бы Ирландию до ее теперешнего завидного состояния.

Но мы со Смитом пока еще не лорды. Мы с ним не верим, что в интересах армии Смитов будет, если молодой Игого станет полковником в двадцать пять лет, – не в интересах Смитов будет и то, что лорд Ослофф поедет послом в Константинополь, – не на пользу нашей политике будет, если Ослофф ступит в нее своим унаследованным от предков копытом, – как не верим, что науке пойдет на пользу, если канцлером Кембриджского университета станет его королевское высочество принц Альберт.

Когда князю Блюхеру пожаловали ученую степень, старый солдат рассмеялся и сказал: «Это я-то доктор? Тогда уж Гнейзенау надо произвести в аптекари». Но Гнейзенау, хоть и больше понимал в военном деле, был всего лишь графом; а снобы благоговели перед князем и свой дурацкий диплом преподнесли ему за этот титул.

Такое низкопоклонство и раболепие Смит расценивает как снобизм и сделает все от него зависящее, лишь бы самому более не быть снобом и не покоряться снобам. Лорду Ослофф он говорит: «Мы отлично видим, Ослофф, что вы ничем не лучше нас. Мы даже грамотнее вас, а образ мыслей у нас такой же благонадежный; мы не желаем больше, чтоб вы нами командовали, и больше не станем чистить вам сапоги. Пускай их чистят ваши лакеи – вы им за это платите; а человек, который пришел получить список гостей, присутствовавших на банкете или на танцах в особняке Лонгорейль, за эту услугу получает плату в редакции. Нам же, лю-

безный мой Ослофф, ничего от вас не надо, покорнейше благодарим, но зато и вы от нас не получите лишнего. Мы снимем шляпу перед Веллингтоном, потому что это – Веллингтон; а вы кто такой, чтобы перед вами снимать шляпу?»

Мне осточертели «Придворные известия». Я ненавижу надменное злословие. Такие слова, как «великосветский», «привилегированный», «аристократический» и т. п., я считаю гнусными, отнюдь не христианскими эпитетами и полагаю, что их следует вычеркнуть из всех порядочных словарей. Придворную систему, согласно которой талантливых людей сажают за дальний стол с музыкантами, я считаю снобистской системой. Общество, которое выдает себя за просвещенное, а само знать не хочет искусств и литературы, я считаю снобистским обществом. Вы, который презираете своих ближних, – сноб; вы, забывающий о друзьях в погоне за титулованными знакомыми, – тоже сноб; вы, стыдящийся своей бедности и краснеющий за свою профессию, – тоже сноб, как и те, кто хвастает своей родословной и гордится своим богатством.

Дело «Панча» – смеяться над такими людьми. Так пусть же он смеется над ними честно, не нанося предательских ударов, пусть говорит правду, даже ухмыляясь от уха до уха, – и пусть никогда не забывает, что Смех хорош, Правда еще лучше, но лучше всего – Любовь.